

Хиро Арикава

электричка ханкю

Электричка Ханкю
Хиро Арикава

Аннотация
Хиро Арикава. Электричка Ханкю
От автора
В направлении Нисиномия-Китагути
  Такарадзука
  Такарадзука-Минамигути
  Сакасэгава
  Обаяси
  Нигава
  Котоэн
  Мондо Якудзин
  Нисиномия-Китагути
В обратную сторону
  Нисиномия-Китагути
  Мондо Якудзин
  Котоэн
  Нигава
  Обаяси
  Сакасэгава
  Такарадзука-Минамигути
И напоследок
  Такарадзука

Выходные данные

Аннотация

Вас ждет путешествие в компании обаятельных пассажиров и одной таксы по живописнейшему железнодорожному маршруту Японии, соединяющему города Такарадзука и Нисиномия.

Кажется, что между персонажами книги нет ничего общего, но в электричке их судьбы удивительным образом соединяются в одну историю.

Хиро Арикава
Электричка Ханкю

NoAge

polyandria

2026

Перевела с японского *Екатерина Даровская*
Дизайн обложки *Анны Стефкиной*

© 2008 Hiro Arikawa
All rights reserved.
Original Japanese edition published by Gentosha Inc., Tokyo.
Russian language translation rights arranged with Gentosha Inc. through The English Agency (Japan) Ltd.
© Даровская Е. Ф., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Поляндрия Ноу Эйдж», 2026

* * *

Книга непременно порадует ценителей жизнеутверждающей и согревающей сердца японской и корейской «уютной прозы». В мире, который с каждым днем становится все более похожим на антиутопию, этот роман служит напоминанием о том, что каждый из нас способен что-то изменить даже на самом простом, бытовом уровне и что слова обладают силой и могут положить начало переменам.

International Examiner

* * *

От автора

На станции Такарадзука компании-перевозчика «Ханкю» линия Такарадзука (в направлении Умэды[1]) и линия Имадзу (которая соединяется с линией Кобе на станции Нисиномия-Китагути) сходятся, образуя фигуру, напоминающую иероглиф «человек»[2]. Здесь же можно пересесть на линию Такарадзука Японских железных дорог, что делает станцию важным для этой относительно малонаселенной гористой области Западной Японии транспортным узлом, где встречаются три железнодорожные линии.

«Ханкю» — крупный частный оператор железных дорог в регионе Кансай. По маршрутам компании курсируют составы с фирменными темнокрасными вагонами и ретроинтерьером, популярные как среди любителей поездов в целом, так и среди юных особ, по мнению которых электрички «Ханкю» обладают неповторимым

---

[1] Примечания: 1

Один из наиболее крупных районов мегаполиса Осака. — Здесь и далее примеч. перев.

[2] Примечания: 2

Иероглиф выглядит так: 人.

шармом и уникальным стилем.

Действие этой истории происходит на Имадзу — пожалуй, одной из наименее известных линий компании «Ханкю».

В направлении Нисиномия-Китагути

Такарадзука

Пассажир, едущий в электричке один, как правило, имеет безучастное выражение лица и погружен в себя. Его глаза прикованы к ландшафту за окном, к рекламе на стенах или к самим стенам; в те редкие минуты, когда его взгляд блуждает по вагону, пассажир старается избегать зрительного контакта с попутчиками. В остальном он занимается ровно тем же, чем и они: читает, слушает музыку или утыкается в мобильный телефон.

Вот почему
люди, которые едут в одиночестве,
никак не пытаясь убить дорожную скуку,
и при этом ведут себя оживленно,
всегда выделяются на общем фоне.

Масаси тотчас узнал девушку, которая вошла в вагон на станции Такарадзука и села рядом с ним.

Центральная библиотека Такарадзуки располагалась вблизи станции Киёсикодзин, за одну остановку до пересечения линий Имадзу и Такарадзука.

Масаси пять лет работал в офисе и наведывался в эту библиотеку примерно пару раз в месяц. Причин имелось несколько: во-первых, Масаси любил читать, во-вторых, время от времени ему требовалась специальная литература, а в-третьих, у него не было девушки и потому, если он заранее не договорился о встрече с друзьями, в выходные ему оставалось только сидеть дома.

Неудивительно, что при такой частоте визитов он знал в лицо большинство сотрудников библиотеки, а также ее завсегдатаев, например ворчливого старикана, который с наслаждением выматывал библиотекарям нервы, и многих других.

Девицу с длинными ухоженными волосами Масаси запомнил особенно хорошо, потому что однажды проиграл ей в битве за книгу — громкую новинку, вышедшую из печати буквально месяцем ранее. Заметив ее на полке, Масаси не раздумывая протянул руку, но тут кто-то выхватил книгу прямо у него из-под носа.

Нахмурив брови, Масаси обернулся, обнаружил перед собой симпатичную девушку и тотчас позабыл о том, что хотел возмутиться. Мужчины есть мужчины.

Судя по всему, она не только не поняла, что

помешала Масаси взять книгу, но и вообще его не видела. Масаси прокрался за незнакомкой вдоль стеллажей, наблюдая, с каким счастливым лицом она прижимает добычу к груди, и пришел к неутешительному выводу, что его шансы прочесть эту книгу в ближайшие дни равны нулю.

На плече девушки висела полотняная сумка с изображением всемирно известного мышонка. Сочтя аксессуар ребяческим, Масаси снисходительно покачал головой. «Должно быть, это ее любимая сумка. Либо самая вместительная из всех, что есть дома. Либо просто такая, которую не жалко. Если регулярно таскать с собой гору книг, изящная или хлипкая порвется в два счета. Хм-м…» Дальнейшие рассуждения навели его на мысль, что читательница ходит в библиотеку довольно часто.

Так и оказалось. А поскольку Масаси и сам бывал здесь регулярно, незнакомка стала попадаться ему на глаза все чаще. Он узнавал ее по широко улыбающемуся мышонку на сумке. Кроме того, девушка была во вкусе Масаси, и потому вскоре, едва переступив порог библиотеки, он автоматически начинал выискивать взглядом сумку с изображением обаятельного грызуна.

С тех пор как он проиграл этой посетительнице,

Масаси усматривал в ней конкурентку и всякий раз, ощущая ее присутствие в зале, принимался изучать содержимое стеллажей с удвоенным рвением — а вдруг сегодня на одной из полок его ждет какая-нибудь многообещающая книга?

Со временем Масаси пришел к заключению, что им нравятся одни и те же авторы и жанры. При этом его удивляло то, что, как бы он ни старался опередить свою соперницу на пути к очередной новинке, она все равно ухитрялась найти такую, увидев обложку которой Масаси досадовал, что не углядел ее первым, и давал себе зарок непременно взять эту книгу, когда «конкурентка» ее вернет. Правда, названия он никогда не записывал, и они благополучно выветривались у него из головы.

Все предшествующие встречи проходили исключительно в залах библиотеки. Вплоть до сегодняшнего дня Масаси и эта особа ни разу не ехали в одном поезде.

На Киёсикодзин она села в электричку до Такарадзуки, войдя в тот же вагон, что и Масаси. Мышонок, по обыкновению, задорно улыбался, хотя сумка была набита до отказа. Впрочем, и кожаный рюкзак Масаси чуть не трещал по швам от находившихся внутри вещей и книг, так что

значительного разрыва в счете между библиотечными соперниками не наблюдалось.

Надо думать, девушка не заметила Масаси.

На станции Такарадзука, где заканчивался маршрут, можно было выйти в город, пересесть на линию Японских железных дорог или на электричку «Ханкю» до Нисиномия-Китагути (для краткости именуемую всеми Ниси-Кита) — путь ее следования представлял собой вторую черту иероглифа «человек», в форме которого здесь сходились линии.

«Неужели она едет в сторону Ниси-Кита?» — с замиранием сердца гадал Масаси. После остановки поезда взгляд его соседки приклеился к темнокрасному составу, стоявшему у той же платформы, но на противоположном пути. Двери отворились, и незнакомка со всех ног побежала через перрон.

На ипподром «Хансин» вблизи станции Нигава, расположенной в четырех остановках от станции Такарадзука, в выходные приезжало столько желающих поболеть на скачках, что тут, на пересадочном узле с четырьмя путями, некоторые электрички до Умэда и Ниси-Кита и обратно останавливались с разных сторон одной и той же платформы. Времени на переход было в обрез.

Масаси выскочил на перрон и, поймав себя на том, что испытывает легкое раздражение, заспешил к дверям того же поезда, что и его библиотечная соперница. Почему-то он совершенно не обрадовался тому, что они попутчики, и специально сел в другой вагон. Почти все места оказались заняты. Масаси, которому не хотелось ехать стоя с полным рюкзаком книг, отыскал пустующее сиденье и не мешкая направился к нему.

Дверь, соединявшая вагоны, распахнулась, и на пороге возникла та самая девушка. «И здесь негде сесть», — читалось на ее лице. Покачиваясь влево-вправо, она зашагала по проходу, резко остановилась рядом с одним из последних свободных мест (слева от Масаси, где же еще) и без промедления заняла его.

Удивительные совпадения складывались, будто бруски в игре дженга, пусть даже единственным, кто подметил, что в ней участвуют двое, был Масаси. Стремясь отвлечься, он вытащил из рюкзака взятый в библиотеке роман и уже начал листать страницы, как вдруг попутчица снова завладела его вниманием. Держа на коленях полную книг сумку со знаменитым мышонком на лицевой стороне, она повернулась

так, чтобы смотреть в окно поезда, и уткнулась взглядом в профиль Масаси. Восторженно улыбаясь, девушка уставилась куда-то вниз.

«Что она там увидела?» — Масаси не удержался и тоже развернулся к окну. В эти мгновения поезд проезжал по железнодорожному мосту через реку Мукогава.

— Ого! — вырвалось у Масаси.

На песчаном островке вблизи берега кто-то сложил из камней инсталляцию в виде иероглифа:

Инсталляция была отнюдь не маленькой и занимала практически всю видимую над водой поверхность островка. Она выглядела как настоящее произведение искусства с идеально выверенными пропорциями и, несомненно, потрясала воображение любого, кто останавливал на ней взор.

— Необыкновенно, правда? — с благоговением произнесла девушка.

В самом деле, иероглиф был огромным и без труда узнавался даже издалека. Масаси машинально кивнул и, лишь когда мост остался позади, сообразил, что реплика адресована ему. Пока он лихорадочно искал подходящий ответ,

попутчица продолжила:

— Я заметила эту инсталляцию где-то месяц назад. Она поразительна, вы не находите?

— Безусловно. А еще более поразительно то, что вы ее заметили, — скороговоркой пробормотал Масаси. Сам факт, что эта особа додумалась посмотреть туда, куда никому и в голову не придет, почему-то развеселил Масаси и в то же время показался ему достойным восхищения.

— Как вам кажется, что в ней такого примечательного? — пропустив мимо ушей вторую часть его ответа, осведомилась она.

Масаси выдержал паузу и заговорил, подбирая слова:

— Наверное, дело в форме. Линии аккуратные, пропорции соблюдены. Знаете, у меня впечатление, что эту инсталляцию сооружали с помощью какого-то специального оборудования. Художественной креативности ее создателям не занимать, даже если они сделали это лишь забавы ради.

— А мне представляется примечательным выбор иероглифа, — взволнованно отозвалась попутчица. — Он состоит из прямых черт, так что подобную конструкцию выстроить не очень сложно. И все же это изображение одного-един-

ственного иероглифа ошеломляет, вы согласны? Когда я впервые его увидела, мне захотелось разливного пива.

— Вы читаете иероглиф как «нама»? Я-то с ходу решил, что это «сэй»[3].

— О, ваша версия мне тоже по душе. Любопытно, какую идею вкладывали в свою работу авторы.

— Если вам интересно, почему бы не отправить запрос в мэрию? Может статься, ответ прозаический — обозначение места предстоящей стройки или что-то в этом роде.

— Нет-нет. — Она поджала губы. — Никаких запросов. Если я выясню, что это подготовка к работам по укреплению берега или аналог граффити, который приравняют к акту вандализма и скоро уберут, чары развеются. Надеюсь, это всего лишь чья-то шутка. Редко встретишь шутку, которая производит столь мощный эффект, никому не мешает и так врезается в память. В общем, мне нет особого дела до истинной сути этой инстал-

---

[3] Примечания: 3

Иероглиф □ имеет более десяти чтений. Его значения так или иначе связаны с понятием рождения, жизни и смерти («уму» — рожать, «икиру» — жить, быть живым, «хаэру» — расти, произрастать и т. д.). В данном эпизоде герои упоминают значения «нама» — сырой, свежий («нама-би: ру» — разливное пиво) и «сэй» — «рожденный, жизнь». Заметим, что этот же иероглиф является частью слов «икебана» и «сэнсэй».

ляции, и я хотела бы, чтобы она оставалась там как можно дольше.

«Хм, а она права, — прокомментировал про себя Масаси, завороженный рассуждениями попутчицы. — Кто-то проедет мимо и не почешется, кто-то заметит и задумается о чем-то своем. Арт-объект, воздействие которого никогда не станет никому известным». От мысли, что человек, создавший инсталляцию, вероятно, живет с ним в одном городе, Масаси приободрился.

— Здорово, если автор и впрямь трактует его как «нама», — медленно произнес Масаси, и собеседница взглянула на него с недоумением. — Э-э, я вот о чем. Чтение «сэй» подразумевает такой ряд ассоциаций: жизнь и смерть, цель бытия, смысл всего сущего… И тогда перед нами уже не шуточная инсталляция, а послание к людям или, берите выше, молитва.

Оживление на лице попутчицы сменилось унынием. «Ну вот!» — Масаси занервничал. Он нисколько не желал расстроить ее, упивающуюся своим открытием, и уж тем более не пытался взять реванш за то, что проиграл ей в первой битве за книгу.

— Д-да… Кажется, я понимаю, о чем вы. Возможно, это вовсе не пустая забава. К примеру,

кто-то из близких автора болен и инсталляция — своего рода молитва о здравии, возносимая от имени семьи.

— Поскольку в здешних краях нет недостатка в храмах, святилищах и монастырях… — начал Масаси.

Что верно, то верно, вдоль линии Такарадзука пролегала старая паломническая дорога — Дзюнрэй-кайдо, и неподалеку от первых трех станций после Такарадзуки располагались храмы и святилища. Киёсикодзин, ближайшая к Центральной библиотеке Такарадзуки станция, находилась у подножия холма, на котором возвышался храм Киёсикодзин-дзи; следующая станция была названа в честь святилища Мэфу-дзиндзя — небольшого, но горячо любимого местными жителями, а та, что за ней, стояла рядом с Накаяма-дэра, одним из наиболее популярных храмов в регионе.

Если же отправиться по линии Имадзу в сторону Ниси-Кита, на станции Мондо Якудзин, всего в одной остановке до конечной, можно было посетить храм при одноименном монастыре. Люди приходили туда помолиться о семейном счастье, скорейшем выздоровлении, успехах в учебе и благополучных родах.

— …чем возносить молитву в столь странной форме, куда проще и разумнее побывать в храме или святилище. Тем более здесь, где выбор особенно богат.

— Вы действительно так полагаете?

— И вообще, стоит только углубиться в рассуждения, мы погрязнем в вариантах. К примеру, если инсталляция — не шутка и не молитва, она может таить в себе проклятие.

— Проклятие?! Как так?

— Ну, если мы читаем иероглиф «сэй», то есть «жизнь», то поместить инсталляцию-«сэй» на островке, откуда потоки воды раньше или позже неизбежно унесут камни, равнозначно разрушению чужой жизни, а это уже звучит как что-то из области оккультизма. Студент, увлеченный мистикой, вполне мог бы отчудить подобное.

— Надо же, мне бы до такого вовек не додуматься. — Она грустно вздохнула. — А ведь я, в отличие от вас, глазею на эту инсталляцию целый месяц. Мое воображение вашему и в подметки не годится. Один — ноль!

— Вы любите соревноваться и ненавидите проигрывать?

— Не в том дело. Просто мне сдавалось, что это занятный арт-объект и не более того.

Хотя при первой встрече молодая особа победила Масаси в схватке за бестселлер, сейчас она не вызывала у него антипатии и казалась довольно милой: увидев сложенный из камней иероглиф, выбрала для него самое безобидное чтение, да так вдохновилась своим шутливым толкованием, что захотела выпить пива.

— Следующая остановка — Сакасэгава. Сакасэгава, — объявили в динамик. Оказывается, поезд уже миновал Такарадзука-Минамигути, а они и не заметили.

— О, я выхожу. — Попутчица коротко кивнула Масаси.

— Живете в Сакасэгаве? Я тоже планировал тут поселиться. Когда перекочевал в эти края, первым делом приехал сюда, но увы, — разоткровенничался Масаси, удивляясь собственной словоохотливости.

— Да что вы? Я легко сняла квартиру прямо рядом со станцией.

— Сакасэгава ведь недалеко от театра Такарадзуки, верно? Многие его поклонники мечтают найти уголок именно здесь. Помню, когда агент подбирал мне квартиру, в Сакасэгаве предлагались варианты сугубо для женщин или семей.

— Сочувствую вам. Место и вправду необычай-

но удобное для жизни, все близко.

Поезд начал замедлять ход. Попутчица встала и помахала рукой. Масаси помахал в ответ и заговорщицки произнес:

— Куплю-ка я вечером разливного пива. Поддержу вашу версию — она мне нравится гораздо больше моих.

Уже направляясь к двери, девушка с улыбкой обернулась:

— В следующий раз, когда встретимся, давайте выпьем пива вместе. Желательно из стеклянных кружек, а не из жестяных банок.

«В следующий раз? — Масаси опешил. — Мы ведь и номерами телефонов не обменялись! Я-то для нее случайный попутчик, которого она видит впервые…»

— Вы ведь часто бываете в Центральной библиотеке Такарадзуки, не так ли? Вот я и говорю: в следующий раз.

Масаси замер с открытым ртом.

Тем временем поезд остановился, двери отворились, и девушка пружинистой походкой вышла на платформу. Поправив на плече тяжелую сумку, направилась к лестнице. Мышонок на сумке улыбался, подскакивая в такт шагам ее владелицы. Масаси наконец опомнился и прикрыл

разинутый рот ладонью. Коснулся пальцами щеки, ощутил, что она пылает. «Выходит, не только я ее узнал», — стучало в мозгу.

«В следующий раз, когда встретимся…»

Была суббота. Масаси никуда не собирался, и ему предстоял обычный скучный вечер дома.

«Я-то думал, она меня никогда не замечала…»

Масаси позарез захотелось выяснить, почему попутчица решила подсесть к нему и завязать разговор.

И потом, если она не против выпить с ним пива, к чему откладывать?

Масаси поднялся, подлетел к двери и выскочил на платформу.

Улыбчивый мышонок не успел преодолеть и половины длинной лестницы. Масаси глубоко вдохнул и побежал следом, перепрыгивая через две ступеньки.

Такарадзука-Минамигути

Обветшалой станции Такарадзука-Минамигути давно требовался капитальный ремонт. На расположенных по соседству Такарадзука и Сакасэгава, да и, пожалуй, на всех прочих станциях линии Имадзу, кипела жизнь, и лишь Такарадзука-Минамигути темнела тусклым пятном на их ярком фоне.

Поблизости находился двухэтажный торговый центр, и еще несколько лет назад там работали кое-какие магазинчики. По плану реконструкции его закрыли, но на этом процесс застопорился.

Едва ли не единственной местной достопримечательностью является отель «Такарадзука», безумно популярный среди поклонников Большого театра Такарадзуки: по слухам, вероятность встретить в стенах отеля театральных звезд весьма высока.

Поезд до Ниси-Кита плавно притормозил у платформы. Цокая каблуками, Сёко заскочила в вагон. Свободных мест практически не наблюдалось, и Сёко в белом платье встала у дверей, резонно рассудив: «Если сяду, да еще рядом с кем-то, платье изомнется, а ведь оно обошлось

мне в кругленькую сумму».

Она небрежно опустила на пол объемистый подарочный пакет с логотипом отеля «Такарадзука». Пускай внутри лежало что-то хрупкое и бьющееся — ей не было до этого никакого дела. Гостья, с радостью везущая домой сувенир от молодоженов, не явилась бы на их свадьбу в белоснежном наряде.

«Как же ее всю перекосило, когда она увидела меня в белом платье! — смаковала свой триумф Сёко. — Право слово, этот кадр останется в моей памяти навсегда».

Белый — цвет невесты, гласит дресс-код любого бракосочетания, однако Сёко не только надела белое платье, но и сделала высокую прическу с переливающейся диадемой. Разумеется, начиная с того момента, как Сёко прибыла в отель и расписалась в свадебной книге, взоры собравшихся были устремлены исключительно на нее.

Идея прийти туда в белом казалась Сёко гениальной. Вновь вспомнив озадаченные, а иногда и презрительные взгляды, которыми ее одаривали, она торжествующе усмехнулась и в сотый раз с болью подумала: «Ни за что не поверила бы, что ты так со мной поступишь».

В компанию, в которой сейчас работала, Сёко

устроилась пять лет назад. Полгода спустя она начала встречаться с коллегой Н. (тем самым, на чьей свадьбе присутствовала сегодня в качестве гостьи). Руководство дало добро на их отношения, они официально были парой. Года через три никто уже не сомневался, что Сёко и ее избранник поженятся.

Еще одна сотрудница, Т. (та самая, которая только что стала женой Н.), пришла в компанию в том же году, что и Сёко, и довольно быстро навязалась ей в подруги. Не в пример Сёко, обладавшей броской внешностью и острым умом, Т. была весьма заурядной девушкой и за считаные месяцы превратилась в столь же заурядную офисную работницу.

Во время корпоративного тренинга она оказалась в той же группе, что и Сёко, которая опомниться не успела, как Т. подсела к ней. Впрочем, общительная Сёко восприняла это спокойно — люди к ней тянулись, и приятельниц в разных отделах у нее было предостаточно. Наблюдая за тем, как Сёко и серая мышка Т. о чем-то болтают, коллеги недоуменно шушукались.

— Почему ты сдружилась с этой девчонкой? У вас абсолютно ничего общего, — поинтересовался кто-то после окончания тренинга.

Честно говоря, Сёко не знала ответа. Пока шло обучение, скромница Т. то и дело просила у нее помощи, а потом, не успела Сёко глазом моргнуть, уже была рядом с ней и вела себя так, словно имела на то полное право. Ее присутствие нисколько не тяготило Сёко, и хотя в работе Т. не могла похвастаться ни экспертными знаниями, ни особой прытью, она не нагружала Сёко своими проблемами, так что они продолжали поддерживать знакомство.

Когда Сёко и Н. сошлись, Т., по-видимому, узнала об этом из офисных сплетен и робко полюбопытствовала:

— Н. — твой парень?

— Да, вроде того, — ответила Сёко, не любившая обсуждать свою личную жизнь.

— Почему ты мне ничего не сказала? — с легким упреком произнесла Т.

— А должна была? Мы с тобой вроде бы не самые близкие подруги, — сухо отозвалась Сёко, раздосадованная необходимостью оправдываться, а про себя добавила: «Фу-у, до чего же она надоедливая».

Перебирая мучительные воспоминания, Сёко понимала, что ей следовало дистанцироваться от Т. сразу после этого разговора. Но поскольку

они вместе работали и Сёко не хотелось разжигать конфликт внутри компании, она решила проявить благоразумие, за что теперь и расплачивалась.

— Проклятие?!

Услышав неуместный возглас, Сёко обернулась и увидела молодого человека и девушку в повседневной одежде — вероятно, тоже офисных служащих. Сёко с удивлением отметила, что оба держат на коленях до отказа набитые сумки.

— Как так?

— Ну, если мы читаем иероглиф…

Казалось, девушка была до того заинтригована, что позабыла о правилах поведения в транспорте.

Ее спутник, напротив, с беспокойством покрутил головой и ответил, нарочно понизив голос, чтобы и она не говорила так громко. Его расчет сработал, и дальнейшей беседы Сёко не разобрала.

«Проклятие? — Она невольно хмыкнула. — А ведь я, пожалуй, сегодня тоже наложила на кое-кого проклятие, и белое платье мне в этом чертовски помогло».

На пятом году отношений тема свадьбы стала

подниматься в их разговорах все чаще. Когда дата бракосочетания была назначена и пришла пора приготовлений, Сёко и Н. начали ощущать предсвадебную хандру. Ссоры участились, недомолвок с каждым днем становилось больше.

Замужняя подруга развеяла тревоги Сёко — дескать, после свадьбы этот мандраж закончится, нужно запастись терпением. Сёко всецело поверила, однако подруга не учла обстоятельства, что на горизонте маячит особа, вознамерившаяся обернуть разногласия между Сёко и Н. в свою пользу.

Лгать Н. не умел, и Сёко быстро догадалась о его интрижке, но, осознавая, что им обоим приходится несладко, решила простить его, даже если он ни в чем не признается или будет все отрицать.

Тем сильнее было ошеломление Сёко, когда Н. ни с того ни с сего позвал ее в ресторан. Подойдя к столику, подле жениха Сёко обнаружила скромницу Т. и обомлела: «Она?!»

— Мы должны расстаться.

Сперва Сёко даже не сообразила, что Н. обраща ется к ней, настолько бессмысленными показались ей его слова.

— Как это понимать? Объяснись!

Вопрос Сёко был адресован не жениху, а молчу-

нье рядом с ним, но та лишь испуганно съежилась и теснее прильнула к И., который положил на стол розовую книжечку — карту беременной. Сёко увидела на обложке имя Т., и у нее перехватило дыхание.

Имеешь в виду, пока мы планировали свадьбу, ты мне изменял, да еще и без резинки?! — Вульгарное выражение само сорвалось с губ Сёко, которой разом стало не до церемоний.

Т. расплакалась и залепетала, не поднимая взгляда:

— Прости, это я во всем виновата. Я сказала Н., что предохраняться не нужно и что я немедленно сделаю аборт, если вдруг забеременею, а потому волноваться не о чем.

«И он купился на такое дикое вранье?!» — Сёко захотелось сплюнуть от досады. В следующий миг она поймала себя на мысли, что утратила всякий интерес к жениху. Человек, с которым она встречалась, человек, за которого она собиралась выйти замуж, оказался законченным болваном!

— И ты не устоял перед соблазном, да? — выпалила Сёко, повернувшись к Н. — Еще бы, кому не нравится развлекаться без забот и не думать о последствиях! Ты хоть понимаешь, насколько мерзко поступил?

Посетители за соседними столиками прислушивались к их разговору. Сёко готова была провалиться сквозь землю от унижения.

— Что еще ты промямлишь в свое оправдание? — Сёко мотнула подбородком в сторону Т., прекрасно видя, что та всего-навсего притворяется плачущей.

Т. изобразила, будто совладала с собой, и, шмыгая носом, ответила:

— Видишь ли, я полюбила Н. в первый год работы в компании… И когда узнала о беременности… поняла, что хочу сохранить ребенка и готова растить его одна.

«Змея подколодная. Навешала этому на уши лапши, а он, дурак, повелся», — вынесла вердикт Сёко, по-прежнему потрясенная тем, что ее избранника обвела вокруг пальца какая-то тихоня.

— Ты сильная, Сёко, — вклинился Н. — Убежден, ты моментально забудешь о нашем расставании и продолжишь уверенно идти по жизни без меня.

«К чему эти избитые фразы? Если я такая сильная и мне никто не нужен, ради чего я потратила на тебя битых пять лет? Ради чего терпела твои закидоны? Может, потому, что любила тебя и хотела быть с тобой?»

— Сделанного не воротишь. Т. беременна от меня. Она стойкая, уравновешенная, будет хорошей матерью и хозяйкой. Пойми, я не смог бы быть счастлив, женившись на тебе и делая вид, будто не знаю, что она родила от меня ребенка.

«Ты клинический идиот, если веришь, что та, которая называет себя моей подругой и ложится с тобой в постель, и в самом деле кроткая простушка и образцовая невеста!»

— Заметь, после всего, что мы тебе рассказали, ты и слезинки не проронила. Т. плачет навзрыд, а ты злишься и разбрасываешь оскорбления направо и налево. Прояви хоть каплю сочувствия…

— На твоем месте я не продолжала бы эту фразу. Иначе ты рискуешь не только окончательно упасть в моих глазах, но и испортить отношения с будущей супругой.

Похоже, язвительное предостережение Сёко попало в точку, и Н. умолк.

«Неужели он всерьез намекает, что, будь я с ним поласковее и помягче, он выбрал бы меня, а этой проходимке велел бы сделать аборт? Тьфу!»

Собравшись с мыслями, Сёко отчеканила:

— Наше расставание пройдет мирно, если ты примешь мое условие. Если же нет, я подам на тебя в суд за расторжение помолвки.

За годы, проведенные вместе с Н., у Сёко не осталось иллюзий насчет его финансовых возможностей. Она знала: средств на то, чтобы сперва устроить скоропалительную свадьбу с Т., а затем компенсировать ущерб Сёко, у него нет.

Н. и Т. замерли, как в ожидании сурового приговора.

— Условие следующее — вы приглашаете меня на банкет.

Сёко неплохо изучила характер Т. и догадывалась, что та не представляет себе бракосочетания без пышного торжества. Удар пришелся точно в цель, и по щекам Т. палились уже не фальшивые, а самые настоящие слезы отчаяния.

В день, когда новоиспеченные жених и невеста ходили по отделам и объявляли о помолвке и предстоящей свадьбе, коллеги встречали их сурово: приятельницы Сёко успели разнести по офису весть о том, что Н. и Сёко порвали, так как Н. изменил ей с Т. и теперь Т. ждет от него ребенка.

Сёко оставалось лишь делать скорбное лицо и продолжать безукоризненно выполнять рабочие обязанности. Ее триумф был неоспоримым, а позиции жениха и невесты в коллективе пошатнулись, да и симпатии руководства всецело достались Сёко.

«Она приклеилась ко мне, будто акулья прилипала, и в итоге увела моего парня, которого я собиралась взять в мужья, а этот болван проглотил наживку вместе с крючком. Но пусть не надеются, что смогут жить долго и счастливо в любви и согласии», — злорадствовала Сёко.

Церемония, по словам жениха и невесты, ожидалась скромная, исключительно для родных и ближайшего круга друзей. Сёко рассказали, что один из начальников отпустил в адрес Н. колкость:

— Я с нетерпением ждал этот матч, но, учитывая смену игроков, радуюсь, что не успел забронировать билет.

День бракосочетания настал.

На банкет пригласили не особенно много народа, зато происходил он в престижном ресторане. Условие, поставленное Сёко, Н. и Т. честно выполнили.

Белое платье Сёко, настолько простое, что его можно было назвать минималистическим свадебным, создавало неразбериху и было как бельмо на глазу.

Среди немногочисленных гостей Сёко не встретила никого знакомого. Само собой, у них с Н. имелись общие друзья, но тех на праздник не

позвали. Помимо родни, со стороны жениха присутствовали какие-то приятели со школьной скамьи — Сёко видела их впервые и невольно посочувствовала бедолагам за то, что тем пришлось наспех выбирать подарки и перекраивать свой график ради церемонии, главные участники которой были им все равно что чужие.

Более того, гости невесты тоже казались скорее случайными прохожими, нежели друзьями семьи. Сёко попала с ними за один стол и, прислушиваясь к их беседе, отметила: «Ага, то есть Т. уже в студенчестве вела себя как прилипала. Что ж, это многое объясняет…»

— Шикарное на вас платье, — обратилась к ней соседка по столу.

Сёко лучезарно улыбнулась:

— Учитывая, что невеста увела у меня жениха и залетела от него, я вправе отомстить ей хотя бы вот так, вы не находите?

— Ого!

— Да вы что?

— В самом деле?

— Ха-ха, пожалуй!

Слушая возбужденные возгласы, Сёко ликовала: ни одна из этих дам не считала Т. подругой.

Никогда еще Сёко так не радовалась, что ода-

рена природной красотой, как в ту минуту, когда молодожены вошли в зал и принялись расхаживать от стола к столу, принимая поздравления.

Невзирая на макияж от свадебного стилиста, по сравнению с Сёко Т. выглядела блекло. А уж выбери Сёко платье понаряднее, контраст получился бы убийственным.

Лицо Т. перекосило от гнева. Она тотчас подняла глаза на мужа, выясняя, куда он смотрит.

Куда же еще…

Н. смотрел на Сёко и только на Сёко. На ту, которая была бы его женой, не попадись он на уловку проныры, чьим мужем сегодня стал.

— Желаю семейного счастья, — с поклоном проговорила Сёко.

— Поздравля-я-яем! — многозначительно подхватил женский хор.

Фотограф уже приготовился запечатлеть молодоженов с гостями, но Т. заверещала:

— С этим столиком не нужно! Пожалуйста, не фотографируйте!

— Что? Неслыханно! Чем мы провинились? Вы же сами нас пригласили! — загалдели соседки Сёко. Та с трудом сдержала улыбку, ломая голову над причиной подобного единения: «Они не в курсе, что такое тактичность? Или сочувствуют

мне и пытаются поддержать?»

В любом случае их поведение было Сёко только на руку, ведь и она не являлась образчиком хороших манер, раз пришла на банкет, полная решимости проучить Н. и Т. и нисколько не стеснялась своего поступка и его возможных последствий.

Распорядитель рассказал, что именно здесь, в отеле «Такарадзука», когда-то состоялось бракосочетание родителей Т. Кому-то, наверное, эта история показалась трогательной и символичной, однако Сёко лишь потерла руки: «Ничего-ничего, голубки, вы у меня и так не забудете, где и в какой задушевной атмосфере прошла ваша свадебка».

Свет приглушили, на экран вывели слайд-шоу. К Сёко подошла администратор с черной шалью в руках и негромко произнесла:

— Видите ли, невеста сочла ваш наряд не вполне уместным и просит накинуть вот эту шаль.

— Понимаю. — Задерживаться дольше не было смысла, и Сёко бесшумно встала из-за стола. — Уходить в разгар торжества неловко, но меня ждут дела. Будьте любезны, проводите меня к выходу.

Не задавая вопросов, администратор вывела

Сёко из зала и, едва они вышли на свет, протянула ей пакет со свадебными сувенирами. Сёко заотнекивалась. Служащая отеля вежливо поклонилась и пояснила:

— Если я не вручу это вам, мне грозит выговор. Покорнейше прошу вас, примите.

Очевидно, чутье и опыт подсказали ей истинную причину появления Сёко в белом платье на чужой свадьбе. Поняв, что, отказавшись, поведет себя как ребенок, Сёко с величайшей неохотой взяла пакет и покинула отель.

Объявили, что поезд подъезжает к станции Сакасэгава. Молодая пассажирка поднялась с сиденья со словами:

— В следующий раз, когда встретимся, давайте выпьем пива вместе. Желательно из стеклянных кружек, а не из жестяных банок. — Поймав ошарашенный взгляд молодого человека, к которому обращалась, она добавила: — Вы ведь часто бываете в Центральной библиотеке Такарадзуки, не так ли? Вот я и говорю: в следующий раз.

Ровным ритмичным шагом она вышла из поезда. Мгновение на лице ее попутчика читалась растерянность. В следующий миг он вскочил, вылетел на перрон и помчался вверх по лестнице, догоняя собеседницу.

По-видимому, они еще не были парой.

— Эх… — грустно вздохнула Сёко и вернулась мыслями к своему поступку, которым, бесспорно, омрачила счастье молодоженов. Правильно ли она сделала? Репутация Н. в компании уже и так поколебалась, с учетом нынешней рецессии в экономике найти новую вакансию ему будет сложно, а Т. не сможет позволить себе роскошь немедленно оставить работу, хотя коллеги женщины теперь ведут себя с ней отчужденно.

Пословица гласит, что слухи утихают через семьдесят пять дней, но пока Сёко, которой Н. и Т. нагадили в душу, продолжает работать в компании, слухи не утихнут ни через полгода, ни через год.

Она никогда не уйдет. Она никогда не уйдет, просто назло этим двоим. Рассудок подсказывал, что такое решение пользы ей не принесет, но она не слышала его голоса.

В одном Сёко не сомневалась: если уволится в ближайшее время, она проиграет. Необходимо стиснуть зубы и продержаться хотя бы до тех пор, пока у Т. не начался декретный отпуск (а она, кажется, из тех, кто уже не возвращается к работе после рождения ребенка).

Из соседнего вагона появилась пожилая дама,

крепко державшая за руку девочку-дошкольницу. По всей вероятности, это были бабушка и внучка. Пока первая крутила головой в поисках свободных мест, вторая заметила Сёко и радостно воскликнула:

— Невеста!

В ту же секунду из глаз Сёко хлынули слезы.

«Отчасти ты угадала, малышка. Еще недавно я была невестой и хотела стать женой человека, которому отдала пять лет жизни. Чувства между нами вспыхнули в одно мгновение: мы сразу поняли, что хотим быть вместе, точь-в-точь как тот парень из поезда и та девушка, вслед за которой он помчался. Несмотря на безалаберность, мой жених был добрым, и я любила его всей душой. Пока шли приготовления к свадьбе, я мирилась с трудностями и отгоняла подозрения, однако в итоге именно безалаберность жениха сгубила наши отношения. Я и представить себе не могла, что все закончится полным крахом моих иллюзий на его счет. Одна хитрая змея не просто увела его — она перечеркнула пять лет, которые я провела с ним. Я была настолько уязвлена, что у меня не оставалось другого выбора, кроме как сдаться и уступить его ей. Так что на самом деле я не невеста, нет. Я нарядилась в белое платье,

чтобы наложить проклятие на брак недотепы Н. с тварью Т.».

Сакасэгава

«О-о, как мило!» — расчувствовалась Токиэ, щурясь, чтобы получше рассмотреть молодого человека и девушку, стоявших посередине лестницы.

Он о чем-то взволнованно говорил, глядя ей в глаза. Токиэ обратила внимание, что на холщовой сумке девушки изображен диснеевский персонаж, любимый ее внучкой Ами, чью ладошку она сейчас сжимала в своей морщинистой руке.

— Может, не станем откладывать до следующей встречи? Вы никуда не торопитесь? — Парень запыхался — похоже, бежал вдогонку за собеседницей. — Э-э, но если у вас есть друг или жених, тогда, наверное…

— Нету у меня никаких женихов, — весело улыбнулась та в ответ. — Более того, я как раз ищу бойфренда, так что приму ваше приглашение с удовольствием.

— Прекрасно!

Наблюдая со стороны за началом их романа, Токиэ услышала:

— Бабушка, ау! Поезд уйдет!

Токиэ покрепче взяла Ами за руку, и они за-

спешили вниз по лестнице. На ходу Токиэ не уставала радоваться, что по-прежнему передвигается шустро, не испытывая боли в ногах или в спине.

Бабушка с внучкой быстро вошли в электричку и наконец остановились, переводя дыхание. Судя по тому, что из динамиков до сих пор не прозвучало предупреждение о скором отправлении, они успели с запасом.

— Молодец, бабуля! Когда я с тобой, ты скачешь как горная козочка! — похвалила ее бойкая на язык Ами.

«Вообще-то, я и без тебя не опоздала бы», — мысленно отозвалась Токиэ, рассудив, что заявлять об этом вслух было бы глупо.

Сегодня сын и невестка хотели пойти в кино, и Токиэ вызвалась присмотреть за Ами. В таких случаях они обычно ходили на площадку для выгула собак, открывшуюся на месте парка развлечений «Такарадзука Фэмили Лэнд». Внучка обожала собак, однако ни в доме ее родителей, ни у Токиэ питомцев не было, а вот на площадке посетителям разрешалось играть с тамошними четвероногими обитателями. На обратном пути обязательно заезжали в Сакасэгаву купить какую-нибудь игрушку или лакомство в крупней-

шем в округе магазине «Все по сто иен». Ами он нравился больше прочих — вероятно, потому что клянчить гостинец тут ей было куда сподручнее, чем, например, в супермаркете.

— Эти с короткими лапами такие смешные! Играла бы с ними с утра до вечера!

Девочка имела в виду вельш-корги. Токиэ опять промолчала. Она не рассказывала внучке, что тоже любит собак и отлично разбирается в породах.

В вагоне, в который они вошли, свободных мест не оказалось, а вот в соседнем, возможно, еще оставались, и Токиэ с внучкой устремились туда.

— Бабушка, а сегодня ты подаришь мне декупаж?

— Да-да. Не терпится похвастаться тебе своей новой работой!

— Мама жалуется, что твои тарелки и вазы уже девать некуда. Нам столько не нужно.

Невестка до сих пор не поняла, что дети плохо умеют хранить тайны. Впрочем, если она надоумила дочку сказать такое напрямую, это совсем скверно.

— И тем не менее я продолжу дарить их вам.

Сын и невестка не стеснялись припахивать Токиэ в няньки, но будто позабыли о том, что могли

бы пригласить ее жить к себе, ведь несколько лет назад она потеряла мужа. Токиэ, со своей стороны, не имела ни малейшего желания переезжать в дом, где ей не будут рады, и тоже не касалась щекотливой темы.

При этом в семье сохранялись вполне добросердечные отношения, и они по очереди гостили друг у друга — то Токиэ у сына, то сын с женой и дочкой у Токиэ. Покойный муж оставил ей дом и небольшой капитал. После смерти Токиэ все это должно было перейти к сыну, единственному наследнику.

Нельзя утверждать, что Токиэ не испытывала тревоги, когда задумывалась о том, как будет жить, если ей потребуется уход, однако на этот случай у нее имелась страховка, а еще она следила за своим питанием и регулярно делала зарядку. С каждым годом она все отчаяннее мечтала умереть внезапно, не становясь никому обузой.

Не так давно Токиэ решила, что, коль скоро она по-прежнему живет сама по себе, у нее имеется право на прихоть. Ту, которая не выходила из ее головы с тех пор, как умер муж.

Пока еще есть время, она хотела завести собаку.

Необходимость выгуливать питомца несколько

раз в день хорошо скажется на ее самочувствии. Даже очень пожилые люди гуляют с маленькими собаками, а уж энергичной Токиэ точно хватит на это сил.

Если с какого-то момента она больше не сможет заботиться о четвероногом друге, у нее есть внучка, которая любит собак, да и сын с невесткой, памятуя о том, что им отойдет в наследство, наверняка не откажут в помощи.

Пока Токиэ в тысячный раз проговаривала в уме эти мысли, они с Ами перешли в следующий вагон и вскоре оказались вблизи двери, у которой стояла молодая женщина в белоснежном платье. Она была настоящей красавицей, однако смотрела на мир с таким выражением лица, будто только что кого-то прикончила.

Помимо собак, внучка Токиэ обожала все связанное с принцессами, нарядами, кружевами и оборками, а потому, восторженно глядя на пассажирку, воскликнула:

— Невеста!

Глаза красавицы наполнились слезами.

Нетрудно было догадаться, что у нее какое-то горе. У ног незнакомки стоял пакет с логотипом фешенебельного отеля «Такарадзука». «Похоже, внутри подарок. Молодожены обычно вручают

такие гостям, — принялась распутывать ниточку Токиэ. — Но разве адекватная женщина надела бы на чужую свадьбу такое провокационное платье? Судя по ткани и пошиву, оно обошлось ей не меньше чем в сотню тысяч иен… Выглядит она весьма достойно, а от слова „невеста“ расплакалась. Не верится, что такая благовоспитанная особа могла ненароком нарушить приличия».

Внучка проворно заняла свободное сиденье у двери, рядом с которой переминалась с ноги на ногу всхлипывающая красавица в белом. Сесть подле Ами было некуда, и Токиэ, схватившись за свисающую с поручня петлю, встала перед девочкой. Та с жадным любопытством таращилась на плачущую незнакомку. Предвидя, что маленькая почемучка уже готова во всеуслышание поинтересоваться, из-за чего невеста в слезах, Токиэ решила сыграть на опережение и самой завести разговор с попутчицей, надеясь, что внучка не станет вмешиваться в беседу взрослых.

— Возмездие состоялось?

Молодая женщина не сразу сообразила, что вопрос адресован ей.

— Это вы мне? — наконец осведомилась она.

— Да, вам.

Токиэ была уверена, что ее обращение про-

звучало непринужденно, пусть и несколько прямолинейно, однако пассажирка, как видно, услышала в ее словах осуждение.

— Полагаю, в белом платье и с гостевым свадебным подарком я кажусь вам сумасшедшей.

— Не поймите превратно, я вас ничуть не критикую. Мало того, я и сама могу показаться сумасшедшей — какая-то бесцеремонная старуха, которая лезет к случайной попутчице с вопросом, удался ли ее акт возмездия.

Собеседница в белом охнула, а затем сдержанно произнесла:

— Удался или нет, пока сказать сложно. Не исключено, что ненависть ко мне лишь сильнее сблизила их. Я просто хочу, чтобы они вспоминали обо мне каждый раз, когда будут думать о своем бракосочетании. И я не собиралась позволить этому дню стать лучшим в их жизни. Я приложила все усилия, чтобы сделать их свадьбу событием, о котором они пожелают забыть. — Переведя дух, она заговорила более расслабленным тоном: — У меня был жених. Пока шла подготовка к торжеству, у нас обоих началась предсвадебная хандра. Одна нахалка воспользовалась обстоятельствами, соблазнила его и забеременела, после чего пришла к нему с этим известием, за-

реванная и беспомощная…

— Увы, от двуличных авериcток в нашем мире никуда не деться. Сочувствую вам. Бесконечно печальная история.

— Как странно. — Ее собеседница недоверчиво покачала головой. — Обычно в такой ситуации говорят: злись сколько тебе угодно, но не смей никого проклинать. Проявление сострадания от человека вашего возраста удивительно вдвойне.

— Только святой устоял бы перед искушением отомстить тому, кто с ним так обошелся. Поэтому, если кто-то вне себя от обиды и убежден, что не раскается, ему определенно станет легче, если он даст сдачи. — Токиэ бросила взгляд в окно на цепочку старых домов, тянувшуюся вдоль железнодорожных путей. — Подобный поступок требует решимости, а также готовности ответить за свои действия. Вы осмелились на это, потому что глубоко уязвлены, и ничьи порицания, сколь бы справедливо они ни звучали, не поколеблют вашей уверенности. Впрочем, я в этой истории не более чем бесцеремонная статистка, так что можете не принимать мои слова всерьез.

— Я гораздо красивее невесты.

— Нимало не сомневаюсь, — кивнула Токиэ и добавила про себя: «Иначе ты не отважилась бы

на подобный демарш».

— Видели бы вы лица молодоженов в тот миг, когда они приблизились к нашему столу! Она зыркала на него, а он… он смотрел лишь на меня. И не мог не заметить, что за все пять лет наших отношений я никогда не сияла такой красотой, как сегодня. Надеюсь, спустя лет десять, когда эта гарпия превратится в неряшливую домохозяйку, измученную воспитанием детей и бытовой тягомотиной, он по-прежнему будет помнить меня и то, как я блистала. Да, за эти годы я тоже не помолодею, но, ручаюсь, возраст сделает меня еще краше. Пусть бывший жених никогда не забывает, как в сравнении со мной выглядела в главный день своей жизни та, чьим мужем он отныне является. И пусть он жестоко раскается в своем выборе, сделанном исключительно по глупости. — Она цедила ядовитые фразы, которые для непосвященного прозвучали бы как заносчивое бахвальство, но лицо у нее при этом было такое, словно она час назад кого-то зарезала, поранилась сама и выпачкалась в крови — жертвы и своей собственной. — Мне было плевать, что подумают другие. Я жаждала одного — наложить проклятие на будущее этой пары. Превратить самый счастливый день их жизни в

самый злополучный.

— Бедовая вы, что и говорить. — Токиэ усмехнулась и сменила тему: — Кстати, вы работаете в той же компании, что и молодожены?

— Да.

— Тогда позвольте дать вам совет. Отнеситесь к моим соображениям с долей скепсиса, хорошо? — Встретившись глазами с собеседницей, Токиэ продолжила вполголоса: — Презирайте и клеймите их союз, пока не надоест. Одно ваше присутствие в офисе будет причинять дискомфорт бывшему, и это непременно отразится на его карьере и перспективах. — Разлучницу Токиэ даже упоминать не стала: жизненный опыт подсказывал ей, что ловкачка едва ли вернется на работу из декрета. Во-первых, с учетом обстоятельств ее стремление сделать это будет невелико, а во-вторых, хоть ей и удалось увести чужого возлюбленного, сил терпеть презрительные взгляды и перешептывания коллег у нее вряд ли хватит. — Но когда осознаете, что вам это наскучило, увольняйтесь.

Многозначительно умолкнув, Токиэ искоса посмотрела на попутчицу. «Ума ей, похоже, не занимать, так что, надеюсь, она сделает правильные выводы, — сказала себе Токиэ. — Поскольку

ее бывший обзавелся докучливой супругой, постоянное напоминание о себе рано или поздно ударит по ней самой и обернется новым кошмаром, проклятием, которое уже ей придется нести до конца жизни».

Токиэ не знала, насколько глубоки чувства собеседницы к несостоявшемуся жениху, но, видя перед собой прелестную молодую женщину, могла предугадать, что этот удар, при всей своей болезненности, едва ли станет для той фатальным.

— Понимаю, — наконец выдохнула попутчица, и ее голос звучал искренне.

— Следующая остановка — Обаяси. Обаяси.

Когда голос из динамика стих, Токиэ ласково произнесла:

— Не сочтите за назойливость, но вид у вас сейчас ужасно усталый, вот я и подумала: возможно, вам стоит сойти в Обаяси и прогуляться. Обаяси — чудесное место. Проветритесь немножко!

Собеседница с сомнением наклонила голову, но, по-видимому решив принять совет пожилой дамы, с которой успела столь откровенно поговорить за время переезда от одной станции до другой, кивнула.

— Пожалуй, я так и сделаю.

Поезд замедлил ход и подъехал к платформе. Двери открылись, и первыми в вагон вошли парень с девушкой. Их взгляды тотчас приклеились к белоснежному платью пассажирки. Та поправила сумочку на плече и уже собралась выйти, но внучка Токиэ окликнула ее:

— Вы забыли пакет!

Плечи женщины дрогнули. «Наверное, она хотела как бы невзначай оставить его тут», — поняла Токиэ. Ее недавняя собеседница обернулась, подхватила пакет и, криво улыбнувшись Ами, вышла на перрон.

— До чего красивая невеста! — восхитилась девочка, провожая глазами фигуру в белом.

— Она не невеста, — поправила Токиэ, чей суховатый тон, возможно, был продиктован презрением к особе, которая сегодня действительно вышла замуж. — Невеста не ехала бы домой одна. Она ведь без жениха, ты обратила внимание?

— А, точно.

Токиэ помнила, что белый — цвет не одного лишь свадебного платья. В исторических драмах женщина, посещающая святилище в час быка, тоже носит белое. А приходит она не просто так, а чтобы наложить проклятие. То есть спектр белого охватывает не только празднование, но и

месть, однако внучка пока слишком мала, чтобы ей об этом рассказывать.

— Ты заметил? С ума сойти, да?

— Угу, отпадно выглядит.

— Ты серьезно?

Студенческая пара, заскочившая в вагон, когда женщина в белом выходила на платформу, встала у противоположных дверей и без стеснения обсуждала увиденное.

— На ней платье, похожее на подвенечное, а в руках сувенир со свадьбы. Такие обычно вручают гостям.

— Допустим. И что в этом странного?

— Да-а, у вас, мужчин, познания нулевые, когда речь заходит об официальных мероприятиях. Прийти в белом платье, тем более в таком элегантном, на чужое бракосочетание — это табу. Бьюсь об заклад, что-то тут нечисто.

Девушка попала в точку, но Токиэ не хотелось, чтобы ее внучка слушала этот диалог. И как бы ни мала была Ами, она уже сообразила, что двое пассажиров перемывают косточки той особе в белом. Девочка сидела не шелохнувшись, изображая паиньку, а сама обратилась в слух. Даже если она не уловила смысл этого диалога, вскоре ей наверняка станет ясно, что парочка говорит о

красавице в белом.

— Ами… — поймав чуть виноватый взгляд внучки, Токиэ торжественно произнесла: — Я подумываю завести собаку. Что скажешь?

— Ух ты! Правда?! — просияла девочка.

По искоркам в ее глазах Токиэ поняла, что новость затмила и появление странной невесты, которая и не невеста вовсе, и разговор пассажиров: «Другое дело. Мала ты еще для таких историй».

— Пусть это будет золотистый ретривер, бабуля!

— К сожалению, я уже недостаточно сильная, чтобы справиться с большой собакой. Мне нужен кто-то поменьше.

— Вроде тех, которых мы видели сегодня? Как их там… Корги?

— Да, примерно такого размера. Вероятно, сиба-ину тоже подойдет.

— Щеночки сиба-ину славные! — закивала внучка, по-видимому готовая поддержать любой выбор бабушки. — А чихуахуа тебе нравятся? Они как раз некрупные.

— Э-э, по-моему, они слишком некрупные, — отшутилась Токиэ.

— Пожалуйста, купи собачку поскорее! А я буду

помогать тебе ее выгуливать!

Полушутя-полусерьезно Токиэ начала перечислять варианты, заодно рассказывая внучке о породах, про которые та прежде не слышала, и эта беседа, кажется, полностью стерла из памяти девочки воспоминание о расплакавшейся горемыке в белом платье.

— Но, бабушка, если ты так любишь собак, почему до сих пор не завела ни одной?

Вопрос застиг Токиэ врасплох. Действительно, почему? Когда она была ребенком, в их доме всегда жили собаки, а вскоре после свадьбы они с мужем поселились отдельно, так что вполне могли обзавестись щеночком…

— И верно! — Хлопнув себя рукой по лбу, Токиэ прыснула. — Понимаешь, дедушка их не очень любил.

— Да ты что?!

Во времена молодости Токиэ браки редко заключались по любви. Вот и в случае Токиэ и ее жениха все прошло как у всех: сваха представила их друг другу, они стали встречаться, их взаимные чувства постепенно крепли.

Однажды он мягко спросил: «Можно мне прийти к вам в гости в следующее воскресенье?» Успев неплохо узнать этого трудолюбивого покладисто-

го парня, Токиэ была согласна связать с ним свою судьбу. Итак, в назначенный день жених нарядился в лучший костюм и пришел к ним домой с букетом цветов для Токиэ и большой бутылкой превосходного саке для ее родителей.

— Добро пожаловать! — радушным хором воскликнули домочадцы, приветствуя жениха у порога.

В суете хозяева не заметили, что кое-кто совершенно не в восторге от их гостя.

Стоя у порога, будущий муж Токиэ широко улыбался и почтительно кланялся, как вдруг выражение его лица изменилось.

— А-а-а!

Все в панике завертели головами и увидели, что домашний пес породы каи-кэн, сидевший на длинной цепи в будке у входа, впился зубами в ягодицу чужака.

Поскольку в гостиной был накрыт стол, жениха под руки провели в соседнюю комнату, где он снял безнадежно испорченный костюм (безусловно, позднее отец Токиэ, переживая за репутацию семьи, выплатил будущему зятю компенсацию). Явившийся по неотложному вызову врач помазал место укуса йодной настойкой и отчитал хозяев за то, что пригласили его по смехотворному по-

воду, с которым могли преспокойно разобраться сами. При всей справедливости этого упрека, кто из членов семьи стал бы осматривать и дезинфицировать голые ягодицы избранника дочери, пришедшего с предложением руки и сердца? Конечно, в последующие годы совместной жизни Токиэ не раз наносила мази и на места укусов насекомых, полученных мужем, и на его геморрой, однако на тот момент отношения будущих супругов были более чем целомудренными.

Жених кое-как сумел сделать предложение, тем не менее сидеть ему было больно, и он покинул трапезу, почти не притронувшись к еде. Мать Токиэ упаковала часть угощения и уговаривала дорогого гостя взять еду с собой, но тот был непреклонен.

Вплоть до рокового дня бедняга-жених относился к собакам вполне благожелательно. Травма породила необоримый страх перед всеми породами без исключения, особенно перед каи-кэн — охотничьими собаками с мощными челюстями. Стоило мужу завидеть на улице безобидного щенка, он боязливо ойкал и прятался за спину Токиэ.

Разумеется, когда у них появился собственный дом, мысль завести пса даже не приходила им на

ум. Овдовев, Токиэ почувствовала, что ей необходим четвероногий питомец, но несколько лет ограничивалась лишь мечтами об этом. Сегодня мечты, похоже, переросли в намерение.

После того как пес укусил возлюбленного Токиэ в день помолвки, он впадал в панику каждый раз, когда на его пути попадалась хотя бы чихуахуа. Сын, повзрослев, подтрунивал над отцом, а тот обижался. Когда они шли куда-то все вместе, Токиэ заранее продумывала маршрут так, чтобы вероятность встретить по дороге собаку сводилась к минимуму.

«Прости меня, родной».

Внезапно Токиэ задалась вопросом: если она заведет собаку, не будет ли душе мужа страшно возвращаться домой на День поминовения усопших и заупокойную службу? «Да нет, с чего вдруг, — ответила она самой себе. — Он ведь ныне призрак, и ему больше незачем сторониться собак. Но в День поминовения я на всякий случай стану запирать своего песика в клетке. Так что, любимый, навещай меня, пожалуйста. Если захочешь, примостись у меня на голове, — предложила она мужу и добавила, снова обращаясь к себе: — Главное — не покупать собаку породы каи-кэн».

Обаяси

«И что же здесь такого чудесного?»

Последовав рекомендации пожилой попутчицы, Сёко вышла из поезда в Обаяси и теперь озиралась по сторонам.

Сперва она заглянула в зал ожидания, расположенный на платформе, — стандартное помещение со стеклянными стенами, вдоль которых стоят ряды пластиковых кресел — розовых и голубых. Этим изысканность интерьера исчерпывалась. Впрочем, зал кондиционировался летом и отапливался зимой, а также защищал от ветра и осадков. В примыкавшей к нему уборной было чисто, но и она ничем особенным не отличалась. Торговые автоматы выглядели точь-в-точь как на любом другом вокзале.

Сёко разочарованно опустила голову и уже направилась к турникетам, как вдруг к станции подлетела крохотная ласточка, после чего сверху раздался оглушительный птичий щебет.

Подняв глаза, Сёко увидела гнездо, из которого, чуть не перевешиваясь через край, взирала на мир целая ватага птенцов.

Взрослая птица сунула корм в клювик одному

из малышей и тотчас поспешно улетела. Буквально мгновение спустя точно такой же шорох и щебет послышался с другой стороны.

Сёко повернулась и приметила еще одно гнездо, а потом и третье. Птицы-родители появлялись и кормили птенчиков с такой частотой, что те почти не умолкали, будто пели канон.

Под каждым гнездом размещался поддон, явно сколоченный из подручных материалов. Возле поддона у гнезда, свитого сразу за турникетами, висела табличка с надписью, выведенной изящным разборчивым почерком.

> В этом году мы снова прилетели сюда. Нам неловко причинять вам беспокойство, но мы очень просим: пожалуйста, продолжайте заботиться о нас, пока наши птенцы не покинут гнезда.

От такого теплого обращения растаяло бы самое черствое сердце. «Должно быть, табличку смастерил кто-то из работников станции».

Знаки, предупреждающие о ласточкиных гнездах, встречались весьма часто, однако большинство из тех, что раньше попадались Сёко на глаза, гласили: «Внимание, ласточкино гнездо. Остерегайтесь падения помета» или что-то в этом

роде. Такое доброе и смешное объявление, тем более написанное от имени ласточек, она видела впервые.

Купленный билет позволял Сёко доехать до Умэды, но она решила прогуляться по Обаяси.

Станция оказалась до того крошечной, что по пути к ней пассажирам приходилось идти по пологому склону, асфальтированному по правой стороне и вымощенному плиткой под кирпич по левой.

Шагая по асфальту, вскоре Сёко приблизилась к точке, где плитчатая дорога резко уходила влево. Там раскинулась велопарковка, а стоило Сёко пройти чуть дальше вправо, ее взгляд уткнулся в аптеку и продуктовый магазинчик. На его фасаде Сёко с удивлением заметила белый зонтик, зацепленный ручкой за стропила карниза.

«Для чего он тут?»

Заинтригованная, она подошла к магазину и, поняв предназначение необычной конструкции, просияла и захлопала в ладоши.

На ребре карниза, над свисавшим с него зонтиком, было свито ласточкино гнездо, а купол перевернутого зонтика служил резервуаром для сбора птичьего помета.

«Отличная идея!» — мысленно похвалила Сёко

и, впечатленная этим приспособлением, обратилась к пожилому охраннику, который проверял, все ли велосипеды пристегнуты:

— Как замечательно придумано!

Обернувшись, тот уставился на Сёко с недоумением — по-видимому, не мог сообразить, о чем она.

— Оригинальная конструкция, — произнесла Сёко громче, указывая на белый зонтик.

— А-а, вот вы о чем. Спасибо на добром слове! Ласточкино гнездо — результат большой работы, нехорошо было бы просто так взять и сбить его. Во-первых, птицы преодолевают огромное расстояние, чтобы вывести птенцов, а во-вторых, они приносят удачу. Но как быть, если гнездо свито в таком месте, где помет будет падать прямо на головы покупателей? Вот мы и пошли на эдакую хитрость.

«Обаяси — чудесное место».

Сёко наконец осознала, что имела в виду ее попутчица.

Непритязательная, но приятная станция и, судя по всему, приятный городок (хотя назвать так Обаяси, пожалуй, было бы преувеличением).

Сёко вдруг захотела купить что-нибудь в магазине, где зонтик на карнизе позволял владельцам

сохранить лицо и перед ласточками, и перед посетителями. В самом деле, она ведь ни крошки не съела на банкете и успела изрядно проголодаться. Снаружи имелись скамейки, и Сёко решила пообедать незамедлительно.

Поклонившись охраннику, она вошла в магазин. Сразу у входа были красиво выложены овощи по выгодным ценам, и Сёко разжилась корзинкой, чтобы набрать всего понемножку, но передумала, рассудив, что увесистую ношу будет тяжело везти до дома.

Магазинчик оказался достаточно тесным, однако радовал ассортиментом и тем, что работал допоздна. Сёко по опыту знала, что готовые обеды из магазина шаговой доступности наскучивают на раз-два. «Когда рядом с домом есть такой продуктовый, делать покупки и стряпать ужин из того, что хочется съесть, куда проще, даже если оба супруга поздно возвращаются с работы…» — автоматически отметила Сёко и тут же с тоской вспомнила, что ни супруга, ни даже жениха у нее нет и пока не предвидится.

Непосредственно перед кассой находился отдел кулинарии, где, помимо коробочек с бенто и прочими блюдами, стоял поднос с онигири. Рис, из которого виднелись кусочки маринованных

овощей, был слеплен в колобки вручную и завернут в пищевую пленку. Очарованная домашним видом онигири, Сёко взяла две штуки с начинкой из сливы и шисо, прихватила бутылку зеленого чая в отделе напитков и отправилась к кассе.

Словно краткий проблеск посреди сезона дождей, день выдался солнечным, и нагретая скамейка так и манила сесть отдохнуть. Сёко рухнула на нее, не заботясь о платье, будто и не она совсем недавно упрямо ехала в электричке стоя, чтобы не помять дорогущий наряд.

Онигири выглядели простыми и безыскусными, в точности как те, которые делала ее мама. Сёко смаковала каждый кусочек, жевала медленно и тщательно, а затем запивала чаем. Чтобы утолить голод, ей с избытком хватило одного онигири.

Выбросив обертку и бутылку в урну, Сёко окликнула охранника, с которым разговаривала ранее:

— Прошу прощения!

— Слушаю вас! — дружелюбно откликнулся охранник, возможно все еще довольный тем, что Сёко похвалила идею с зонтиком.

— Есть ли поблизости магазин, где продают одежду?

Охранник озабоченно наморщил лоб и указал

на четырехэтажный торговый центр, фасад которого выходил на дорогу, ведущую к станции.

— Мне кажется, там есть отдел женской одежды.

«Могла бы и сама догадаться», — укорила себя Сёко и, поблагодарив за помощь, зашагала вниз по склону.

Прохожие посматривали на Сёко в белоснежном платье, однако в их глазах не читалось и намека на осуждение. Городок выглядел совершенно обычным, большинство людей, спешивших по холму в этот послеполуденный час, были в повседневной одежде, и нарядная Сёко выделялась на общем фоне. Тем сильнее грело душу, что никто не пялился на нее с неодобрением.

Сёко потихоньку продолжила путь в сторону торгового центра.

Отдел женской одежды находился на втором этаже неподалеку от эскалатора. Бродя по залу, Сёко, как и ожидалось, ловила на себе мимолетные взгляды, но в них не было ничего, кроме любопытства. Вещи, представленные на стеллажах и вешалках, более подходили покупательницам среднего и пожилого возраста, а также молодым домохозяйкам. Словом, в любой другой ситуации Сёко никогда не оказалась бы в этом магазине.

Поколебавшись, она выбрала слаксы и вязаный топ, выстояла очередь к кассе и, расплатившись, попросила продавщицу в темно-синем костюме с логотипом магазина:

— Не могли бы вы срезать бирки и позволить мне переодеться в примерочной? Я хотела бы надеть все это прямо сейчас.

Удивленная продавщица проводила ее до кабинок и осталась ждать снаружи — вероятно, заподозрила какой-то подвох, а может, шикарное платье Сёко не давало ей покоя.

Сёко переоделась, положила платье в прозрачный пакет, который ей дали в придачу к покупкам, постаралась утрамбовать платье и перевязала ручки. Когда она отдернула занавеску, при виде содержимого пакета продавщица изумленно охнула:

— А как же ваше…

Ее явно смутило то, что одежда, которую Сёко сняла, была намного дороже обновок, в которые она облачилась.

— Все в порядке, — невозмутимо произнесла Сёко, вновь надевая туфли и подхватывая сумочку. Эти модные вещи не вполне сочетались с ее нынешним образом, но такой наряд уж точно не будет притягивать лишнее внимание. — Спасибо

и до свидания. — Сёко поклонилась и вышла, оставив продавщицу остолбенело стоять у примерочной.

Очутившись на улице, Сёко запихала пакет в контейнер. С учетом суммы, которую она отстегнула за это платье, его следовало бы отнести в комиссионный магазин, но оно было запятнано злобой Сёко и успешным омрачением свадебного торжества разлучницы, уведшей у нее жениха. Опасаясь навлечь невзгоды на кого-то другого, Сёко решила не отдавать платье никому.

И потом в комиссионке едва ли кто-то купит его, даже если она значительно снизит цену. «Итого возмездие обошлось мне в сто тысяч иен. Не такие уж космические затраты», — сказала себе Сёко, и от этой мысли ей полегчало. Что касается пары туфель и сумочки, обе вещи уже были в ее гардеробе, так что расставаться с ними она не планировала.

«Досадно, что приходится повсюду таскаться с этими подарками, но ведь их надо будет куда-нибудь пристроить, так что выбора нет», — вздохнула Сёко и свернула на оживленную улочку, по обеим сторонам которой тянулись ряды магазинчиков бенто и салоны красоты.

Вжи-и-и-их!

«Опять ласточки?! — Сёко расплылась в улыбке. — В жизни не видела, чтобы они так беззаботно летали вокруг своих гнезд, как в Обаяси, хотя тут царит вездесущая городская суматоха. Тем не менее ласточки не боятся вить на здешних улицах гнезда и выращивать птенцов, а это что-нибудь да значит. И впрямь чудесное место, точь-в-точь как выразилась та дама».

Чтобы не заблудиться, она не стала уходить слишком далеко от станции и повернула обратно, обойдя торговый центр с другой стороны. Вдоль тротуара благоухали деревья с пышными цветами — белыми, розовыми, белыми, розовыми… Сёко только диву давалась: даже ландшафтный дизайн здесь услаждал взор.

С сожалением оставив позади пленительную цветущую аллею, Сёко заглянула в аптеку и купила пачку салфеток для демакияжа. Прежде чем перейти улицу, ей пришлось довольно долго простоять на перекрестке: дороги были неширокими, однако поток машин не иссякал. «Жизнь в этом Обаяси положительно бурлит. Не переехать ли мне сюда?» — задумалась Сёко и сама поразилась своим мыслям.

Не желая возвращаться тем же путем, она обогнула склон, по которому спустилась ранее, и по

соседней улице двинулась к железнодорожным путям. Вскоре впереди показались очертания пантографа. Сёко угадала: улочка вела к плитчатой дорожке, которая заканчивалась у кассы. Сёко поднялась по склону и уже остановилась перед билетными автоматами, как вдруг сделала еще одно приятное открытие.

По бокам билетные автоматы были украшены рисунками и поделками, посвященными празднику Танабата. Их сопровождала табличка:

> Выражаем признательность учащимся начальной школы О., которые создали эти замечательные работы и подарили их нашей станции. Пусть же влюбленные Орихимэ и Хикобоси встретятся и в нынешнем году!

Поделки явно смастерили первоклассники. «Должно быть, ребята сами придумали подарить их служащим на станции, а те приняли подношение с учтивостью, как подобает взрослым людям, — предположила Сёко. — Но многие ли взрослые в наши дни добросовестно развесят аляповатые картинки на виду у целого города? Особенно если работают не в школе и не в детском саду…»

По своему билету до Умэды Сёко прошла через турникет и, приблизившись к будке дежурного, произнесла:

— Извините за беспокойство!

— Да-да? — приветливо отозвался седой дежурный, выходя из будки.

Сёко достала из пакета коробочку с аппетитным фигурным печеньем и положила ее на стойку окошечка.

— Вы позволите мне вручить эти лакомства вам и вашим коллегам? — И пока растерявшийся собеседник не нашел повод для отказа, торопливо добавила: — Я возвращаюсь с торжества, где гостям дарили сувениры и сладости. К сожалению, из-за проблем со здоровьем я не могу съесть печенье, а оно из пекарни при высококлассном отеле, и у меня рука не поднимается выбросить подарок. Если вы не против такого угощения, примите его, пожалуйста.

В отличие от платья, которое она купила специально для возмездия, печенье не несло на себе отпечатка злобы или горечи. Более того, его испекли в отеле с самыми искренними намерениями. По понятным причинам Сёко не смогла бы насладиться этим печеньем, сколь бы вкусным оно ни было, но, если его съест кто-то другой, она

не испытает чувства вины за то, что позволила еде пропасть зря.

— Простите за бестактность, у вас диабет? — участливо осведомился дежурный. — Какая жалость, вы ведь так молоды. Неужели дома некому съесть это печенье?

— Я живу одна. А поскольку вон та табличка меня растрогала и порадовала, мне захотелось сделать что-нибудь приятное для работников станции, прежде чем я поеду дальше. — Она указала на объявление от имени ласточек.

Дежурный смущенно почесал в затылке.

— Ласточки — невероятно милые и заботливые птицы. И они действительно прилетают сюда каждый год. Я сделал поддоны, а написать текст попросил коллегу, у которого почерк красивый.

— Прекрасная идея и прекрасное исполнение, — с поклоном произнесла Сёко.

Дежурный взял коробку с печеньем и, поклонившись в ответ, воскликнул:

— От всей души благодарю за угощение и за теплые слова! Я непременно передам вашу похвалу тому, кто оформил табличку.

Сёко вышла на платформу. Времени до прибытия поезда оставалось в обрез, однако она заскочила в уборную. Взглянув на себя в зер-

кало, Сёко внезапно осознала, что ее макияж напоминает боевую раскраску. «Сделайте меня ослепительной», — сказала она сегодня рано утром визажисту в салоне красоты. Мастер не подвел, и Сёко могла дать сто очков вперед невесте. Выражение, которое появилось на лице Т. в момент, когда она увидела Сёко, окупило затраты с лихвой.

Дело было сделано.

Сёко вынула купленные в аптеке салфетки и принялась смывать макияж. Чтобы полностью очистить лицо, ей потребовалось пять штук. Порывшись в косметичке, она вытащила пудру и помаду. Минутой позже ее облик снова стал максимально естественным.

Если не считать простенькой одежды, Сёко выглядела почти как обычно.

Возмездие удалось.

Сёко до сих пор ощущала гнев, но, чувствуя, что ее план сработал наилучшим образом, ни о чем не жалела.

«Когда же настанет мой день? — неожиданно промелькнуло у нее в голове. Сёко поняла, что впервые осмелилась задать себе этот вопрос, и мысленно обратилась к попутчице, с которой случайно разговорилась в электричке: — Спасибо

вам за поддержку. Жизнь продолжается!»

Нигава

— Тут и обсуждать нечего! — Миса рассмеялась. Разговор крутился вокруг молодой женщины в белом платье, которая сошла с поезда в Обаяси, и хотя Миса натянуто улыбалась, в груди у нее клокотало раздражение. — Если тебя позвали на свадьбу, явиться туда в белом, как минимум, странно.

— Ничего странного. Ее пригласили, значит, она гостья, а гости вольны надевать то, что им вздумается, — возразил Кацуя, недовольно поморщившись.

— Согласна, гости — важные участники торжества, и все же центральной фигурой церемонии является невеста и никто другой. Молодожены — главные герои праздника, и гости приходят на свадьбу, чтобы засвидетельствовать им свое почтение. Все знают, что белый — цвет невесты, поэтому здравомыслящий человек не наденет на чужое бракосочетание белую одежду.

— Кто и когда решил, в чем заключается здравый смысл?

— Здравый смысл — это набор принципов, которые просто нужно усвоить, если живешь в

обществе. Места для самодеятельности тут нет. — Не удержавшись, Миса вздохнула. — Сам посуди, ты же не пришел бы на чью-то свадьбу в белом костюме? — Она красноречиво взглянула на его мешковатую одежду в стиле хип-хоп.

— Теперь будешь критиковать мой внешний вид? — окрысился Кацуя.

— И в мыслях не было! Для всего в жизни есть подходящее время и место — вот что я пытаюсь сказать! — («Ну почему любая наша мирная беседа перерастает в перепалку? Я же никак его не оскорбляю…» — в отчаянии недоумевала про себя Миса.) — Гостьи, сколько бы им ни было лет, никогда не явятся на свадьбу в белом, шаль белую и то поостерегутся набрасывать! Во-первых, они боятся оскорбить невесту, во-вторых, не желают, чтобы окружающие сочли их невеждами.

— Вы, женщины, все как одна дуры, вечно переживаете по пустякам. Ты идеальный тому пример! — фыркнув, хохотнул Кацуя.

Миса и Кацуя встречались около года, и она уже знала, что он привык не стесняться в выражениях. Периодически Кацуя отпускал замечания, которые трудно было игнорировать. И когда это случалось, Миса не могла безропотно сносить обиду и принималась стыдить Кацую, чем лишь

распаляла его гнев.

— Хочешь сказать, ты разбираешься в свадебных тонкостях лучше меня? Вот ты недавно ходил на свадьбу к другу. А ты уверен, что правильно ответил на приглашение?

— Разумеется. Я отослал его назад, как и положено, — пожал плечами Кацуя.

— И что ты изменил в написании обратного адреса на карточке?

Цвет лица Кацуи мгновенно изменился. Так бывало каждый раз, когда ему указывали на то, чего он не знал.

— Только не говори, что отправил ее обратно как есть… — В голосе Мисы, уязвленной едкой ремаркой Кацуи, звучал неприкрытый вызов. — Ага, значит, так и поступил. Не знаю, в курсе ли ты, но отсылать карточку, на которой к тебе обращаются с почтительным «-сама», невежливо, поэтому надо зачеркнуть «-сама» крест-накрест, перед своим именем написать «от», затем зачеркнуть «от» перед именем приглашающего и

приписать к нему «-сама»[4]. Это базовые правила этикета. — (Кацуя хмурился и молчал.) — Если собираешься на мероприятие, нельзя просто обвести на обороте кружком вариант «буду присутствовать» и написать свой адрес и имя. Опять же, необходимо зачеркнуть «-сама» и убедиться, что вычеркнул «не буду присутствовать».

Мису подмывало добавить, что не повредит также приписать «принимаю приглашение с удовольствием» или что-то подобное, но на такую учтивость со стороны Кацуи нечего было и рассчитывать. Чутье подсказывало, что пора сменить тему, однако, частью в отместку за его вздорный комментарий, частью в силу собственной заводной натуры, Миса снисходительно произнесла:

— И еще нужно убрать элементы вежливости в строках, где вписываешь свое имя и адрес…

— Заткнись, кретинка! — Кацуя прервал тираду Мисы и резко пнул дверь, к которой прислонялся.

---

[4] Примечания: 4

В официальном обращении, а также в обращении к вышестоящему лицу или к тому, кому адресант желает выразить почтение, нормы японского языка предписывают употребление особого стиля речи, при котором адресант возвышает адресата и принижает себя. Так, суффикс «-сама» указывает на крайне уважительное отношение к адресату, а применительно к самому себе употребление этого суффикса звучит как грубость.

Взгляд его остекленел. Миса, вздрогнув, нервно завертела головой. В самом деле, крик и грохот привлекли внимание всех пассажиров вагона. Девчушка, сидевшая напротив, смотрела на них широко раскрытыми глазами. Пожилая дама рядом — очевидно, ее бабушка — тоже с тревогой уставилась на Мису и Кацую.

Словно ничего не замечая, Кацуя снова пнул дверь — на этот раз еще сильнее.

— Думаешь, ты такая крутая, раз это знаешь, да?

«Мамочки…» — Миса похолодела.

Если бы дело происходило в квартире Кацуи, где он жил один, или в другом месте, где больше никого нет, он побил бы ее.

— И-извини. Я не пытаюсь корчить из себя всезнайку… Это не более чем… здравый смысл и социальные нормы, вот мне и показалось, что тебе не повредит быть в курсе…

— Издеваешься?! Думаешь, ты лучше меня, если запомнила кучу бесполезной ерунды? Думаешь, это дает тебе право читать мне нотации?

Он в третий раз пнул дверь.

Девочка испуганно захныкала. «Ох, прости, малышка, я так виновата», — про себя обратилась к ней Миса.

Кацуя сжал кулаки и процедил вполголоса:

— Еще и какая-то соплячка по твоей милости нюни развела!

«Не закати ты этот концерт, она и не расплакалась бы», — чуть не брякнула Миса, но не посмела, догадываясь, что после таких слов Кацуя позабудет остатки приличия и ударит ее.

— Следующая остановка — Нигава. Нигава.

Бабушка с внучкой поднялись. Кацуя развернулся лицом к дверям, которые вот-вот должны были отвориться.

— Ты куда? А как же наша поездка к агенту недвижимости в Ниси-Кита? — ахнула Миса.

— Я расхотел. Не желаю с тобой никуда ехать, — с презрением отчеканил Кацуя. — Схожу на скачки. А ты сама ищи квартиру, если тебе неймется.

В Нигаве располагался ипподром «Хансин», и по выходным туда приезжали любители скачек. В дни больших соревнований ручеек посетителей превращался в бурный поток. Светофоры не справлялись, и по указанию властей был вырыт подземный переход, соединявший выход со станции с входом на ипподром.

С противоположной стороны, за торговым районом, раскинулись тихие жилые кварталы,

составлявшие разительный контраст неутихающему ипподрому.

Зная, что Кацуя не увлекается скачками и бывает там изредка только по приглашению друзей, Миса не сомневалась: спонтанное решение сойти на станции Нигава он принял исключительно в пику ей.

Бабушка с внучкой приблизились к дверям. Внучка все еще шмыгала носом, а бабушка утешала ее, гладя по голове.

— Устроила тут цирк, — одними губами проговорил Кацуя, косясь на пожилую даму.

Сгорая от стыда и угрызений совести, Миса залепетала:

— Прости, прости, я была не права. Пожалуйста, не обижайся. Доедем до агентства, как планировали, хорошо?

Поезд остановился, двери открылись. Миса попыталась удержать Кацую, но напирающая толпа вынесла ее наружу вслед за ним.

— А-а-ай!

Миса едва не грохнулась на платформу, а Кацуя, даже не оглянувшись, стряхнул руку Мисы и заспешил к турникетам. Огорошенная Миса наблюдала за ним, гадая, как они докатились до такого.

Они ругались, когда ходили на свидания, когда проводили время дома у Кацуи… Подчас они ругались даже в постели. Миса не понимала: «Что с нами происходит? Почему ничтожные замечания перерастают в ссоры и побои?» Если размолвка случалась в квартире Кацуи, он не стесняясь бил Мису. Если же в момент конфликта они были на людях, бранился и бросал ее, так что Мисе не раз приходилось возвращаться домой без провожатого и в слезах.

В снисходительном настроении Кацуя предлагал: «Я живу один, ты живешь одна. Давай съедемся! Будем экономить на аренде». Однако, разозлившись, не знал пощады. Сколько бы Миса ни плакала и ни извинялась, это не помогало. Стоило скандалу вспыхнуть, и он не заканчивался, пока Кацуя не выпустит пар.

Из электрички Миса и Кацуя вышли первыми. Другие пассажиры догоняли их, кидая на Мису сочувственные взгляды. «Не впервой», — равнодушно сказала она себе.

Кто-то звучно высморкался. Обернувшись, Миса увидела бабушку с внучкой. Пожилая дама помогала девочке привести себя в надлежащий вид.

— Мне очень жаль, что по моей вине ваша

внучка испугалась, — прошелестела Миса.

Дама проворно убрала платок в кармашек и сухо уронила:

— Какой никчемный человек.

Миса не сразу сообразила, что она имеет в виду Кацую, и вновь похолодела, неожиданно осознав, что встречается с парнем, в чей адрес незнакомая особа готова отпустить столь уничижительное замечание.

— Вы никогда не думали о том, чтобы уйти от него? Я ведь вижу, вам с ним тяжело, — мягко промолвила дама, после чего взяла за руку переставшую всхлипывать внучку и повела ее вниз по лестнице к противоположному выходу.

Проводив их глазами, Миса на негнущихся ногах подошла к скамейке и рухнула на нее.

«Почему я встречаюсь с таким парнем?»

Заурядная размолвка вылилась в чудовищную ссору. Взбесившийся Кацуя не постеснялся наорать на Мису и не помог ей при выходе на платформу, и она едва не упала. Будь они наедине, Кацуя наверняка дал бы волю рукам.

Их отношения начались с того, что Кацуя подошел к ней сам и завязал разговор. Внимание симпатичного парня польстило Мисе, и она согласилась пойти с ним в кафе выпить чаю.

Выяснилось, что их колледжи расположены на одной линии и что, хотя и Миса, и Кацуя родом из региона Кансай, ездить на учебу из отчего дома слишком далеко и потому оба снимают жилье. На прощание обменялись номерами телефонов, а дальше все закрутилось с такой скоростью, что уже месяц спустя они оставались ночевать друг у друга.

Положа руку на сердце, Миса считала, что их роман развивался излишне стремительно, однако первые месяцы Кацуя вел себя заботливо и чутко.

«С какого момента все покатилось под откос?» Незаметно для себя Миса стала делать уборку у Кацуи. Вести хозяйство на две квартиры было утомительно, и Миса горячо приветствовала предложение Кацуи съехаться.

«Да-а, ну и дела… Меньше чем за год он превратил меня в расторопную служанку».

Ей было приятно видеть радостное лицо возлюбленного, и она с охотой хозяйничала, приезжая к нему в гости. Вскоре Кацуя привык воспринимать ее действия как должное и недоумевал, когда она манкировала своими, по его мнению, обязанностями. Он и палец о палец не ударял, чтобы поддерживать порядок, нести-

раное белье лежало кучей в углу… Когда полки в шкафу пустели, Кацуя звонил Мисе и нагло заявлял: «Приезжай, у меня закончились чистые трусы».

Сперва, когда Миса отвечала, что не нанималась к нему в служанки и что ему следует самому заниматься бытом, Кацуя не возражал, но через какое-то время начал раздражаться и ссориться с ней по любому поводу. Решив, что нервы дороже, Миса принялась почти еженедельно приезжать к Кацуе, чтобы разгрести бардак.

Эти хлопоты вкупе с некоторыми другими проблемами и побудили ее к активным поискам жилья на двоих. И все равно, сколько бы Миса ни убивалась ради Кацуи, инциденты вроде сегодняшнего повторялись из раза в раз. Она горевала, что ее возлюбленный не испытывает к ней ни малейшего уважения.

И потом…

«Мы еще даже не съехались, а он запросто поднимает на меня руку, когда мы ругаемся. Если я перееду к нему, сбежать будет некуда!»

— Мне срочно нужно домой, — произнесла Миса вслух и встала со скамейки.

До прибытия следующего поезда оставалось несколько минут.

Раньше она уже обрывала бы телефон Кацуи, а не дождавшись ответа, строчила бы извинения. Да что там, она приклеилась бы к турникетам и ждала его возвращения с ипподрома, точно собачонка.

Но сейчас, нежданно-негаданно обретя внутреннюю опору, Миса впервые задалась вопросом: действительно ли Кацуя тот человек, за которого следует так отчаянно цепляться? Кроме того…

«Мама пришла бы в ужас, узнай она, что мой парень меня бьет».

Пораженная этой мыслью, Миса вдруг ощутила себя недостойной дочерью. Она не оправдала ожиданий семьи и друзей. Все они расстроились бы, если бы услышали столь печальную весть.

Короткий, но дельный совет пожилой дамы привел Мису в чувство за считаные минуты. Она сама удивилась тому, как быстро развеялся морок ее привязанности к Кацуе.

Со скачек он вернется через несколько часов. У Мисы имелся ключ от квартиры Кацуи, так что она успеет забрать оттуда свои пожитки и увезти их домой. Вчера был один из редких дней, когда Кацуя ночевал у Мисы в Обаяси, и этот случай станет последним. Те немногочисленные вещи Кацуи, которые хранились у нее дома, она ото-

шлет ему с курьером.

Миса понимала, что разрыв дастся тяжело, и была готова к тому, что Кацуя примется поливать ее грязью и порочить на разные лады. К счастью, почти все их встречи наедине проходили дома у Кацуи и к Мисе он наведывался редко, так что запасного ключа от своей квартиры она ему не давала. Если ситуация выйдет из-под контроля, она обратится за помощью к подругам, а то и в полицию…

«Пожалуй, я должна отправить ему последнее СМС». — Немного подумав, Миса взяла телефон и набрала короткий текст:

С меня хватит. Прощай.

Сохранив сообщение в черновиках, чтобы отослать его из дома, Миса подошла ближе к краю платформы, к которой как раз подъезжала электричка.

Котоэн

Миса покачивалась в такт движению электрички, не переставая повторять про себя, что совсем скоро непременно отправит сообщение, которое сохранила в черновиках на телефоне.

В вагоне оставались сидячие места, но Миса предпочла стоять.

Чужие слова и собственные мысли роились в ее голове:

«Какой никчемный человек… Вы никогда не думали о том, чтобы уйти от него? Я ведь вижу, вам с ним тяжело».

«Да-а, ну и дела… Меньше чем за год он превратил меня в расторопную служанку».

«Мы еще даже не съехались, а он запросто поднимает на меня руку, когда мы ругаемся. Если я перееду к нему, сбежать будет некуда!»

«Мама пришла бы в ужас, узнай она, что мой парень меня бьет».

На платформе в приливе решительности Миса набрала прощальное послание Кацуе, однако в следующий миг ее рука дрогнула, и она не стала отправлять сообщение.

Она намеревалась воспользоваться отсут-

ствием Кацуи, чтобы забрать свои вещи из его квартиры, а потом вернуться к себе, но…

«Но когда у него хорошее настроение, он добрый и ласковый. К тому же у него есть и другие положительные черты… А еще он неотразим».

Когда Миса показывала подругам на телефоне свои снимки с Кацуей, девчонки непременно восклицали: «Какой красавчик! Ну и повезло тебе!» Похвалы тешили гордость Мисы, и сейчас она с тоской прикидывала, насколько упадет ее статус в глазах подруг, после того как она порвет с Кацуей.

Усовестившись своих мыслей, Миса опять понурилась. Ей стало стыдно, что подобный пустяк вообще имеет для нее какое-то значение, особенно на фоне выходок Кацуи, которые ей приходилось терпеть.

Она рассеянно смотрела на проплывавшие за окном районы жилой застройки, а поезд между тем подъехал к следующей остановке — Котоэн.

Котоэн — станция, ближайшая к известному частному университету региона Кансай, пассажиры-студенты садятся и выходят здесь круглый год. Вот и сегодня в вагон влетела стайка студенток с клюшками для лакросса через плечо — по-видимому, спортсменки направлялись

на тренировочный матч. Вслед за ними вошел парень, одетый в стиле панк. Из его наушников грохотала музыка, а носом он уткнулся в какой-то чрезвычайно заумный на вид учебник.

Упомянутый университет котировался существенно выше колледжа, в котором училась Миса, да и тот, что посещал Кацуя, не шел с ним ни в какое сравнение.

Среди пассажиров, вошедших в электричку, были старшеклассницы в школьной форме — вероятно, они возвращались с субботнего факультатива. Девчонки галдели и весело смеялись. Они выглядели беззаботными и, казалось, совершенно не утруждали себя размышлениями о том, как стожится их дальнейшая жизнь.

«Я была точь-в-точь такой же всего несколько лет назад», — отметила Миса и ощутила легкий укол зависти.

Старшеклассницы встали в нескольких шагах от Мисы, ухватились за свободные петли, свисавшие с поручня, и продолжили болтать.

— Так, значит, Эт-тян, твой парень намного старше тебя?

Услышав этот вопрос, Миса тотчас навострила уши и задумалась, какая разница в возрасте с точки зрения школьниц описывается словосоче-

танием «намного старше» — год, два, десять лет? Та, которую звали Эт-тян (на вид она была чуть взрослее подружек), махнула рукой.

— Да нет же! Он окончил университет всего два года назад. Пошел в школу раньше, потому и диплом получил раньше. Я младше его на пять лет.

«Ага, то есть разница в пять лет для нее вполне приемлема, — прокомментировала про себя Миса. — Что ж, получается, она не только на вид более зрелая, чем остальные, но и рассуждает как взрослая».

— Даже не представляю, каково это — встречаться с парнем, который уже работает! Если бы он учился в выпускном классе, я еще поняла бы, — ляпнула одна из девушек, и соседка немедленно ткнула ее локтем в бок:

— Если кто запамятовал, мы сейчас и сами учимся в выпускном классе. И если на будущий год поступим в колледж, шансы встречаться со старшеклассниками вообще станут нулевыми.

— Допустим. Эт-тян, вам хоть есть о чем поговорить?

— Да есть, конечно же, но… — Эт-тян наклонила голову к плечу. — Не знаю, как вам объяснить, но дело в том, что работа не мешает человеку быть глуповатым и беспомощным. Моему парню, во

всяком случае, абсолютно не мешает!

— Ого, да ты что?! — изумилась одна из девушек. — А я считала, раз парень старше, он человек надежный и держит свою жизнь под контролем.

«Это не более чем иллюзия», — мысленно ответила ей Миса, которая, впрочем, пока не чувствовала себя вправе распространяться на данную тему, потому что и сама еще не была во всех отношениях взрослой.

— Если бы! По крайней мере, мой парень точно не такой! Он совсем недавно стал жить один и в домашних делах — полнейший профан. Да чего далеко за примерами ходить: на днях звонит он мне посреди ночи и умоляет: «Помоги!»

— Серьезно?!

Похоже, Эт-тян имела неплохие ораторские способности. Подруги ловили каждое ее слово, да и Миса вся превратилась в слух. «Хотелось бы знать, в какой ситуации молодой человек станет ночью звонить своей девушке-старшекласснице с просьбой помочь?..»

— Я спрашиваю: «Что стряслось?» — а он мне: «Да вот, утюг включаю».

Слушательницы расхохотались. Пассажиры строго посматривали на них, но девушкам было все равно — они не замечали осуждающих взгля-

дов. Миса, заразившись беспечностью школьниц, усилием воли подавляла улыбку.

— По правде сказать, у нас дома за глажку отвечает мама, а я держала в руках утюг только на уроках домоводства. Кроме того, мой парень не объяснил, что собирается гладить, и начал с вопросов: «На какую температуру поставить регулятор? А что такое значок „Пар“?» Ну не олух ли?

— Да уж!

— В общем, я его перебиваю: «Что гладить-то будешь?» Он: «Рубашку». Но ведь рубашки из разных материалов бывают! Ладно, достаю учебник по домоводству, уточняю: «Из какой ткани рубашка?» — а он мне: «Я откуда знаю?» Я ему: «На этикетке прочти». Он: «На чем?»

Снова раздался звонкий смех. Плечи Мисы затряслись, она еле сдерживалась, чтобы не прыснуть. На лицах попутчиков читалось явное недовольство. «Да будет вам, — беззвучно попеняла им Миса, — чем брови хмурить, лучше тоже посмейтесь от души».

— Догадываюсь, что он уже на грани. «Посмотри с изнанки: на воротничке или на боковом шве должен быть квадратик ткани». С грехом пополам отыскал этикетку, и тут…

«Так-так-так… — Миса улыбнулась. — Сейчас

будет смешно».

Эт-тян окончательно добила публику:

— Он сказал, что не может прочесть иероглифы! И это говорит работающий человек с высшим образованием!

— Ну и неуч!

Подружки Эт-тян разразились истерическим смехом, их голоса заглушили хихиканье Мисы.

— Слушайте дальше… — таинственно продолжила Эт-тян.

«Это еще не все?!» — изумилась Миса.

— Я предложила ему описать иероглиф. Он ответил: «Слева „нить“».

— Ключевой знак, что ли? — хихикнула одна из девушек.

— Исчерпывающая информация, — съязвила другая.

— Ну, я-то уже знала, что человек он малограмотный, не стала изгаляться, а терпеливо спросила: «Нить слева, а справа что?» Он, зайчик такой: «Луна».

— А-а, это был иероглиф «шелк»[5]!

— Хотя он пропустил ту часть, которая над элементом «луна»!

---

[5] Примечания: 5

Иероглиф «шелк» пишется следующим образом . Элемент слева имеет значение «нить», справа вверху — «рот», справа внизу — «луна».

«Да это не один анекдот, а сразу несколько!» — Чуть не лопаясь от смеха, Миса зажала рот ладонью, чтобы не выдать себя.

— Короче, я открыла учебник и помогла своему чудику разобраться, как гладить рубашку. Но это же ни в одни рамки не лезет, правда?

Миса, потрясенная рассказом Эт-тян, машинально кивнула. То, что взрослый человек с дипломом о высшем образовании и работой не смог прочесть текст на этикетке рубашки, с трудом укладывалось в голове.

— И ты растолковала ему, что это иероглиф «шелк»?

— Да, и что он читается «кину». Для него это было новостью.

— Интересно, иероглиф «хлопок»[6] твой парень знает? Боюсь, на этом минном поле его поджидает еще куча опасностей…

— Ой, девочки, вряд ли я сумею объяснить ему структуру правой части иероглифа «хлопок». — (Старшеклассницы снова рассмеялись, глядя на притворно невозмутимое выражение лица, с

---

[6] Примечания: 6

Иероглиф «хлопок» пишется следующим образом: 綿. Элемент слева имеет значение «нить», справа вверху — «белый», справа внизу — «ткань». Кстати, читается это слово по-японски «вата», и именно из японского оно пришло в русский язык.

которым Эт-тян изрекла эту фразу.) — Мне, наверное, стоило остановиться, но я закатила целую телефонную лекцию: «Пойми, если человек не знает, как читаются те или иные иероглифы, однажды он непременно попадет впросак. Тебе стоит подучить кандзи[7]». Он: «Да, ты права. Куплю рабочие тетради по иероглифике». Мне кажется, ему не повредит сдать тесты на знание кандзи, чтобы он наконец стал развиваться интеллектуально.

Было забавно и вместе с тем странно слышать историю о взрослом человеке, который получает подобную отповедь от старшеклассницы.

— Кстати, а как вы познакомились?

— Э-э, да тут и рассказывать-то нечего.

Впервые за время беседы болтушка Эт-тян замялась.

— Ты ни разу и намеком не обмолвилась, а нам ведь любопытно.

— Выкладывай, подруга!

Помолчав, Эт-тян неохотно произнесла:

— Только не смейтесь. Он сам ко мне подошел, и знаете где? На Цукагути!

— Где-где? — хором воскликнули девушки.

---

[7] Примечания: 7

Словом «кандзи» японцы называют китайские иероглифы, используемые в современной японской письменности.

Их удивил не способ, а место знакомства. Цукагути — довольно крупная станция, на которой линия Итами соединяется с линией Кобе, но в первую очередь она известна большим торговым центром напротив, в котором расположен сетевой супермаркет и несколько ресторанов. За покупками туда ходят в основном домохозяйки; студентки близлежащих женских колледжей и старшеклассницы бывают в Цукагути исключительно при крайней необходимости, а за серьезными покупками отправляются в Осаку или Кобе. Словом, это место не подходило для романтического знакомства. Как правило, если кто-то обращался к тебе перед станцией Цукагути, он предлагал поучаствовать в опросе, стать донором крови и тому подобное.

— Близился день рождения моего отца. Решив, что Цукагути — подходящее место для поиска подарка, я заскочила туда по дороге домой из школы.

— На Ниси-Кита есть магазин «Мудзи», ты не знала?

— Чего ради я буду покупать отцу подарок в «Мудзи»? Там цены бешеные! И потом папа родился в феврале, а зимние вещи всегда дорогие. У меня была на подарок тысяча иен.

— А, тогда Цукагути и впрямь идеальный вариант.

«Не слишком-то много любви достается отцам от этих дочерей», — отметила Миса.

— О чем и речь. Взяла я шарф, со скидкой он стоил ровно тысячу. В «Мудзи» такой же обошелся бы в три раза дороже. Я заплатила, покупку упаковали, и я уже собралась ехать домой, как вдруг перед станцией ко мне стал клеиться парень: «Привет, хочешь чаю или кофе? Я тебя угощу».

«Почти слово в слово история моего знакомства с Кацуей», — вздохнула Миса, невольно отождествляя себя с Эт-тян, которой, как и ее подругам, скорее всего, даже не приходило на ум, что своей трескотней они вызывают раздражение попутчиков.

— Я обернулась, и тут он заметил, что на мне школьная форма. А я поняла по одежде, что он офисный работник. «Упс», — смутился мой будущий парень и хлопнул себя по лбу. Я ведь была в пальто, сзади не видно, что на мне форма. Он спросил: «Как ты думаешь, если я приглашу тебя на свидание, это не будет расценено как проституирование несовершеннолетней или что-то вроде того?» Нашел эксперта, а?

— Извини за прямоту, но, судя по описанию,

он непроходимый болван, — фыркнула одна из подруг Эт-тян.

— Я сказала: «Если бы полицейские арестовывали каждую парочку, которая пьет чай в кафе, они ничем другим не занимались бы». На что он ответил: «Тогда, может, пойдем в чайную?»

— Ух ты, у парня есть работа, а значит, и деньги водятся. По крайней мере, он тебя не в «Макдоналдс» повел.

Мису растрогала их наивность. Угостить подружку куском торта и чаем обойдется в смехотворную тысячу иен. В то же время сумма составляла весь бюджет Эт-тян на подарок отцу, а значит, для девушек она не так и мала.

В самом деле, узнав, что их одноклассница ходит в кафе с кавалером, который может угостить ее десертом и не обеднеть от таких трат, подруги немного позавидовали Эт-тян.

— Скажи лучше вот что… — вполголоса произнесла одна из них, и Миса вновь навострила уши. — У вас уже было?..

«Прямо как я в их годы: поверхностных знаний гора, а опыта пшик», — горько усмехнулась Миса.

— Пока нет, — небрежно откликнулась Эт-тян. — Он боится, что его могут обвинить в

проституировании несовершеннолетней.

— Так ведь он же тебе не платит? Тогда при чем тут проституирование?

— Говорю же, он глупый — даже не врубается в это! — Эт-тян самодовольно улыбнулась. — Твердит мне одно: «Подрастай скорее!»

— Как будто ты что-то можешь с этим поделать! — захихикали подруги.

«Да-а, у парня Эт-тян сейчас наверняка уши горят. Сочувствую», — мысленно прокомментировала Миса.

— И он никогда не проявлял настойчивость?

— Если бы только попробовал, я бы его сразу бросила.

«Ох!» — Миса проглотила комок в горле.

Эт-тян не умолкала:

— Разумеется, мне боязно. Я люблю его, но не хочу, чтобы меня заставляли делать то, к чему я пока не готова. Мой парень с первого дня знал, что я школьница. Он тоже любит меня и терпеливо ждет, когда я получу аттестат. И вообще, он понимает, что в этом году у меня в приоритете вступительные экзамены.

«Вот бы я могла сказать так же о нас с Кацуей…» — Миса сникла, вспомнив о своем парне. Она была готова порвать с ним, однако в глубине души

продолжала надеяться на чудо.

Укажи она ему на то, что он не знает чтения того или иного иероглифа, Кацуя взбесился бы и как пить дать устроил скандал. А поскольку они были одного возраста, Миса не уступила бы ему в споре; в ответ Кацуя, вполне вероятно, распустил бы руки.

Миса практически никогда не отказывала Кацуе, о чем бы он ее ни просил. Зная, что в противном случае Кацуя разозлится и затаит на нее обиду, она покорно исполняла все его прихоти, лишь бы он не обвинил ее в том, что она его не любит.

А он хоть раз задумывался о том, что она чувствует?

В тех редких ситуациях, когда Миса набиралась смелости и отвечала «нет» на предложения Кацуи, догадывался ли он, насколько сложно давался ей отказ? Или ему это и в голову не приходило?

«Любовь — это не делать того, что неприятно твоему любимому человеку».

Да, дружок Эт-тян не умел пользоваться утюгом, не мог прочесть иероглиф «шелк» на этикетке и вынужденно консультировался по этому вопросу со своей девушкой-старшеклассницей, но он был

хорошим парнем. Хорошим бойфрендом.

Даже просто подслушав беседу Эт-тян с подругами, Миса с уверенностью заключила, что Эт-тян сделала верный выбор.

«Хоть я и старше Эт-тян, внешность и обходительность Кацуи одурманили меня, и я позабыла об осторожности. Выходит, Эт-тян разбирается в характерах куда лучше моего».

Миса наконец приняла свое судьбоносное решение. Она расстанется с Кацуей.

Старшеклассница Эт-тян понимала в любви гораздо больше, чем Миса.

Но Миса еще не настолько потеряла надежду на счастье, чтобы завидовать Эт-тян. Кроме того, она пока не утратила остатки гордости, а значит, шансы на новую жизнь у нее есть.

Мондо Якудзин

Станция Мондо Якудзин, расположенная в одной остановке от конечной, — ближайшая к одноименному храму. Пассажиропоток здесь всегда большой, а в период новогодних праздников делается просто монструозным, в связи с чем в эти дни поезда прибывают на станцию приблизительно каждые две-три минуты. Люди стремятся в храм Мондо Якудзин, чтобы в первый день года помолиться о здоровье и благополучии. Талисман, хранящийся в храме, местные жители почтительно называют «Якудзин-сан», и несмотря на то, что храм находится в городской черте, холм, на котором он стоит, окружен рисовыми полями, а прилегающие жилые кварталы сохраняют атмосферу ушедшей эпохи. По крайней мере, так рассказывал Кэйити однокурсник, родившийся в здешних краях.

«От универа до Мондо Якудзин рукой подать, а я все туда не соберусь», — рассеянно подумал Кэйити. Компания старшеклассниц, вошедших в тот же вагон, отвлекла его от размышлений своей неумолчной стрекотней. Пассажиры постарше взирали на них с откровенным неодобрением,

но Кэйити умел абстрагироваться от реальности и потому вновь обратился к своим мыслям. Впрочем, иногда девичьи возгласы звучали так пронзительно, что перекрывали музыку в его наушниках, и он не удивлялся, что попутчики возмущены поведением школьниц. Сам Кэйити, первокурсник университета, в душе оставался старшеклассником и симпатизировал тем, кто любит общаться с друзьями и молоть языком без передышки.

Электричка затормозила у платформы, и в вагоне прибавилось народа. Собрав пассажиров с шести станций, поезд должен был впустить в свои двери желающих уехать с еще одной, весьма людной даже в выходные, после чего направиться к последней остановке маршрута.

Девушка с короткой стрижкой сжалась, чтобы толпа не занесла ее вглубь вагона, но не устояла на ногах и врезалась в Кэйити, стоящего у окна возле противоположной двери. Она посмотрела через плечо, встретилась глазами с Кэйити и виновато потупилась. Скорее всего, панковский прикид несколько обескуражил ее.

Обложка и название книги, которая выглядывала из сумки, висевшей на плече девушки, показались Кэйити до боли знакомыми — он дер-

жал сейчас под мышкой точно такой же том. Это был учебник по одному из общеобразовательных предметов, написанный самим преподавателем курса и стоивший кругленькую сумму. Среди студентов бытовали слухи, что профессор пользуется своим положением и наживается на продаже своего учебного пособия первокурсникам. Многим подобная тактика представлялась бесчестной, а с учетом того, что курс являлся обязательным, большинство студентов терпеть не могли этого профессора.

По учебнику Кэйити вмиг догадался, что они с попутчицей учатся на одном курсе. В аудиториях на лекциях одиозного преподавателя всегда были сотни студентов, а потому девушку он раньше не встречал. На ней были скромные брючки и свитер, она явно не стремилась выделяться на фоне однокашниц, которые напоминали Кэйити порхающих бабочек.

Когда пассажиры рассредоточились по вагону, девушка незамедлительно отступила от Кэйити. «Неужели у меня такой отталкивающий вид?» — ужаснулся он, а затем увидел, что она чуть присела и наклонилась, чтобы посмотреть в окно.

«Что там такое?» — заинтересовался Кэйити, который уже чувствовал некоторую общность с

этой студенткой, ведь они везли с собой одинаковые учебники. Он пригнулся с высоты своего немалого роста, чтобы тоже выглянуть в окно.

Девушка вздрогнула и обернулась. Ее реакция была вполне естественной: как тут не вздрогнуть, когда над тобой нависает чья-то голова. Теперь наступила очередь Кэйити виновато потупиться.

— Э-э, прости. Мне стало любопытно, на что ты там уставилась.

Встретив ее настороженный взгляд, Кэйити молча показал книгу, которую до этого держал под мышкой. Объяснений не потребовалось. Недоверие исчезло с лица девушки, уступив место застенчивой улыбке. «Хоть какая-то польза от дурацкого учебника, не напрасно кучу денег за него отдал», — съехидничал про себя Кэйити.

Чуть посторонившись, насколько это было возможно в людном вагоне, девушка пропустила Кэйити поближе и кивнула на небо.

— Может, что-то случилось?

Судя по интонации, она говорила не на кансайском диалекте, к которому Кэйити уже успел привыкнуть. Он был родом из сельской местности, как и она, по всей видимости. Оба старались разговаривать на стандартном японском, и тем не менее в ее голосе слышался легкий акцент

Кюсю, а в его — Тюгоку.

Посмотрев в направлении, куда указывала девушка, Кэйити увидел четкую фигуру из пяти вертолетов, темневших вдали на фоне весеннего неба, в котором угадывались признаки приближающегося лета.

— А-а, это не то, что ты думаешь, — со знанием дела произнес Кэйити. — Это вертолеты общего назначения Сил самообороны. Пилоты вертолетов СМИ так летать не научены. Видишь, даже на этой высоте они движутся безукоризненным строем, держат дистанцию? В Итами находится воздушная база, поэтому вертолеты иногда здесь пролетают — должно быть, в рамках учений. Точнее не скажу.

Внезапно Кэйити заметил, что девушка смотрит на него широко раскрытыми глазами.

«О нет, опять все испортил, бестолочь», — отругал он себя.

В старшей школе Кэйити страдал от того, что девчонки называли его «воен-ботан» и дразнили. Он играл в школьной музыкальной группе, другим участникам которой одноклассницы прямо-таки проходу не давали, а ему доставались лишь насмешки да крепко приклеившееся обидное прозвище. Бывало, девочки окружали Кэйити

стайкой и задавали вопрос об оружии или армии, а после его обстоятельного ответа потешались: «Да-а, вот что такое настоящий воен-ботан!»

Кэйити задело за живое, когда парень из группы по секрету шепнул ему: «Девчонки вздыхают… Говорят, не будь ты таким занудой, повернутым на милитари, от подружек у тебя давно отбоя бы не было».

Он поклялся себе, что с поступлением в университет перестанет вести себя как воен-ботан и не повторит прежних ошибок.

— Потрясающе, — выдохнула девушка, на лице которой читалось искреннее восхищение.

— Ага, и сейчас ты скажешь, что я воен-ботан, — печально вздохнул Кэйити.

— Воен… ботан? — Собеседница озадачилась. — Впервые слышу такое выражение.

— Ну, то есть человек, который знает все про оружие или армию. Вроде тех, кто помешан на теме поездов.

— А-а, теперь понятнее. Таких я видела. Разбираются в поездах, типах вагонов, серийных выпусках и прочем. Еще они заучивали наизусть расписания электричек. Часто берут с собой крутые фотоаппараты с выдвижными объективами, устраиваются на платформе и отщелкивают сни-

мок за снимком.

«Ну, допустим, я не из тех, кто увлекается фотографией и носит с собой фотоаппарат с длиннофокусным объективом, но, во-первых, правильно он называется… Тьфу ты, опять за свое! Не начинай!» — приструнил себя Кэйити.

— И что, вы различаете типы вертолетов?

— С такого расстояния не очень-то различишь. Полагаю, над нами пролетели «Ю-Эйч-Один-Джей»…

— То, что у вас есть вариант ответа, само по себе невероятно. — Девушка согнула колени и снова присела, пытаясь проследить взглядом за строем вертолетов, которые почти исчезли за жилой застройкой. — Абсолютно невероятно!

В ее голосе звучал такой непритворный восторг, что Кэйити приободрился.

— Тебе действительно интересно?

Даже выяснив, что они однокурсники, Кэйити все равно не мог поверить, что разговаривает с девушкой так непринужденно.

— Ну-у… — Она наклонила голову. Когда вертолеты скрылись вдали, снова повернулась к Кэйити и с пылом спросила: — Разве это не чудо — обнаружить что-то редкое или малоизученное? По-моему, чудо, и потому в электричке я всегда

стараюсь занять место, откуда видно, что происходит снаружи. Особенно мне нравится сидеть рядом с дверями, у большого окна.

По-видимому, именно поэтому она и осталась подле Кэйити, когда вместе с толпой пассажиров заскочила в вагон на Мондо Якудзин. Будучи миниатюрной, девушка вполне могла притиснуться где-то сбоку и не мешать людям входить и выходить.

— Вы знаете, раньше я видела вертолеты Сил самообороны только в новостях. Сегодня мне посчастливилось посмотреть на них прямо здесь, в городской черте! А то, по какой идеальной траектории они летели, меня просто заворожило. Если бы я вела дневник, записала бы этот эпизод как самое запоминающееся событие дня.

— Тебе ни к чему обращаться ко мне на «вы»: как-никак, мы учимся на одном курсе.

— Д-да, вы правы… В смысле, ага, ты прав. — Она кивнула так неуверенно, словно болтать с парнем на равных было для нее совершенно в новинку.

— Меня зовут Косака Кэйити. А тебя? — Заметив, как резко изменилось выражение лица девушки, Кэйити напрягся. — Э-э, извини. Наверное, я забегаю вперед. — Он тактично умолк.

Она порылась в большой сумке, расстегнула «молнию» внутреннего кармана и вытащила пухлый картхолдер, а из него — студенческий билет. Подняла его на уровень глаз Кэйити, и в строке «Имя» тот прочел:

ГОНДАВАРА МИХО

Кэйити, тотчас вспомнившему персонажа популярного боевика про якудза с такой же фамилией, как у девушки, стало смешно, и он едва не расхохотался, но уже в следующую секунду понял: собственное имя причиняет его однокурснице ничуть не меньше страданий, чем прозвище «воен-ботан» ему самому.

— Очень… мужественная фамилия. Подошла бы какому-нибудь военачальнику периода Сражающихся царств. — Гадая, насколько уместно прозвучал этот комментарий, Кэйити опять проглотил подступивший к горлу беззлобный смех.

— Меня дразнили с детства. Вот и в университете сразу окрестили Гон-тян. Когда я представляюсь на свидании вслепую или еще где-то в неформальной обстановке, надо мной сразу начинают издеваться.

Кэйити смекнул: даже если собеседники не имеют в виду ничего обидного (вот как он сам

только что), это не означает, что их поведение не огорчает Гон-тян, которая, возможно, смеется вместе с ними, а ее сердце в это время разрывается от боли.

— Когда я поступила в университет, мне хотелось верить в лучшее. Я мечтала, что меня будут называть Михо-тян. Увы и ах. — С этими словами Гон-тян вернула студенческий на место, а затем убрала картхолдер в сумку.

Пытаясь разрядить обстановку, Кэйити затараторил:

— Я тоже надеялся, что в универе начну с чистого листа. Все годы учебы в старшей школе девчонки подшучивали — мол, я душнила, помешанный на армии. Я поклялся, что буду держать язык за зубами и скрывать свое увлечение и тогда у меня наконец появится девушка, но сама видишь — мы и десяти минут не знакомы, а я уже треплюсь на военную тему как заведенный.

— О, не волнуйтесь… в смысле, не волнуйся, я никому не скажу, что ты помешан на армии, если это секрет.

— Когда разговор заходит о том, что мне нравится, я неизбежно увлекаюсь и рано или поздно разоблачаю себя, потому что я стопроцентный воен-ботан.

— У меня другая ситуация, речь не идет о том, разоблачу я себя или нет… — (Гон-тян поджала губы, и Кэйити мимоходом отметил: «А она недурна собой».) — Единственный вариант для меня — выйти замуж и взять фамилию супруга.

— Да, ты права, твоя проблема серьезнее, чем моя. Прости.

— О, я тебя не виню, Косака-кун. Это ты меня прости.

Они немного помолчали. Кэйити решил сменить тему:

— Что еще особенного ты увидела сегодня, если не считать вертолетов?

— Трех борзых, — тотчас отозвалась Гон-тян. — Утром я ехала в университет и приметила их из окна поезда. А выгуливали собак пожилые дама и господин.

«Ага, то есть в субботу она катается к первой паре, — прикинул Кэйити. — Как видно, прилежная студентка, в отличие от меня. Я-то по субботам приезжаю только ко второй, на лекцию нашего любимого в кавычках профессора».

— Борзые — это такие высокие поджарые собаки?

— Верно. Даже поодиночке они производят впечатление, но втроем смотрятся просто потрясаю-

ще. Истинное воплощение аристократичности.

Кэйити не сомневался, что такие собаки стоят целое состояние. Он подумал, что пожилые супруги весьма небедны, раз могут позволить себе содержать трех борзых, но не стал говорить об этом вслух, опасаясь подпортить настроение Гон-тян.

— Места вдоль линии Имадзу приятные — отсюда до Ниси-Кита, по крайней мере, — сказала она. — Я хотела бы проехать по ней до конечной станции — Такарадзука. Но вплоть до сегодняшнего дня у меня не было повода прокатиться туда.

— А что, за Ниси-Кита уже не очень?

Линия Имадзу имела несколько необычную структуру: проследовать напрямую до Имадзу было нельзя, поскольку на Нисиномия-Китагути пути разветвлялись. Чтобы добраться до станции Имадзу, до которой оставалось еще две остановки, пассажирам приходилось выходить на Ниси-Кита, подниматься в вестибюль на втором этаже и оттуда пересаживаться на другой поезд. Кэйити еще ни разу не ездил этим маршрутом.

— Да нет, я не о том. Я живу у родственников вблизи станции Хансин-Кокудо. Это удобно, потому что рядом проходит линия Японских

железных дорог. Либо, если доехать до конечной станции Имадзу, я могу пересесть на основную линию Хансин. Там полно магазинов, где продается буквально все необходимое. Но, видите ли, после Ниси-Кита пути пролегают выше уровня земли, а выискать что-нибудь интересное намного проще там, где рельсы идут по земле.

Кэйити кивал, слушая собеседницу. Стоило той произнести «видите ли», он укоризненно нахмурился.

— Так, ты опять перешла на «вы».

Гон-тян зарделась от смущения.

— Не обижайся, пожалуйста. Понимаешь, мальчишки с детства дразнили меня из-за этого злополучного прозвища, я с ними толком и не общалась никогда. А уж с таким крутым парнем, как ты, Косака-кун, вообще разговариваю первый раз в жизни.

«Крутым парнем?..»

— Представь себе, а я первый раз в жизни узнаю, что кто-то считает меня крутым. В средней и старшей школе только и раздавалось: воен-ботан то, воен-ботан се. Стоит ли говорить, что девушки у меня никогда не было.

— По-твоему, у меня странные вкусы?

— Так, погоди, давай остановимся на том, что

ты назвала меня крутым!

— Извини, я ничего плохого не имела в виду. У меня тоже никогда не было парня.

«Она забавная. И хорошенькая. И мы, кажется, на одной волне».

Кэйити сам не заметил, когда успел снять наушники, которые теперь висели у него на шее. Беседа с Гон-тян доставляла ему больше удовольствия, чем прослушивание заученных наизусть песен.

— Косака-кун, ты ведь не из Кансая, да? Я из Нагасаки, а ты?

Впервые за время разговора Гон-тян задала ему столь личный вопрос. Кэйити воспрянул духом: «Может, это знак, что ей тоже понравилось со мной общаться?»

— Из Хиросимы. От станции Ниси-Кита до моего нынешнего дома можно быстро доехать на велосипеде.

Кэйити подумал, что, наверное, зря добавил это уточнение, но тут же возразил себе, что Гон-тян первой упомянула станцию, которая располагалась ближе всего к ее дому.

— Я слышала, снимать квартиру в районе Ниси-Кита жутко дорого.

— Что правда, то правда. Я поздно занялся

поисками жилья, но мне чудом удалось найти отличное место. Оттуда всего минут десять до станции, а арендная плата не заоблачная. Дом стоит в двух шагах от набережной Мукогава.

Мукогава — первая река, которую переезжает по мосту поезд, держащий путь от Нисиномия-Китагути до Умэды. По мнению множества людей, живущих по обоим берегам реки, линия Имадзу не самый удобный транспортный маршрут, однако для студентов, особенно тех, кто вырос в провинциальном городке и чьим основным средством передвижения являлся велосипед, вариант был близким к идеальному.

— Ага, это недалеко оттуда, где я живу.

По ответу Гон-тян Кэйити сделал вывод, что она выросла примерно в таких же условиях, что и он.

— Я покупаю продукты в большом магазине перед вокзалом или в супермаркете у дома.

— О, так ты еще и кулинар? Здорово!

— Денег на готовую еду и фастфуд у меня не хватает. Поэтому я часто листаю журнал «Оранжевые страницы» прямо в магазине: там публикуются несложные рецепты из простых ингредиентов. Хотя я часто ошибаюсь в процессе готовки.

— Все равно супер. Я вот с кухней пока на «вы»,

за еду у нас отвечает тетя.

Пока они болтали, электричка миновала последний переезд перед станцией. Пассажиры поднимались с мест и направлялись к дверям, чтобы выйти в первых рядах.

Не желая прерывать разговор, Кэйити аккуратно заслонил Гон-тян от напирающей толпы и ждал, пока поезд остановится и откроет двери.

Наконец электричка прибыла на Нисиномия-Китагути — конечную станцию, хотя на самом деле она вовсе не была последней на линии Имадзу.

Нисиномия-Китагути

Нисиномия-Китагути — довольно крупный железнодорожный узел компании «Ханкю». Платформы, к которым подъезжают поезда до Санномии (в направлении Кобе) и Умэды (в направлении Осаки), расположены по оси, идущей с востока на запад, а южнее этих платформ находится конечная станция линии Имадзу. С учетом платформ для поездов, идущих до Такарадзуки, на северной стороне, всего на станции четыре платформы. Пассажиры поднимаются в вестибюль на втором этаже и спускаются оттуда на нужную им платформу или, если эта станция является их пунктом назначения, выходят в город через турникеты.

Те, кто едет в сторону Умэды, могут также выйти по пути на станции Дзюсо, еще более крупной, чем Нисиномия-Китагути, а оттуда уехать в Киото или в любой из пунктов назначения, примыкающих к мегаполису Осака.

Люди шагают по вестибюлю в одиночку, семьями, с друзьями и подругами, с деловыми компаньонами и случайными попутчиками.

И то, о чем думает каждый из этих людей, из-

вестно лишь ему одному.

Сёко никуда не спешила, но как только поезд затормозил у перрона и двери открылись, толпа вытолкнула ее на правую сторону платформы.

Идя по лестнице к вестибюлю на втором этаже, Сёко ощутила резкий удар в плечо. Поскольку на ней были туфли на шпильке, она не удержалась на ногах и упала, уронив подарочный пакет. Раздался громкий звон бьющегося стекла.

— Вы что творите?! — вскричала Сёко, еще не успев подняться.

Чем-то сильно озабоченный мужчина в деловом костюме воскликнул: «Извините!» — и умчался прочь. По-видимому, он страшно торопился, потому что, вместо того чтобы вернуться и помочь Сёко, побежал дальше, то и дело натыкаясь на людей, которые осыпали его гневными возгласами и руганью.

— Да ни за что в жизни не извиню!

Другие пассажиры стремительно продолжали идти — ни один не остановился, чтобы подать руку Сёко. Вот уж не везет так не везет, и ведь именно в тот день, когда она побывала на свадьбе бывшего жениха и коллеги-разлучницы!.. Прогулка по Обаяси принесла Сёко долгожданное умиротворение, и тут вдруг такое. Не исключено,

что это было ее карой за то, что она испортила им праздник. И все же, все же… По мнению Сёко, ее сегодняшняя участь куда больше подошла бы молодоженам — пусть бы грохнулись на платформу, а бездушные попутчики знай наступали им на руки и на ноги!

Она медленно выпрямилась, чувствуя, что ободрала кожу и что на коленке наверняка появится синяк.

— Кошмар, что делается! Вы не очень ушиблись?

Сёко увидела, как кто-то протягивает ей упавший пакет со свадебными сувенирами. Это была одна из старшеклассниц, ехавших в том же вагоне, что и она. В пути школьницы трещали без умолку и смеялись, чем заслужили осуждение попутчиков, в том числе самой Сёко.

— Он вас толкнул и убежал! Вот мерзавец! — Одна из девушек гневно посмотрела в сторону лестницы, вверх по которой умчался грубиян в деловом костюме.

Те распрекрасные взрослые, которые в поезде одаривали этих школьниц критикующими взглядами, даже не потрудились подойти, а вот старшеклассницы проявили участие, от всего сердца пожалели ее и подняли упавшие вещи.

«Спрашивается, кто человеколюбивее? — с грустью подумала Сёко. — Я ведь и сама была раздосадована поведением этих школьниц в вагоне, а вот поди ж ты…»

— Похоже, там что-то разбилось. — Девушка, которая протягивала Сёко пакет, чуть тряхнула им. — Сообщим дежурному по станции о том, что произошло?

— Спасибо, не нужно. — Сёко улыбнулась, забирая пакет. — Там нет ничего ценного. Но я благодарна вам за вашу доброту.

Пассажиров на платформе почти не осталось. Сёко поклонилась каждой старшекласснице, и они ушли своим путем, а она отступила к перилам и заглянула в пакет.

Увесистая коробка была обернута в декоративную бумагу носи, на которой были выведены фамилии жениха и невесты. Внутри оказался комплект высоких стаканов, украшенных причудливым узором, который вполне вписывался в образ романтичной тихони Т. и совершенно не соответствовал вкусу Сёко.

Когда Н., еще будучи помолвленным с ней, листал каталоги свадебных сувениров и видел подобные наборы, он язвил: «И кому захочется дарить гостям такую безвкусицу?» Очевидно, в

какой-то момент его мнение изменилось.

Четыре из пяти стаканов разбились. Нести домой подарок, который тебе не нравится и к тому же превратился в осколки, не было смысла.

Сёко вытащила их, завернула в упаковочную бумагу и выкинула в контейнер для стеклянных отходов на территории вокзала. Коробку и бумажный пакет отправила в бак для общих отходов и на него же водрузила целый стакан.

Больше у нее не осталось ни единого напоминания о треклятой свадьбе — ни белоснежного платья, ни дурацких стаканов. Секо испытала заметное облегчение, словно у нее гора с плеч свалилась.

— Теперь можно и домой, — произнесла вслух Сёко и зашагала по безлюдной платформе.

После целого дня на высоких каблуках ноги должны были устать, однако шаги почему-то сделались воздушными. Пожалуй, ей просто показалось, а если и так, лучше поторопиться, пока не заныли стопы и икры. До Ибараки, где она жила, путь еще неблизкий.

Сёко направилась к лестнице, чтобы подняться в вестибюль.

«Раз уж я собралась порвать с ним, лучше действовать быстро», — сказала себе Миса.

После того как она подслушала оживленный разговор Эт-тян и других старшеклассниц, ее душа, раздираемая муками выбора, ощутила необходимую опору. Отныне Миса больше не сомневалась в своем решении, отчего даже ее поступь стала более твердой.

Ловко пробираясь сквозь толпу, Миса устремилась к широкой лестнице, ведущей в вестибюль.

Кацуя вышел из поезда в Нигаве, чтобы отправиться на скачки, но основные забеги, вероятно, уже прошли, а значит, ей желательно на всякий случай поспешить.

Нужно забрать свои вещи из квартиры Кацуи, пока он не вернулся.

Кацуя жил в Рокко, в пяти станциях от Нисиномия-Китагути.

«Там у меня косметичка, сковорода, которую я сама купила, и кое-какая одежда. В мой рюкзак это не поместится, — рассудила Миса, — зайду в супермаркет и куплю большую экосумку».

На платформе началась какая-то кутерьма.

— Эй!

— Ты что делаешь, приятель?

Оглянувшись, Миса увидела человека в деловом костюме, бегущего сквозь толпу. Он несся, не обращая внимания на сердитые окрики людей,

на которых наталкивался буквально на каждом шагу.

Миса благоразумно отошла в сторону, чтобы не оказаться на его пути.

Идя по лестнице, она вдруг кое-что осознала.

«Погодите-ка…» — Миса обернулась, ища взглядом Эт-тян и ее подруг. Хотя они были не более чем случайными попутчицами, безоговорочное решение бросить своего никчемного (как выразилась еще одна попутчица, пожилая дама) бойфренда она приняла благодаря тому, что подслушала их веселую болтовню, а потому не хотела, чтобы они просто исчезли в толпе.

Тут за ее спиной послышались жизнерадостные возгласы. Мгновение спустя те самые старшеклассницы обогнали Мису и заспешили вверх по ступенькам.

— И сколько шариков ты возьмешь?

— Три, конечно, сейчас скидка пятьдесят процентов! Куплю «Карамельную ленточку».

— А как же твоя диета?

— Подождет до завтра!

Похоже, речь шла о кафе-мороженом в торговом центре прямо за станцией. «За полцены, правда? Надо иметь в виду», — запомнила на будущее Миса, сожалея, что сегодня у нее есть

неотложные дела.

— Эт-тян, что ты планируешь подарить своему парню на день рождения?

— Зайду в «Мудзи», после того как мы поедим мороженого. Что-нибудь выберу.

— А денег-то у тебя много?

— Три тысячи иен!

Сумма в три раза больше той, которую Эт-тян выделила на подарок отцу, да и покупать подарок она собиралась не где-нибудь, а в недешевом «Мудзи».

На днях Миса видела по телевизору передачу, в которой приводились статистические данные, иллюстрирующие, сколько карманных денег получают старшеклассники. Наиболее распространенным вариантом были пять тысяч иен в месяц. Миса поняла: независимо от того, отложила Эт-тян эти три тысячи из выделенных ей пяти или копила на подарок несколько месяцев, а также оттого, что она говорила о своем парне-неуче, она любит его.

«Я тоже так хочу».

Стоя на верхней площадке лестницы, Миса смотрела, как Эт-тян и ее одноклассницы подбегают к турникетам и скрываются из виду.

«В следующий раз я найду парня, с которым

смогу быть собой. Парня, который не выйдет из себя и не накинется на меня с кулаками, если я скажу что-то, чего он прежде не знал. Спасибо, Эт-тян».

Миса зашагала вниз по лестнице на платформу к поездам до Кобе.

Когда поезд прибывал на станцию Нисиномия-Китагути, двери открывались сначала с правой стороны, затем с левой. Как правило, перед дверями слева выстраивались очереди. Вот и сегодня Кэйити и Гон-тян, еще недавно спокойно стоявшие у дверей, оказались в самом начале толпы пассажиров, которым необходимо было выйти на левую сторону.

Людской поток хлынул на платформу. Кэйити и Гон-тян тоже вынесло наружу. Кэйити чудом удалось заслонить Гон-тян, и они удержались на ногах.

— Тебе ехать до Хансин-Кокудо, верно? — осведомился Кэйити, когда толпа рассосалась.

— Угу. А ты выходишь здесь, Косака-кун?

Он с грустью кивнул, не желая так быстро прощаться с новой знакомой. Ему понравилось разговаривать с Гон-тян, ведь та была занятной и очень милой.

Да, они учатся в одном университете, но кампус

у них огромный, а потому шансы на случайную встречу ничтожно малы. Сейчас Кэйити знал лишь то, что они посещают одни и те же обязательные лекции для первокурсников, но, будучи реалистом, не мог представить, что подойдет к ней и заговорит, если встретит ее с подругами. Следовало ловить момент.

— Михо-тян… — рискнул он обратиться к ней по имени. Видя, как ошарашена девушка, Кэйити поспешно прибавил: — Э-э, ты ведь сама сказала, что хочешь, чтобы в университете все звали тебя именно так. Или тебе неприятно?

Гон-тян — нет, Михо-тян — молча помотала головой, а затем прошелестела:

— Я просто очень удивилась. Но мне нравится слышать свое имя из твоих уст, хоть я и смущена немного. Просто не ожидала.

Судя по всему, ей действительно было не по себе, но, кажется, смелость, проявленная Кэйити, не вызвала у нее отторжения. Он похвалил себя за то, что сделал этот шаг.

— Если твой проездной позволяет сойти здесь и снова сесть на линию до Хансин-Кокудо, может, выйдем в город? Конечно, если у тебя есть время. Я нашел на этой станции кое-что интересное.

— Время у меня есть!

«Понять бы, чем вызвано столь быстрое согласие, — задумался Кэйити. — Обыкновенным любопытством? Или она тоже не хочет так скоро со мной расставаться? Вот бы второе… Пусть удача мне улыбнется, мы зайдем попить чаю и обменяемся номерами телефонов!» — загадал он желание и зашагал по платформе, стараясь идти в ногу с Михо.

— Посмотри вон туда.

Миновав турникеты, они вошли в крытый застекленный переход, соединявший станцию с торговым центром. Дойдя до середины, Кэйити приблизился к перилам и остановился. Проследив направление его взгляда, Михо увидела за стеклом заурядное белое здание.

— На крышу, — заговорщицки добавил Кэйити.

— Ух ты!

— Неожиданно, да?

На кровле здания возвышались ярко-красные ворота тории, точно там располагался вход в синтоистское святилище.

— Для чего их туда поставили? Может, на крыше разбит сад или что-то в этом роде?

— Сомневаюсь. Тогда бы по краю установили ограждение, а его нет. И потом, будь там расте-

ния, отсюда были бы видны зеленые или цветные пятна.

— Возможно, владелец здания — чрезвычайно религиозный человек. Либо он купил землю, на которой когда-то стояло святилище, и пожелал, чтобы тории перенесли на крышу… Вот это загадка так загадка! — Внезапно Михо просияла. — Идея! Давай наведаемся в это здание и попытаемся узнать ответ? Оно ведь совсем близко!

— Ты поразительно смелая, Михо-тян, — с уважением прокомментировал Кэйити.

Михо смущенно опустила глаза.

— В одиночку пойти туда я не отважилась бы, а с тобой, Косака-кун, сделаю это легко.

— То есть ты рассчитываешь на меня?

Она наклонила голову низко, будто извиняясь.

— Если ты, конечно, не против…

Ее деликатность вызвала у Кэйити умиление.

— Я застенчив при малознакомых людях, да и храбрецом меня не назовешь. Лучшее, что я могу предложить, — это составить тебе компанию.

— Да, если со мной кто-то будет, я буду счастлива попробовать. О большем и не прошу.

— Хорошо, договорились. Сходим как-нибудь. — Он задался вопросом, хватит ли ей смелости,

когда день «икс» настанет. — А пока расскажи, что стало для тебя самым запоминающимся событием дня?

Михо облокотилась на поручень.

— Даже не знаю. От вертолетов в небе у меня дух захватило, но и тории тоже нечто необычайное. Хм-м… Не могу выбрать что-то одно, пусть сегодня будет сразу два.

— Тогда, может быть, в качестве награды за то, что я доставил тебе двойную радость… — Кэйити запнулся, осознав, что впервые сказал девушке что-то подобное. От стыда он больно прикусил язык. — Как ты смотришь на то, чтобы обменяться номерами телефонов?

Лицо Михо мгновенно покраснело, она прикрыла пылающие щеки ладонями.

— Извини! Понимаешь, я не привыкла разговаривать с парнями. Сама знаю, в этом нет ничего страшного, но я жутко нервничаю. Мы можем стать друзьями, да. Ты ведь это имеешь в виду? Разумеется, можем.

«Ну же, не трусь… говори. Не время молчать как рыба», — понукал себя Кэйити.

— Друзья — это прекрасно. Но мне, пожалуй, хотелось бы, чтобы мы стали не просто друзьями.

Михо словно приросла к полу.

— Не просто друзьями? Ты имеешь в виду…

— Например, давай сейчас куда-нибудь сходим. Это будет для меня самым запоминающимся событием дня.

— Ты серьезно? С ума сойти! Знаешь, у меня никто и никогда не спрашивал номер телефона, даже на групповом свидании вслепую.

— Могу предположить, что на таком свидании ни у одного парня не было ни малейшего шанса понять, какая ты умная и славная. Наверняка ты страшно волнуешься и оттого лишнего слова из себя не выдавишь, да? — Кэйити говорил, опираясь на собственный опыт, потому что с ним на свиданиях происходило именно это. — В амурных делах мы новички, так что в этом отношении вполне подходим друг другу. Ни один не примется строить из себя эксперта, ведь мы оба будем понимать, что ступаем по неизведанной земле!

Что-то бормоча себе под нос, Михо, все еще похожая на вареного осьминога, поклонилась.

— Я с удовольствием.

— И я с удовольствием, — ответил Кэйити. Это было очень вежливое начало, хотя приведет ли знакомство к чему-то большему, ни один из них, конечно же, пока не имел представления. — Найдем уголок, где можно спокойно обменяться

номерами?

— А-а, я знаю как раз то, что нам надо! — оживилась Михо. — В этом торговом центре есть фудкорт. Тетя говорила, в одной из кафешек продают вкуснейшие такояки.

В голове Кэйити мигом нарисовалась картинка: красная, как осьминог, Михо уплетает такояки — кусочки осьминога во фритюре! Не сдержавшись, он от души рассмеялся.

— А? Что не так? Я вспомнила, там еще есть кулер с водой. В общем, если народу немного, мы сможем сидеть в кафе, пока не надоест.

Такие подробности уместнее было бы услышать от домохозяйки, а не от студентки университета. В то же время из уст Михо эта информация звучала совершенно естественно.

— Кроме того, такояки — фирменное блюдо региона Кансай, и я давно хотела попробовать его здесь… но для первого свидания это, наверное, не очень романтично, да?

— Нет, все отлично. Я тоже ни разу не ел такояки с момента переезда в Кансай.

Кэйити надеялся, что это первое в его жизни свидание, на котором он будет есть жареного осьминога в компании красной, как осьминог, Михо, останется в памяти ярким воспоминанием.

Поезд отправляется из Такарадзуки, впускает и выпускает пассажиров по пути до Нисиномия-Китагути, где примет на воображаемые подмостки новую труппу.

Гудок одного поезда сообщает пассажирам, что пора спешить на перрон, звон колокольчика извещает, что другой поезд вот-вот покинет станцию, и опаздывающие запрыгивают в вагон перед самым закрытием дверей.

Электричка линии Имадзу плавно отходит от платформы. Кто знает, какие тайны хранят в своих сердцах пассажиры, держащие путь в сторону Нисиномия-Китагути? Лишь им одним и ведом ответ.

Поезд катит по строго заданному маршруту, везя в вагонах столько же историй, сколько пассажиров. Он движется по колее, которая уходит в бесконечную даль.

В обратную сторону

Нисиномия-Китагути

Линия Имадзу является пригородной, и потому вполне логично, что часы пик на ней приходятся на утро и вечер, когда люди едут на работу и учебу, а затем возвращаются домой.

Утром переполнены электрички до Нисиномия-Китагути, во второй половине дня та же картина наблюдается при движении в обратном направлении. По выходным, ближе к последнему поезду, загруженность достигает уровня утреннего часа пик в будни.

Впрочем, по субботам после окончания второй пары большой толпы обычно не было. Предвкушая спокойную поездку, Миса поднялась в вестибюль второго этажа с платформы линии Кобе и спустилась к платформе, от которой отправлялся поезд до Такарадзуки.

Поезд только подошел, вагоны были почти пустыми. В такой ситуации пассажиры вольны выбрать наиболее удобные места. Миса первой прошла во второй вагон и села в углу. Вслед за ней начали прибывать и другие пассажиры, электричка стремительно заполнялась.

Кто-то выкрикнул истошным фальцетом:

— Ито-сан, Ито-сан, сюда! Здесь есть местечко!

Голос принадлежал одной из дам, очевидно едущих целой компанией. Их было человек пять, каждая щеголяла в вычурном платье и безвкусной бижутерии, а поскольку дело происходило зимой, поверх платьев модницы накинули цветные шубы из искусственного меха. Кроме того, в руках дамы держали брендовые сумочки, о которых студентка колледжа могла лишь мечтать.

Похоже, Ито-сан все еще брела по первому вагону. Та, которая позвала ее, уселась напротив Мисы, остальные примостились там же.

«Эх, рано я радовалась. Будут трещать всю дорогу как ненормальные…» — с досадой подумала Миса. Тут к ней направилась молодая женщина — чрезвычайно привлекательная, элегантная и, судя по выражению лица, успешная в карьере.

Не успела она подойти к месту рядом с Мисой, приключилось нечто невероятное.

— Оп-па!

Дама, окликнувшая Ито-сан, швырнула свою брендовую сумочку на сиденье, и молодой женщине пришлось отступить. Переглянувшись с Мисой, она оторопело уставилась на сумку.

«Это еще что за новости?» — поразилась Миса.

— Ну, дорогая, вы как всегда! В своем репертуа-

ре! Ха-ха, меткость — ваше второе имя! — наперебой затараторили попутчицы нахальной особы.

По их тону было понятно: дамы не считают, что их приятельница совершила нечто неподобающее. Напротив, ее поступок явно заслужил их одобрение.

— Ито-сан, да идите же скорее! Вон туда садитесь, видите мою сумку?

Миса обернулась и увидела в дверях вагона еще одну даму средних лет, тоже в претенциозном платье и с брендовой сумочкой. Правда, в отличие от остальных, поверх платья Ито-сан надела скромное бежевое шерстяное пальто.

«Неслыханно!» — Возмущенная Миса уже хотела сказать вслух что-нибудь грубое, но молодая женщина помотала головой и с аристократической улыбкой прошептала:

— Такая дорогая сумка — и такое недостойное применение. Фу-у…

Не в силах подобрать столь же остроумный ответ, Миса закивала, а женщина развернулась и зашагала в следующий вагон.

Ито-сан, которая казалась менее экзальтированной особой, нежели другие дамы из этой компании, подняла сумку с сиденья, вежливо вернула ее хозяйке и села возле Мисы, пробормотав:

— Извините.

«Нет. Извиняться тебе следует перед той, которая только что ушла», — мысленно ответила Миса. С помрачневшим лицом она достала из сумки учебник и открыла его, пытаясь отвлечься.

— Спасибо, — с поклоном произнесла Ито-сан.

— Всегда пожалуйста! — беспечно отозвалась ловкачка.

«Тьфу, кикиморы», — ругнулась про себя Миса и, не в силах сдержаться, выпалила:

— Ну и тетки… Полный отстой!

До дамочек, устроившихся напротив, звук не долетел, а вот Ито-сан наверняка расслышала каждое слово. Миса была готова вступить в перебранку, но соседка лишь покосилась на нее и ничего не сказала.

Горластые подруги, похоже, обсуждали ресторан, в котором забронировали столик. Заведение явно было не из дешевых, и раз они могут себе позволить смотаться туда на субботний обед, значит, с финансами у них все хорошо.

«Эх, тетеньки, отчитал бы вас кто-нибудь, да некому, — вздохнула Миса. — Впрочем, держу пари, такой взбучки, как та, которую закатил мне однажды в электричке незнакомый старикан, ни одна из вас в жизни не получала».

Миса ездила на электричке, еще когда училась в средней школе.

По утрам поезда были набиты битком, так что приходилось ехать стоя, но на обратном пути, если позволял график дежурства по классу, им со шкальной подругой Маюми удавалось сесть рядом.

Делать уборку в классе девочкам выпадало в разные дни, и потому та, чей черед был задержаться, не успевала на ближайшую по времени после окончания уроков электричку (она, как назло, всегда ходила полупустой) и прибегала к самому отправлению второго по счету поезда, в который на предыдущей станции уже втиснулись сотни старшеклассников, а потому на сидячее место трудно было рассчитывать.

Маюми и Миса не помнили, кому из них пришла идея, что можно поступать так: та, которая сегодня не дежурит, идет на станцию и занимает в поезде сразу два места, пока вторая со всех ног несется из школы. Так они смогут добираться до дома с комфортом. Блестящую идею начали претворять в жизнь незамедлительно, и вскоре девочки уже разыгрывали целую мизансцену. Та, что прибегала первой, укладывала сумку второй на свободное место рядышком с собой и, сидя с

очень ровной спиной, выразительно поглядывала на турникеты, чтобы все вокруг понимали: она кого-то ждет и этот кто-то сейчас явится.

Представляя, как это воспринималось другими пассажирами, повзрослевшая Миса даже съеживалась.

Однажды случилось неизбежное. Она примчалась на станцию, заскочила в вагон, положила сумку Маюми на соседнее сиденье и сосредоточенно вперилась в турникеты.

— Что ты творишь, девочка? — вдруг гаркнул человек, вставший напротив нее. — Эй, ты что, не слышала? Да-да, ты, которая заняла сразу два места!

Только после этих слов Миса сообразила, что он обращается к ней. Повернувшись, она увидела невысокого лысого дедка, который смотрел на нее с нескрываемой злобой.

«А? Это он мне? Чего привязался?» — возмутилась Миса, чье подростковое самосознание отказывалось признавать, что она может быть в чем-то неправа.

— В вагоне почти не осталось свободных мест. Почему ты занимаешь своей сумкой второе сиденье?

— Гм, это сумка моей подруги, она будет здесь с

минуты на минуту.

— По-твоему, такое поведение нормально?! Все эти пассажиры вошли в вагон раньше твоей разлюбезной подруги, но с твоей помощью она может вразвалочку прийти позже всех и ехать как принцесса? Ничего не смущает?

«Да что ж ты так горланишь-то, уже люди оборачиваются! Фу, как неловко!» — Миса болезненно поморщилась, озираясь по сторонам. В самом деле, лица попутчиков были строгими, однако, вопреки ожиданиям Мисы, их обвиняющие взоры были направлены не на крикливого старикана, а на нее, беззащитную школьницу. Впрочем, ни в одном не читалось столько недовольства, как во взгляде этого дядьки.

Миса почувствовала себя несправедливо униженной, опустила голову и ссутулилась, гадая, не едет ли в вагоне кто-нибудь из ее параллели.

— Э-э… Моя подруга сегодня дежурит по классу и доберется до станции совсем без сил, — промямлила Миса. Она понимала, что ее аргумент звучит слабо, но не могла промолчать.

— В таком случае уступи ей свое место, когда она будет здесь! Не ищи отговорок!

Тот факт, что никто за нее не заступается, ошарашил Мису и проиллюстрировал, насколько

дурное впечатление они производят на окружающих и до чего бездарна «блестящая идея», которую они осуществляли все это время.

— Извини, что заставила ждать! И спасибо, что заняла мне место. — В вагон влетела ничего не подозревающая Маюми.

Старик впился глазами в новую жертву.

— Это и есть твоя подруга?

— А? — Маюми растерялась. — Миса, этот человек что-то тебе сделал? — спросила она громче, чем следовало бы.

— Это вы, девицы, натворили дел, и причем не впервой! — Голос старика напоминал раскаты грома. — Вы действительно полагаете, что в переполненном поезде, где каждый хочет ехать сидя, можно занимать подружке место, положив на сиденье сумку?! Что за воспитание?!

Маюми поджала губы и, похоже, собралась дать дерзкий ответ, но старик не позволил ей и рта раскрыть:

— Из какой вы школы?!

«Он что, хочет нажаловаться на нас?» — ужаснулась Миса и встала со своего места.

— Так, на этом поезде мы не поедем. — Она передала Маюми ее сумку и коротко поклонилась старику. — Просим прощения. Больше этого не

повторится. — Ее тон не отличался вежливостью, но формальности были соблюдены.

К этому моменту Маюми тоже ощутила всеобщее неодобрение. С угрюмым видом она двинулась за подругой. Они выскочили из вагона, будто беглянки, и плюхнулись на скамейку на платформе. Вскоре прозвенел звонок к отправлению, двери закрылись, и поезд тронулся.

Через окно девочки увидели, что места, которые освободила Миса, до сих пор оставались пустыми.

— Держу пари, старик сразу туда усядется, едва поезд отойдет от станции. — Маюми со злостью топнула по бетонному полу. — Он просто сам хотел там ехать, вот и поднял тарарам, можешь мне поверить.

Обе подруги понимали, что слова Маюми далеки от истины.

«Это вы, девицы, натворили дел, и причем не впервой!»

Они и впрямь поступали так по два-три раза в неделю. Страшно подумать, какое неподдельное раздражение вызывали их поступки у попутчиков.

Девочки удрученно насупились. Вплоть до этого дня они считали, что придерживаются иде-

ального плана, но незнакомый старик развеял их иллюзии, отчитав на глазах у целой толпы.

— Точно тебе говорю, ему втемяшилось занять то место, — снова сказала Маюми.

Миса тоже была подавлена, однако не стала делиться соображениями с подругой, чувствуя, что, произнеси она вслух подлинную причину их огорчения, обе расплачутся навзрыд. Само собой, никто из пассажиров в вагоне не знал их имен, но ни одной из них не хотелось даже в страшном сне представлять, до чего гадко было бы, если бы, к примеру, на утреннем шкальном собрании их вызвали и отчитали за этот проступок. Они испытали бы невообразимое унижение.

— Давай перестанем занимать места, — предложила Миса. — Не хочу, чтобы меня так распекали. Это невыносимо.

Маюми кивнула.

На большие угрызения совести и серьезное осмысление своих действий они еще не были способны в силу возраста. Девочки не видели за собой вины, но все же шум, который поднял старик, привел их к выводу, что разумнее вернуться к тому, как было раньше.

Подростковая гиперчувствительность не позволяла подругам признать за собой даже малейшую

неправоту, и все же осуждение окружающих заставило их выйти из вагона и поехать на другом поезде. Ни Миса, ни Маюми с той поры не использовали свои вещи для того, чтобы придержать кому-либо место в транспорте. Вскоре они уже вели себя так, словно всегда знали, что подобное поведение достойно порицания. Ни разу в дальнейших разговорах они не вспоминали того старика, однако в душе были благодарны ему за урок.

Вот почему поступок дамы, бросившей сумку на свободное сиденье, вызвал у Мисы столь сильное негодование. Вот почему она посочувствовала молодой женщине, которая шепнула: «Такая дорогая сумка — и такое недостойное применение» и поспешила в третий вагон.

Миса училась во второразрядном женском колледже, и оценки у нее были не ахти. Буквально пару лет назад, когда она готовилась к вступительным экзаменам, ей много помогала подруга с более глубокими познаниями, и Миса чудом сдала на проходной балл. Она понимала: купить брендовую вещицу вроде тех, которые эти тетки плюхнули себе на колени, сможет не раньше, чем устроится на работу, хотя и тогда ей придется быть чрезвычайно бережливой, чтобы позволить

себе подобную покупку.

Краем глаза поглядывая на дамочек-трещоток, Миса поклялась себе, что никогда не будет вести себя так, чтобы хоть у кого-нибудь появился шанс отнести ее к одной категории с той мымрой, которая только что метнула сумку на сиденье.

«Хм, занятно, — мелькнуло у Мисы в голове. — А ведь меня не раз выручали из беды незнакомые люди. — Она поежилась от нахлынувших воспоминаний о бывшем парне по имени Кацуя, с которым порвала полгода назад. — Вот и на уход от Кацуи меня сподвигли слова случайной попутчицы. Как бишь она сказала? „…Никчемный человек… Вы никогда не думали о том, чтобы уйти от него? Я ведь вижу, вам с ним тяжело“».

В тот день они ехали к агенту подыскивать квартиру, и Кацуя вспылил из-за какой-то мелочи. Миса кинулась извиняться, пытаясь загладить вину (хотя она и сегодня не считала, что поступила неправильно), он не стал слушать и назло ей отправился на ипподром. Напоследок Кацуя оттолкнул Мису с такой силой, что она едва не упала, а он даже не оглянулся и зашагал к турникетам.

Тут-то она и решила, что больше не намерена это терпеть.

К тому моменту она настолько привыкла к неуважительному отношению с его стороны, что даже не расстраивалась лишний раз.

Уныние, разочарование, пустота — этими тремя словами Миса могла бы описать свое тогдашнее душевное состояние.

Пожилая женщина, ехавшая с ними в одном вагоне, раскрыла Мисе глаза на то, насколько разрушительно действует на нее роман с Кацуей.

Попутчица оказалась прозорлива. Кацуя, бесспорно, был никчемным человеком.

В электричке они повздорили из-за пустяка. Такое случалось сплошь и рядом, и тем не менее пинать дверь поезда и оскорблять Мису прилюдно Кацуя прежде не осмеливался. Миса успела притерпеться к переменчивости его нрава и уже не спрашивала, почему он так заводится, ибо понимала, что тем самым только разозлит его еще сильнее. Но когда посторонние люди смотрели на Кацую с порицанием, оно автоматически распространялось и на находящуюся рядом Мису, даже если она не проронила ни полслова.

«Какой никчемный человек. Я правильно сделала, что порвала с ним».

Если бы она продолжила встречаться с Кацуей, обязательно превратилась бы в такую же ник-

чемную личность с одной лишь заботой: чтобы ее избранник пребывал в хорошем расположении духа. «Да-а, от меня сейчас осталась бы бледная тень», — сказала она себе и вздохнула с облегчением.

Когда Миса сообщила Кацуе о том, что намерена с ним расстаться, он учинил чудовищный скандал, а потом неоднократно заявлялся к ней домой. Миса догадывалась: будь Кацуя инициатором разрыва, все прошло бы гладко, однако он не мог примириться с тем, что бросают его.

Кацуя приезжал поздно вечером, кричал и молотил кулаками в дверь. Опасаясь рассердить соседей, Мисе приходилось впускать Кацую, и он избивал ее.

Терпение Мисы в конце концов иссякло, и, взяв с собой самое необходимое, она принялась кочевать по подругам — ночевала то там, то тут и отсутствовала дома по несколько дней кряду. Так продолжалось месяцев пять. Мисе не хотелось, чтобы в семье узнали о ее проблемах. Она ведь жила уже самостоятельно и не желала причинять родителям лишнего беспокойства.

Как-то раз по пути из колледжа домой Миса обратилась в полицию, но офицер в отделении не выразил особой готовности помочь. А уж когда

она сообщила свой адрес, он и вовсе указал ей на дверь — мол, район, в котором она проживает, относится к другому участку. И потом, добавил офицер, без доказательств полиция мало что может предпринять. На вопрос Мисы, что считается доказательством, он ответил, что ей потребуется справка от врача. Данный вариант Миса отвергла — у нее попросту не было ни средств, ни времени обращаться в больницу каждый раз, когда Кацуя поднимет на нее руку.

Однажды ей все же удалось сфотографировать следы побоев на мобильный телефон, но Кацуя в свой очередной приезд нашел эти снимки, удалил их, а затем опять задал Мисе взбучку, припугнув: «Попробуй повторить, и я на тебе живого места не оставлю».

Попытки мирно завершить отношения не увенчались успехом, и в итоге Мисе пришлось звать на помощь Маюми, старший брат которой был первоклассным спортсменом, вице-капитаном университетской сборной по карате. Что немаловажно, Миса знала его с детских лет.

— Миса-тян — лучшая подруга моей младшей сестры, — начал разговор брат Маюми, когда Кацуя вошел в кафе в Умэде и сел за столик, за которым уже расположились Миса и Маюми с

братом.

Единственное свободное место за столиком было в углу, и Кацуе ничего не оставалось, как занять его. Миса сидела от него наискосок, Маюми буравила Кацую свирепым взглядом. Ее брат сурово уставился на Кацую и продолжил:

— Миса-тян мне как младшая сестра. Будь так любезен, не создавай ей проблем. Тебе все ясно?

Кацуя — слабохарактерный человек, способный вымещать свою злость только на женщинах и предметах, — мигом спасовал под напором брата Маюми.

— Э-э… Да я вроде бы и не создаю… Она моя девушка. Иногда мы спорим и ругаемся, с кем не бывает?

— Кажется, Миса-тян уже сказала тебе, что желает расстаться. Верно, Миса-тян?

— Верно, — горячо кивнула та. — Я хочу прекратить наши отношения, Кацуя. Хочу, чтобы ты больше не вопил под моей дверью и не стучал по ней кулаками.

Брат Маюми выпрямился и замер. Словно по волшебству, он стал казаться выше и сильнее. Негодование закипало в нем, и Кацуя, ощутив это, затрясся от страха.

— Итак, отныне ты ее не беспокоишь. — Это

была не просьба, а констатация факта. — Если тебе есть что возразить, обращайся ко мне. Загляни в додзё при университете и попроси позвать вице-капитана команды по карате. Там сразу поймут, о ком речь. Я продиктую тебе номер своего телефона, если нужно. — (Кацуя в панике замотал головой.) — В таком случае, пожалуйста, немедленно удали из памяти телефона номер мобильного и адрес электронной почты Мисы-тян. Ты, Миса-тян, сделай то же самое.

— Братец, — подала голос Маюми, — лучше пусть Миса заблокирует его на своем мобильном. Теперь мало кто запоминает телефонные номера, так что, если он позвонит, а она ненароком ответит, не понимая, что это он, ситуация может снова осложниться.

— Если это произойдет, я тотчас поспешу на помощь. Миса-тян, блокируй его номер сейчас же. А ты чего ждешь? — многозначительно обратился он к Кацуе, и тот без лишних слов стер номер телефона и адрес электронной почты Мисы.

Когда Кацуя ушел, Маюми повернулась к Мисе и сердито воскликнула:

— Как ты могла довести дело до такого состояния? Почему молчала?

— Прости! Мне не хотелось тебя волновать, и

потом ты ведь по-прежнему живешь с родителями… Я боялась, что они свяжутся с моими и расскажут им обо всем. К тому же что толку было звонить тебе, ведь ты далеко.

— Саяма, по-твоему, далеко?! И вообще, где бы я ни была, я откликнусь на твой зов и приду на выручку! Кроме того, не забывай, что великое демоническое божество живет в Осаке! Давно могла бы использовать его как оберег от своего чокнутого!

— Так, это кто тебе дал право называть старшего брата великим демоническим божеством? Ну, держись!

— Бе-бе-бе! — поддразнила брата Маюми и, прикрыв лоб ладонью, отсела подальше. — Только не щелкай по лбу! Пощади!

— Нет уж, дорогуша! Ты у меня ответишь за свои слова!

Будучи единственным ребенком в семье, Миса с детства завидовала тем, у кого есть родные братья и сестры. Наблюдать за этой добродушной перебранкой было необычайно приятно.

— Огромное спасибо вам обоим. Вы меня так выручили. Без вашей помощи я ни за что не выпуталась бы. — Она смахнула слезинку со щеки.

Маюми обняла подругу за плечи.

— Ты боялась, я могу понять. Отныне все пойдет на лад.

Ее брат отхлебнул глоток остывшего чая и както странно взглянул на Мису.

После этой встречи, состоявшейся месяц назад, Кацуя отстал от Мисы раз и навсегда.

Ее телефон был в беззвучном режиме, но она увидела на экране конвертик с новым сообщением. Щелкнув по значку, Миса обнаружила, что оно от Маюми.

> С недавних пор Кэнго часто говорит о тебе, спрашивает, все ли у тебя нормально. Короче, если есть желание, позвони ему.

Кэнго звали старшего брата Маюми, и Миса не раз слышала, как подруга за глаза называет его по имени. Если бы брат узнал об этом, он отвесил бы ей щелчок по лбу.

> Это большой секрет, но на днях, когда Кэнго приезжал домой, он сказал: «Миса-тян так похорошела». Кэнго, конечно, тот еще демон, но никогда не ударит женщину, так что он достойная партия. Все

время, не занятое учебой, он проводит в додзё, и девушки у него нет, поэтому, если мой братец тебе интересен, действуй.

«Миса-тян так похорошела».

Она представила себе, как Кэнго произносит эти слова тем спокойным уверенным голосом, которым разговаривал с Кацуей, и ее сердце екнуло.

Но Миса не была готова проявить инициативу, ведь они уже так давно не виделись, да и при последней встрече он помогал ей уладить ситуацию с бывшим парнем…

Впрочем, Миса не могла не признаться себе в том, что и Кэнго теперь сделался весьма недурен собой.

Он стал надежным молодым человеком, рассудительным и приятным в общении. Никчемный Кацуя ему и в подметки не годится.

Разумеется, Миса не собиралась бездумно поступать по указке Маюми, однако отлично могла начать с чего-то простого. Кэнго ведь оказал ей неоценимую услугу, так почему же не послать ему маленький подарок или не угостить чаем?

Номер его мобильного у нее есть, он сам дал его тогда на всякий случай.

Спасибо. Я позвоню ему на днях. Только, пожалуйста, ничего не говори ему заранее, я немного стесняюсь.

Отправив ответное сообщение, Миса убрала телефон.

«Какой никчемный человек… Вы никогда не думали о том, чтобы уйти от него? Я ведь вижу, вам с ним тяжело», — прозвучали в голове слова пожилой попутчицы.

«Еще бы. Даже расставание с ним далось мне с превеликим трудом, но я не опускала рук, и теперь, к счастью, все это в прошлом. Спасибо вам большое», — сказала бы Миса, если бы опять встретила ту даму.

А если бы Миса опять встретила того старика, который отчитал ее во времена учебы в средней школе, она вполне могла бы поблагодарить и его.

Еще она непременно от всей души сказала бы спасибо болтушке Эт-тян и ее подругам. От одного воспоминания о том девичьем разговоре губы Мисы сами собой расплылись в улыбке. «Любопытно, как у них идут дела с подготовкой к вступительным экзаменам? Пусть каждая поступит этой весной туда, куда хочет, и продолжает

так же беззаботно радоваться жизни».

За размышлениями Миса совершенно позабыла об инциденте с брендовой сумкой, которую швырнула на соседнее сиденье взбалмошная дамочка.

Мондо Якудзин

— Ну и тетки… Полный отстой!

Ясуэ Ито поежилась. Реплика была явно адресована ей — вернее, той компании, к которой она принадлежала, и пассажирка, с чьих губ сорвались эти слова, была не какой-нибудь простушкой, а яркой девушкой с умным взглядом, студенткой колледжа.

Приведи ее сын такую подругу домой знакомиться с родителями, Ясуэ едва ли сочла бы ее подходящей кандидатурой в невестки. По мнению матерей, идеальная избранница для сына — это опрятная улыбчивая барышня в плиссированной юбке и неброской блузке, ни в коем случае не напористая и не крикливая.

По крайней мере, в компании домохозяек, с которой Ясуэ сейчас ехала в сторону Такарадзуки, именно такая девушка считалась образцовой будущей невесткой. Эти дамы мнили себя утонченными особами и любили совершать совместные выходы в свет. На подобное мероприятие следовало одеться роскошно, то есть в атласное или шифоновое платье, надев броские украшения и обязательно прихватив с собой модную брен-

довую сумочку. Если аксессуары приобретены в одном из престижных универмагов Умэды, статус владелицы возрастал многократно, и не важно, что вещи были куплены на распродаже, в толкотне среди других оголтелых покупательниц, буквально вырваны из чьих-то рук, — все равно покупка в подобном универмаге расценивалась как нечто особенное.

Размышляя о компаньонках, Ясуэ ловила себя на мысли, что леди, которые на самом деле являются утонченными, а не только пытаются казаться таковыми, избегают пиковых распродаж, идут в универмаг, когда им это удобно, не спеша рассматривают ассортимент и покупают понравившиеся им вещи за полную стоимость.

К тому же…

Она украдкой взглянула на студентку, занимавшую соседнее сиденье. Истинные леди не стали бы сетовать во время чаепития, что сын привел домой девицу вроде этой, которая еще и позволила себе выразиться по-хамски. Им и в голову не пришло бы делиться подобными откровениями.

Идя по вагону, Ясуэ издалека увидела, что вытворила дамочка, заправлявшая в их компании: в тот момент, когда молодая пассажирка хотела сесть, нахалка швырнула сумку на пока что пу-

стое сиденье, а затем вульгарно расхохоталась.

«Ох, стыдоба. И что только о нас подумали другие пассажиры?..»

Увы, Ясуэ недоставало смелости, чтобы отчитать приятельницу. Для той собственный поступок был проявлением доброты к растяпе, соображавшей медленнее остальных, и на примере тех, кто уже покинул их компанию или был изгнан из нее, Ясуэ знала, что будет, если она не примет этой доброты.

— Извините, — пробормотала Ясуэ сконфуженно.

Ей ничего не оставалось, как вернуть владелице сумку, которую та небрежно бросила на сиденье. Заняв место, Ясуэ ощутила резь в животе. В последнее время подобные боли начали повторяться чаще. Честно говоря, ей ни капли не хотелось ехать в Такарадзуку на обед в китайский ресторан. Одна из приятельниц где-то раздобыла меню и, проштудировав его, объявила: «Нам необходимо срочно там побывать! Возьмем по самому дорогому сету, его очень хвалят! Стоит пять тысяч иен на человека».

Была суббота, муж и сын-старшеклассник Ясуэ остались дома. Перед отъездом она приготовила им на обед жареный рис и теперь сокрушалась:

«Пять тысяч за обед! Да на эту сумму мы втроем сходили бы в ресторан и наелись до отвала!» Не так давно дочь Ясуэ вышла замуж, так что расходов в семье убавилось, однако названная сумма все равно превышала их суточный бюджет на питание.

К этой компании дам Ясуэ примкнула, когда состояла в родительском комитете средней школы, где учились дети. Муж и сын знали, как нелегко ей приходится среди столь непохожих на нее по темпераменту женщин, и ни словом не попрекали Ясуэ. Напротив, они с пониманием относились к ее участию в мероприятиях, организуемых этими дамами.

Когда Ясуэ вернула сумку хозяйке и извинилась, та хмыкнула: «Всегда пожалуйста!» — и Ясуэ сдержанно улыбнулась в знак признательности. Она уже постигла секрет выживания в этом сообществе, заключавшийся в том, чтобы никогда не идти против сильных.

И тут раздался комментарий студентки, пронзительный, как удар кинжала: «Ну и тетки… Полный отстой!»

Но что могла сказать Ясуэ, чтобы девушка поняла, почему она не посмела отказаться от места, которое заняла для нее предводительница их

компании?

«Я и сама не особенно рада тому, что еду куда-то с этими дамами, — беззвучно оправдывалась перед попутчицей Ясуэ. — Мне за них стыдно. Возможно, вы мне не поверите, но я тоже считаю, что вы, даже с учетом этого грубого заявления, ведете себя во сто крат приличнее, чем мои спутницы-горлопанки. Впрочем, спасибо за науку. В следующий раз я точно поеду стоя, пусть не беспокоятся о том, чтобы занять мне место».

То, что Ясуэ не хватило смелости заявить об этом вслух, автоматически причисляло ее к «отстойным теткам». Сейчас она даже завидовала тем, кого давно исключили из компании и перестали упоминать, будто их и на свете не было. К прискорбию, сама Ясуэ упустила шанс отмежеваться от общества мамаш из уже не существующего родительского комитета и теперь сама не знала, как долго еще продлится ее участие в этом дамском коллективе.

— Следующая остановка — Мондо Якудзин. Мондо Якудзин.

Ясуэ вдруг четко осознала абсурдность ситуации: мужу и сыну состряпала банальный рис с какой-то дребеденью, а сама катит в Такарадзуку, в изысканный китайский ресторан.

От этой мысли она согнулась пополам.

— Ох! Что с вами? Как вы себя чувствуете?!

К изумлению Ясуэ, восклицание раздалось из уст девушки, несколькими минутами ранее нанесшей ей словесный выпад. Незнакомка положила руку на плечо Ясуэ и пыталась поймать ее взгляд.

Компаньонки Ясуэ, сидевшие через проход, были заняты разговором и не сразу обратили внимание, что ей стало плохо.

— Ито-сан! Что случилось?!

— Вам дурно?

— Вы как? Может, к доктору?!

Женщины затарахтели хором, однако ни одна не поспешила на помощь. Единственной, кто гладил Ясуэ по спине, жалея ее, была случайная попутчица.

— Боюсь, у меня живот прихватило…

— Вот те на! А как же наш обед в ресторане?!

— Неужели не отведаете такой вкуснятины?

Ясуэ схватилась за рукав студентки и сдавленно прошептала:

— Ничего им не говорите.

Девушка процедила сквозь зубы:

— Обед в ресторане — последнее, что нужно человеку, которого скрутило от боли и прошиб

холодный пот.

Борясь с мучительными спазмами, Ясуэ подняла голову и через силу улыбнулась дамам:

— Извините, мне и вправду нехорошо. Лучше вернусь домой. Желаю вам удачной поездки! Надеюсь, мое отсутствие не помешает вам отлично провести время.

— Вы уверены? Ну что ж…

— Не расхворайтесь!

Поезд плавно подъехал к платформе. Когда двери открылись, студентка встала и протянула руку Ясуэ.

— Нет-нет, спасибо. Я справлюсь, не волнуйтесь.

— Я тоже выхожу.

Если честно, Ясуэ понимала, что ей будет трудно идти самой.

— Благодарю вас! Мне так неловко!

Студентка молча повела Ясуэ под руку, не обращая внимания на дамочек, даже не соизволивших помочь своей приятельнице.

«Надо посидеть на скамейке. Наклонюсь вперед и буду ждать, когда пройдет приступ».

— Пожалуйста, скажите, когда вам станет получше и вы сможете идти. Кажется, за железнодорожным переездом есть гинекологическая

клиника. Наверняка другие врачи тоже принимают.

Неуверенность тона студентки навела Ясуэ на мысль, что это вовсе не ее станция.

— До чего досадно, что из-за меня вам пришлось выйти не там, куда вы направлялись.

— Ничего страшного.

Голос девушки звучал грубовато. Оставалось только гадать, продолжает ли она испытывать раздражение, которое так ярко проявилось в ее комментарии: «Ну и тетки… Полный отстой!»

— У меня, как назло, нет с собой страхового полиса.

— Завезете в другой раз. Думаю, вам возместят расходы.

— Специально приезжать сюда — это дополнительные траты… И потом у меня всегда при себе есть лекарство от боли в желудке.

— Что ж вы сразу не сказали! — фыркнула студентка и направилась к турникетам.

Проводив ее взглядом, Ясуэ открыла сумку и вынула из нее косметичку. Сумка была ее единственной фирменной вещью, которую она купила после того, как несколько месяцев откладывала часть своей зарплаты за подработку. Расплачиваясь в магазине аксессуаров, Ясуэ мучилась

чувством вины, ведь солидная сумма, которую она выложила за дизайнерскую сумку, точно не стала бы лишней в бюджете семьи.

«Почему вы купили всего одну? — недоумевали дамы. — Взяли бы две или три. Когда в фирме мужа будут выплачивать бонус, непременно скажите, что вам нужна вторая нарядная сумочка!» Кое-как выдерживая их натиск, Ясуэ заверя ла, что эта сумка ей нравится как ни одна другая и прекрасно подходит практически ко всем вещам ее гардероба.

Она вытащила пакетик с лекарством, который хранила в косметичке. Та была производства никому не известного бренда, и, разумеется, добрые советчицы наперебой рекомендовали взять фирменную — того же изготовителя, что и сумка. Ясуэ отнекивалась, поясняя, что косметичку ей подарила свекровь и потому она никак не может заменить ее на другую. На самом деле Ясуэ сама купила косметичку на распродаже в супермаркете неподалеку от места, где подрабатывала. Стоила вещь пять тысяч иен — ровно столько же, сколько Ясуэ собиралась потратить сегодня на великолепный сет блюд в китайском ресторане.

Кое-как поднявшись, она уже собралась пойти за водой, но тут студентка вновь появилась на

платформе и протянула Ясуэ бутылочку минеральной воды из вокзального киоска.

— Вот, держите.

— О, спасибо! Сколько я вам должна?

— Нисколько, это всего лишь вода.

Ясуэ благодарно кивнула, откупорила бутылочку и высыпала в нее горькое лекарство. Студентка продолжала стоять подле Ясуэ.

— Э-э… А почему вы… — Ясуэ замялась, усаживаясь обратно на скамью и силясь понять, с какой стати попутчица проявляет к ней неподдельное участие и при этом имеет столь угрюмый вид.

— Я чувствую себя виноватой! — буркнула та. — Я обругала ваших знакомых, причем специально говорила достаточно громко, чтобы вы услышали, и… Если ваш живот разболелся именно по этой при чине, я должна остаться рядом, пока вам не сделается лучше.

«О, какая милая девушка, — порадовалась Ясуэ. — Очень хорошая девушка. Куда лучше, чем идеальная невеста для сына, о которой мечтают мои компаньонки. Я была бы счастлива, если бы мой сын встречался с такой. Это означало бы, что он зрит в корень».

— Полноте. — Ясуэ с улыбкой махнула рукой, словно развеивая опасения студентки. — Вашей

вины тут нет.

Рассудив, что, вероятно, видит эту девушку в первый и последний раз, Ясуэ решила, что может в кои-то веки дать волю языку.

— Вообще-то, мне нисколько не хотелось ехать в Такарадзуку. Мужу и сыну я приготовила жареный рис с тем, что оставалось в холодильнике, и велела разогреть в микроволновке, а сама укатила с приятельницами в роскошный ресторан, чтобы заплатить там пять тысяч за обед! В поезде меня охватило раскаяние, и нате вам — острый приступ боли в животе. — Помолчав, Ясуэ добавила извиняющимся тоном: — И еще… Моя знакомая, которая бросила на сиденье сумку, в душе совсем неплохая и не имела в виду ничего дурного, просто для нее такое поведение — норма. Да, я виновата в том, что ничего ей не сказала, но мне было безумно неловко за то, каким способом она заняла для меня место. Поверьте, я не знала, куда деваться от стыда.

Студентка опустилась на скамейку рядом с Ясуэ.

— Извините за бестактность. Я брякнула, что в голову пришло.

— Нет-нет, вам не за что просить прощения. Это я размазня, не сумела правильно прореаги-

ровать.

— Вовсе нет. — Девушка пристально посмотрела на Ясуэ. — Если бы вы что-то сказали, та, которая бросила сумку, принялась бы вас буллить. Знай я, как обстоят дела, ни за что не поставила бы вас на одну доску с ними даже в воображении. Вы уверяете, что она не имела в виду ничего дурного, но я так не считаю.

— Буллить? — переспросила Ясуэ.

— Ну, травить. Так сейчас говорят. Стала бы выкуривать вас из группы.

— Надо же, никогда не слышала этого слова.

— Вы всегда носите с собой лекарства от боли в желудке?

— В последнее время у меня участились такие рези, — уклонилась от прямого ответа Ясуэ.

— И возникают они каждый раз, когда вы куда-нибудь выбираетесь с этой компанией?

Кивнув, Ясуэ прерывисто вздохнула.

— Простите, что вмешиваюсь не в свое дело, — произнесла студентка нарочито небрежным тоном, — но, возможно, вам стоит перестать общаться с этими дамами? Ведь к лекарствам рано или поздно сформируется привыкание.

Ясуэ наклонила голову, а девушка не унималась:

— Для вас общение с ними один сплошной стресс, раз на фоне совместных поездок ваше самочувствие так ухудшается. Обратите внимание, едва вы оказались вдали от тех дам, мигом пришли в себя.

Если говорить начистоту, Ясуэ смутно осознавала это и сама, но не пробовала что-либо изменить — боялась проблем, которые могут начаться, стоит ей попытаться порвать связи с псевдоподругами из старого родительского комитета.

— Ну… я с ними уже очень давно знакома.

— Не сочтите за дерзость, но мне кажется, что вы среди них как белая ворона.

Ясуэ инстинктивно сжала бутылочку с водой. Девушка словно ее мысли прочла…

— Когда ты едешь вместе с кем-то в поезде и попутчику становится плохо, следует выйти с ним на ближайшей остановке и убедиться, что он пришел в себя, или вызвать врача. Так поступил бы любой порядочный человек, пусть даже это нарушило бы его планы. Ваши курицы и с места не поднялись, только заквохтали: «Ай-яй-яй, ну вот, а как же обед?» Им до лампочки, пропустите вы трапезу в ресторане или нет. Даже не потрудились изобразить сочувствие или хоть как-то вас поддержать, тьфу!

— Хм-м… Пожалуй, вы правы. — Ясуэ вновь поймала себя на том, что кивает, соглашаясь с доводами собеседницы. В сущности, с каждым годом общение с этой дамской компанией приносило все меньше удовольствия. После окончания средней школы дети перешли в другие, так что встречи бывших участниц родительского комитета проходили скорее по привычке, а фактически их уже ничто не объединяло.

Внезапно студентка помрачнела.

— Кроме того, если у человека, с которым вы регулярно видитесь, иные приоритеты и его общество приносит вам тягостные ощущения, лучше вовремя вычеркнуть его из жизни. В противном случае чем дольше вы остаетесь рядом с ним, тем сильнее рискуете принять его убеждения и забыть свои.

«Судя по тому, как печально звучит ее голос, она пережила болезненное расставание… — предположила Ясуэ. — Вот ведь, совсем молоденькая, примерно ровесница моей дочки».

— Не предавайте себя, иначе это обернется против вас. Заметьте, вы уже и так заработали себе приступы боли на нервной почве, а дальше что будет? — Девушка развела руками. — Ну, какой вариант вам больше по душе?

Ясуэ ответила вопросом на вопрос:

— Зачем вы мне об этом говорите?

— В недалеком прошлом в моей жизни была черная полоса, — помолчав, отозвалась студентка. — Я боялась, что окончательно зашла в тупик. Встреча со случайной попутчицей в электричке вправила мне мозги, и я сделала первый шаг к спасению. Сегодня я сама стала случайной попутчицей, которая помогла человеку в беде — то есть вам. Вот зачем.

Днем поезда по линии Имадзу ходят примерно каждые десять минут в обоих направлениях. Со стороны переезда послышался грохот, предвещающий прибытие следующей электрички.

— Спасибо. Надеюсь, вы сейчас сядете в поезд и продолжите путь. А я отправлюсь обратно домой.

— Да. Вроде вам уже лучше. Но все равно, пожалуйста, проявляйте осторожность.

Студентка поднялась со скамейки и направилась к краю платформы.

Когда поезд подошел, Ясуэ крикнула:

— Для начала я постараюсь хоть немного дистанцироваться от этой компании!

Девушка обернулась, с улыбкой показала большой палец вверх, а затем вошла в вагон, не

оглядываясь на Ясуэ, — словом, повела себя так, как и подобает случайной попутчице.

Пройдя через турникеты и шагая к платформе на другой стороне станции, Ясуэ размышляла.

Она договорится с начальством и увеличит количество рабочих часов. Правда, сперва следовало обсудить вопрос с мужем, который получает налоговый вычет на иждивенцев, но Ясуэ не сомневалась, что они придут к оптимальному решению.

В последнее время у семьи туго с финансами. Кроме того, сын скоро заканчивает школу, а значит, нужно откладывать деньги на его дальнейшее обучение. Ясуэ постепенно сократит число встреч с кичливыми модницами, и однажды они перестанут звать ее в свои расточительные гастрономические поездки, тем более дамы и сейчас воспринимают ее как никчемный балласт, так что потеря для них будет невелика.

Если она признается, что причина в деньгах, «подруги» наверняка примутся критиковать ее мужа — мол, он совершенно неспособен обеспечить ей достойную жизнь. К счастью, подобные замечания несильно заденут Ясуэ, и тем не менее ей станет гораздо легче, когда отпадет необходимость раскошеливаться на дизайнерские вещи

и обеды в дорогих ресторанах, просто чтобы держаться с этими особами наравне. Семейной копилке отсутствие подобных трат пойдет только на пользу. К примеру, на сэкономленные сегодня пять тысяч они втроем сходят в любимый ресторанчик сына, расположенный недалеко от дома, и семья будет сыта и довольна.

А главное…

Ясуэ не придется больше выслушивать от незнакомых людей фразы в духе: «Ну и тетки… Полный отстой!»

Котоэн

Компания броско одетых дамочек оказалась такой шумной, что Эцуко не захотела оставаться с ними в одном вагоне и перебралась в соседний. Они тарахтели и хохотали до того громогласно, что Эцуко была не в состоянии сосредоточиться на комплекте перекидных карточек, по которым повторяла формулы для экзамена. «Не взрослые женщины, а детский сад на выезде», — подумала Эцуко с укором.

Пришла пора вступительных экзаменов, и Эцуко уже давно присмотрела колледж, куда подавать документы. Держась за поручни у двери, она перелистывала карточки и освежала в памяти материал по одному из предметов.

Следующей остановкой по маршруту был Котоэн.

Старшая школа, которую заканчивала Эцуко, располагалась как раз в Котоэне, однако на поступление в университет, находившийся неподалеку, она даже не замахивалась. Чтобы не прогадать, Эцуко выбрала частный колледж с хорошим отделением сестринского дела.

«Я мечтала поступить сюда и продолжить

ездить в Котоэн, но не судьба...» — с грустью вздохнула Эцуко. На станции всегда было не протолкнуться от студентов, каждый пытался чем-то выделиться среди остальных и выглядел счастливым, хоть и замученным интенсивной учебой.

Поскольку баллы Эцуко были недостаточно высоки для того, чтобы школа выдала ей рекомендацию для поступления в высоко котирующийся университет, на профориентационной консультации ей предложили снизить планку и поискать альтернативу среди учебных заведений, проходной балл в которые она наверняка заработает. Поразмыслив, Эцуко решила получить какую-никакую профессию и отдала предпочтение сестринскому делу.

Подруги-одноклассницы тоже определились с выбором и теперь по вечерам ездили на подготовительные курсы, а днем занимались дома. Лишь по субботам во второй половине дня девушки приезжали в школу — в первую очередь ради того, чтобы обменяться новостями и поболтать обо всем на свете.

Выпускной был не за горами, и подруги с грустью понимали, что вскоре эти приятные встречи останутся в прошлом. Одни уже были зачислены в желанные университеты или колледжи, другие,

в том числе Эцуко, пока ждали ответа на свой запрос и надеялись, что попадут в интересующие их учебные заведения. Никто из них не отличался авантюризмом, они намеренно остановились на беспроигрышных вариантах. Кто-то назвал бы девушек малодушными и неамбициозными и в чем-то оказался бы прав. Они были не из тех, кто считает: «Буду ждать до последнего, авось удастся поступить в тот колледж» или: «Не стану спешить, потрачу следующий год на подготовку и попробую штурмовать этот университет». Ни одна из них не стремилась прыгнуть выше головы и не шла на риск, а потому сейчас девушки проводили время относительно спокойно и смаковали последние недели школьной жизни.

Эцуко — Эт-тян, как называли ее подруги, — продолжала ходить на свидания с парнем, который уже имел работу, однако до сих пор не знал, как читаются многие иероглифы.

— И что, у вас так и не было?..

При всей своей застенчивости и отсутствии опыта в делах любовных, подруги регулярно задавали Эцуко этот вопрос, на который она неизменно отвечала:

— Пока нет!

О том, что однажды это чуть не произошло,

Эцуко умалчивала.

Преподаватели в основной школе и на подготовительных курсах в один голос твердили Эцуко: если она приложит побольше усилий и продержится в ударном темпе до конца марта, вероятность ее поступления в заветный университет будет весьма высокой. Оба педагога оговаривались, что ей понадобится как минимум один запасной вариант. Но слова словами, а Эцуко знала: преподаватели надеются, что, подав документы в колледж, куда поступление ей гарантировано, она продолжит готовиться как заведенная, чтобы дерзнуть и сдать экзамены в университет мечты. Ну а если она провалится, то со спокойной душой пойдет учиться туда, куда ее уже приняли.

«Настал решающий момент. От того, как ты сдашь экзамены, зависит твое будущее», — повторяли ей учителя. «Легко вам говорить, — в уме спорила с ними девушка, — платить-то не вам, а моей семье».

Чтобы воспользоваться запасным вариантом (при условии, что она сдаст экзамены в соответствующий колледж) и сохранить за Эцуко право на обучение, ее родителям придется разориться на вступительный взнос. Четырехлетняя про-

грамма могла обойтись почти в миллион иен, и если в итоге Эцуко (что маловероятно) поступит в университет мечты, эти деньги им никто не вернет.

Эцуко — старшая в семье, у нее подрастают двое младших братьев. Семья не сможет выделить такую кучу денег на вступительные экзамены Эцуко. То, что ее оценки не дотягивали до нужного уровня для поступления в престижный вуз, ложилось на домашний бюджет дополнительным бременем.

Однако учителя продолжали уговаривать ее не упускать свой шанс.

«Это нереально. Наша семья не настолько богата, чтобы испытывать судьбу подобным образом. Об обучении братьев тоже нельзя забывать, — рассуждала Эцуко. — Как же они меня достали со своими увещеваниями! Но даже если я брошу эти курсы и перейду на другие, проблема с основной школой никуда не денется».

Эцуко советовалась с родителями, изучала расписание экзаменов, составляла графики сроков перечисления вступительного взноса и по сто раз озвучивала педагогам свои приоритеты, но классный руководитель продолжал на нее давить:

— Ты только вообрази: у тебя есть шанс туда по-

ступить! Это будет грандиозной удачей! Рискни!

«Закрой рот! — едва не шикнула на него Эцуко. — Надоел со своими „рискни“ и „грандиозная удача“. Ты ведь в курсе, что мы не богатеи, так неужели всерьез думаешь, будто поставить на карту деньги моих родителей — блестящая идея? Да, не стану спорить, мне хотелось бы быть достаточно умной, чтобы поступить в тот университет. Я с детства мечтала там учиться. Если бы я чувствовала, что объективно способна выдержать экзамены, возможно, не пожалела бы родительских накоплений, но… Но сколько бы я ни разбивалась в лепешку, готовясь к экзаменам сутки напролет, попасть туда мне не светит».

У нее язык не поворачивался предложить родителям эту авантюру. Даже если она поступит, взнос за резервный вариант будет все равно что выброшен на ветер. Так что при любом раскладе ей нечего было и пытаться поступать в желанный университет. Да и признание того, что у семьи есть финансовые трудности, также делало ее взрослой не только в своих, но и в родительских глазах.

Эцуко была бы счастлива, если бы учитель припечатал: «Этот университет не для тебя». Такой вердикт представлялся ей куда более ми-

лосердным.

«Что мне проку от вашей „грандиозной удачи“? Так и скажите, что хотите любыми способами повысить свой рейтинг — мол, мы чудо-школа, выпускаем одних вундеркиндов, перед которыми распахивают двери лучшие учебные заведения страны!»

От одного взгляда на разочарованного классного руководителя Эцуко делалось худо, и она старалась лишний раз не попадаться ему на глаза, что само по себе создавало новые сложности.

— Ты не оправдала моих надежд, — заявил он, анализируя оценки Эцуко незадолго до Рождества.

В канун праздника эти слова прозвучали как никогда обидно. «Вот спасибо за подарочек, добрый Санта», — с болью думала Эцуко.

— В последнее время ты сама не своя.

Пусть недоучка, с которым встречалась Эцуко, знал чтение отнюдь не всех иероглифов, зато он был славным.

Сочельник выпал на будний день, и потому они отмечали Рождество на несколько дней позже, в выходные. Когда парень заехал за Эцуко и увидел ее посеревшее лицо, то решил, что она переутомилась в процессе подготовки к экзаменам.

— Ты вот-вот закончишь школу, тебе сейчас несладко. Очень хорошо тебя понимаю.

«А вот и нет», — мысленно возразила Эцуко. Причина, по которой она пребывала в расстроенных чувствах, заключалась совсем в другом: Эцуко вывели из равновесия слова учителя о том, что она не оправдала его надежд.

— Если нет сил праздновать, давай развернемся и я отвезу тебя обратно, пока мы еще не очень далеко укатили.

Она молчала, не зная, что ответить.

— Когда захочешь домой, просто скажи. А пока… — Остановив машину на красный свет, парень Эцуко вытащил из нагрудного кармана куртки белый бумажный пакетик. — Я помню, мы хотели вместе выбрать рождественские подарки друг для друга, и все же мне не терпится преподнести тебе один маленький презент заранее. Купил его во время командировки в Фукуоку.

Надпись красным шрифтом на пакетике гласила: «Святилище Дадзайфу Тэммангу». Внутри лежал розовый амулет с надписью: «Успех на экзаменах».

— Поскольку тебе вот-вот проходить тестирование, я подумал, что талисман на удачу не помешает. Я побывал в этом храме, помолился за

тебя. Даже поднимался на веранду, как там ее…

— Хайдэн. Это не веранда, а зал для богослужений, — мягко поправила его Эцуко. — То есть… ты веришь, что я сдам и поступлю?

— Конечно, о чем разговор? Я поддержу любой твой выбор. Как можно задавать такие вопросы?

Загорелся зеленый, и парень Эцуко вновь сосредоточился на вождении.

Он купил ей розовый амулет по той простой причине, что она девушка. Наверняка там были другие расцветки, а он выбрал именно эту, и теперь розовый амулет поблескивал у Эцуко перед глазами.

— Ну ты уже решила, чем хочешь заняться? Или едем назад?

— С чего это ты так настойчиво отсылаешь меня домой? Хочешь поскорее остаться один?

— Вовсе нет! У тебя сейчас горячая пора, подготовка отнимает уйму сил. Я боюсь, что ты в данный момент не в настроении таскаться по городу.

— В любой деятельности важны перерывы. Отвези меня в какое-нибудь место с живописным видом.

— А как же выбор подарков? Мы ведь собирались сгонять до Кобе.

— Сегодня там слишком людно, давай-ка в другой раз. Лучше побудем вдвоем, только ты и я. Что скажешь?

Парень Эцуко покраснел и, повернув руль, ответил:

— Иногда ты говоришь что-нибудь такое, и у меня на душе сразу теплеет. Может, прокатимся до горы Рокко?

Эцуко лишь недавно научилась целоваться как взрослая.

Раньше она всякий раз трусила и отстранялась, но ее парень никогда не настаивал на своем. Она отмалчивалась, не в силах объяснить, до чего ее пугает то, что ей с ним так хорошо. К счастью, невербального сигнала было достаточно, чтобы он вовремя останавливался.

Сколько бы они ни ездили по этой горной дороге, она всегда открывалась Эцуко с новой стороны. Сегодня они припарковали автомобиль в одном из своих излюбленных местечек. Виды здесь, куда ни глянь, были фантастические.

Обычно, заслышав рокот мотора приближающейся машины, Эцуко начинала нервничать, ее спина деревенела, а на лице застывал страх. Сегодня, к удивлению ее парня, все обстояло иначе.

— Чудеса в решете, — прошептал он, потер-

шись щекой о лоб Эцуко, — мимо нас проехала машина, а ты будто не заметила.

— Поцелуй меня еще, — только и ответила она и прильнула губами к его губам, словно заполняя возникшую паузу. По тому, как жарко и долго он ее целовал, Эцуко вдруг поняла, как сильно ему приходится сдерживаться.

— Прости, мне нужно отвлечься, — неожиданно произнес он, беря ее за плечи и мягко отодвигая от себя.

Эцуко помотала головой, тоже возвращаясь в реальность.

— Почему?

Он со вздохом отвернулся.

— Если мы продолжим в том же духе, я не смогу остановиться. — Он посмотрел на нее со смущенной улыбкой и тревогой в глазах.

— А ты не останавливайся, — протяжно ответила Эцуко, наслаждаясь ощущением заботы и любви.

Ее парень перестал улыбаться.

Глядя прямо перед собой, Эцуко добавила:

— Давай заедем куда-нибудь на обратном пути. Я готова.

— Но ты…

— Я хочу.

Не говоря больше ни слова, парень Эцуко завел машину, развернулся и поехал на максимально разрешенной скорости.

Ни название, ни адрес отеля для свиданий, куда парень привез Эцуко, не отложились у нее в памяти.

— Я в душ, — сказала она с порога.

Войдя в кабинку, Эцуко принялась успокаивать себя: «Ничего страшного. Не из-за чего переживать. Многие девчонки из моего класса уже прошли через это, но мы с подружками, видимо, более „поздние цветы“. Я хочу отдаться ему. Я знаю, что он будет со мной нежен».

Через несколько минут Эцуко вышла из ванной, закутанная в полотенце.

— Что ты делаешь? — осведомился ее парень.

— Э-э, я… — И тут Эцуко увидела, что он сидит на кровати спиной к ванной, приняв позу обезьяны «Не вижу зла» из святилища Никко Тосё-гу.

— У меня к тебе просьба.

— Какая?

— Оденься, пожалуйста.

— Что-о? — Эцуко пришла в смятение. — Мы в отеле для свиданий, наедине в номере! И ты просишь меня одеться? Неужели я тебя не привлекаю?!

— Ты и представить не можешь, насколько привлекаешь! — уныло откликнулся он. — Просто… Ты сегодня ведешь себя неестественно. Не исключено, что твое безрассудство вызвано переутомлением. Обрати внимание, ты делаешь все как на автомате. Только и знаешь, что талдычишь: «я готова», «я хочу». Да, я мужчина, и меня радует твое неравнодушие, но когда девушка, которую я люблю, бросается на меня словно от отчаяния, это, сказать по правде, скорее отталкивает.

Эцуко была тронута. Он понимает, что у нее на душе сумятица. Он чувствует, что она не в себе, и не желает, чтобы потом она обвиняла его, будто он воспользовался ситуацией.

— Прости… — Голос Эцуко дрожал. Она уселась на кровать и всхлипнула. — Я лишь хотела отблагодарить тебя. Ты уехал в Фукуоку по делам, но не забывал о моих экзаменах и купил мне талисман в Дадзайфу. Это так приятно! А еще я только сегодня впервые осознала, насколько сильно ты сдерживаешься, когда мы целуемся. Ты никогда не переходишь черту. Вот я и подумала…

— Фу-ух… — Она услышала, что ее парень чешет в затылке. — Эцуко, ты как ребенок. Сначала повышаешь на меня голос, потом рыдаешь. Я

сдаюсь.

«В каком смысле?» — хотела спросить она, но вместо этого лишь громко шмыгнула носом.

— Эцуко, ты сейчас голая?

— На мне банное полотенце.

— Так, выслушай меня. Я уже на пределе. Если ты продолжишь в том же духе, я за себя не отвечаю. — Он повернулся к ней и раскрыл объятия: — Иди сюда!

Эцуко тотчас подлетела к нему.

— Да что это такое, в самом деле, — пробормотал он.

«Прости», — беззвучно извинилась Эцуко и, прижавшись к своему парню, сумела выговорить это же слово вслух.

— Расскажи, что у тебя стряслось, — попросил он, гладя ее по мокрым волосам.

Эцуко выдохнула и, крепко обняв его, принялась выплескивать все то, что держала в себе, не в силах поделиться секретом с подругами или родителями.

— Если он изначально не верил в меня, зачем подначивал подавать документы туда, куда мне с моими мозгами не поступить? Я ведь сколько раз повторяла ему, что это слишком высокий уровень и что я хочу попасть в такой колледж, в

который меня точно возьмут, потому что не могу позволить себе завалить вступительные экзамены. Мне лучше знать, каковы мои умственные и финансовые возможности.

— Все будет отлично, солнышко. Ты с характером, сильная, надежная. Думаешь и о братьях, и о том, какое бремя ложится на плечи родителей, и о своем будущем. Любой твой выбор окажется правильным. А учитель, должно быть, совершенно не разбирается в людях, раз не видит, какая ты хорошая.

— Ты действительно считаешь, что я хорошая?

— Даже не сомневайся. А если оденешься поскорее, будешь просто лучше всех на свете. Пойми, мне сейчас, э-э… нелегко находиться рядом с тобой.

— Ага, — ответила Эцуко, после чего подхватила одежду и убежала в ванную.

Затем они улеглись на просторную кровать и болтали, пока время аренды не подошло к концу. Эцуко взяла со своего парня обещание, что они вместе куда-нибудь съездят, когда вопрос с ее поступлением решится и все нормализуется. Пусть недалеко, главное, чтобы это был стильный отель, который станет идеальным местом для их первой ночи.

— Уф, наконец-то ты пришла в себя, — рассмеялся ее парень, а затем добавил со вздохом: — Эх, Эцуко, как только ты поступишь в колледж, ты в два счета меня бросишь. На кой тебе сдался безмозглый дурак, который не может прочесть надпись на этикетке?

— Не волнуйся, — сказала Эцуко, прижимаясь к нему. — Я, как выяснилось, люблю безмозглых дураков.

— Повезло мне, что я ничего не понял, — хмыкнул он, обнимая Эцуко.

Поезд приехал в Котоэн.

Когда Эцуко выскочила на платформу, в вагон вошли юноша и девушка, по виду студенты. Юноша высокий, одет на панковский манер, а девушка симпатичная, в неброском наряде. На ее шее Эцуко заметила ожерелье со стеклянной подвеской в розово-зеленых тонах.

Вероятно, молодые люди учились в том самом университете, куда мечтала поступить Эцуко. Они выглядели счастливой влюбленной парой.

«Повезло ребятам — и в универ поступили, и друг друга нашли, — промелькнуло в уме Эцуко. — Но я им не завидую. Потому что мой парень добр ко мне, бережет меня и высоко ценит, пускай и глуповат немножко».

Эцуко направилась в сторону школы, где ее уже дожидались подруги.

Нигава

— Смотри туда!

Едва поезд отъехал от станции Котоэн, Михо-тян — девушка, которую все, кроме ее парня Кэйити, называли Гон-тян, — возбужденно указала на откос с уклоном примерно сорок пять градусов, уходивший вверх по обеим сторонам железнодорожных путей.

— Видишь увядший папоротник? Летом там были густые заросли, непролазные!

Приглядевшись, Кэйити увидел, что на склоне и впрямь лежат клубки засохшего за зиму папоротника. Поскольку и Михо, и Кэйити выросли в сельской местности, в таких вопросах оба знали толк.

— Да, это определенно папоротник-орляк. И что?

— Скоро весна.

— И?..

— Склоны покроются молодой порослью. Но место такое неудобное, что никто на них не полезет.

Кэйити сообразил, к чему она клонит, но сделал вид, будто не понял.

— И?..

— И я подумала, что могу пойти туда и нарвать побегов орляка.

Он потемнел и сурово изрек, не сводя с Михо свирепого взгляда:

— Даже не заикайся об этом.

— Почему? Если их не собрать, они завянут и сгниют.

— Даже. Не. Заикайся, — повторил Кэйити с расстановкой. — И вообще, как ты намерена туда попасть? К склонам ведь не подобраться ни с какой стороны!

— Мы где-нибудь закрепим страховочный трос, и я спущусь по нему.

— Где мы его закрепим? Опомнись! Тут же все огорожено.

— Наверное, если приехать рано утром, я смогу незаметно протиснуться сквозь ограждение. Я ничего плохого делать не буду — нарву папоротника, а потом сразу обратно.

— Выбрось эту дурь из головы.

— На днях я разговаривала с одним из рабочих, которые заняты вон на той стройплощадке. По его словам, папоротник ни ему, ни его приятелям не нужен… Он рассмеялся и сказал: «Если сможешь туда залезть — вперед!»

«О-ох…» — мысленно простонал Кэйити. Михо такая приветливая и улыбчивая, и люди постарше всегда испытывают к ней расположение.

— Да он же над тобой прикалывался, потому что понимал: туда тебе ни в жизнь не залезть.

— Это мне-то? Если кто забыл, я выросла в деревне!

— Какая разница? А если ты упадешь? Заработаешь перелом или еще что похуже.

— С чего вдруг я упаду? Буду хвататься за ветви и стволы деревьев, да и уклон там небольшой…

— Небольшой? Почти сорок пять градусов — это небольшой уклон?!

— Значит, проберусь со стороны путей, там легче. Прошмыгну через ограждение незадолго до первого поезда — и дело в шляпе.

— Полный бред, — бросил Кэйити.

Михо надулась.

«О-ох…» — снова подумал Кэйити, в который раз поражаясь, до чего очаровательной она становится, когда корчит эту рожицу. Стоило ему увидеть такую на ее лице, и он забывал обо всем. И тем не менее, как бы ни была ему мила Михо — или же, напротив, именно потому, что она была ему так мила, — он чувствовал, что обязан ее отговорить.

— Почему ты зациклилась на этом папоротнике? Нам ли с тобой не знать, что на вкус он ничего особенного.

— Потому что добыча близко.

— Вот поедешь домой на весенние каникулы — и рви папоротник сколько влезет.

Михо опустила глаза и схватила Кэйити за рукав.

— Если я поеду домой на весенние каникулы, то не смогу провести их с тобой.

«Ми-ихо-о…» — Душа Кэйити запела от счастья. Он инстинктивно отвел взгляд. По странному совпадению вчера вечером Кэйити как раз созванивался с родителями, и те поинтересовались, собирается ли он провести каникулы дома. Он сказал, что нет — дескать, на новогодних праздниках же был, — а сам загадал желание, чтобы и Михо никуда не уезжала.

Поскольку Кэйити и Михо начали с признания своей абсолютной неопытности во всем, что касается флирта и романов, их отношения развивались непринужденно. Им не приходилось делать вид, будто понимают, что к чему, и они понемногу узнавали друг друга. Никто ничего не стремился доказать, и потому им было легко и приятно вместе.

Даже на первом свидании, когда они ели такояки на фудкорте при супермаркете в Нисиномия-Китагути, они так дурачились и смеялись, что окружающие наверняка приняли их за подвыпивших или чокнутых.

При всем том впервые Михо побывала в гостях у Кэйити лишь спустя несколько месяцев после знакомства. Он и раньше приглашал ее, но она вежливо отказывалась, вероятно подозревая некий скрытый мотив, а потом у самой не хватало смелости сказать, что она не против его навестить.

Преодолеть эту преграду им помогла простуда Кэйити.

Он отправил Михо сообщение с просьбой прийти, и девушка вскоре явилась по указанному адресу.

— Кэйити-кун, ты говорил, что сам готовишь, и я рассудила, что у тебя есть в чем варить, — начала она с порога.

Михо принесла рис для окаю[8] и банку персиков. Двухкилограммовый пакет крупы был как раз кстати — собственные запасы Кэйити исчерпались накануне. Впрочем, когда он увидел, как

[8] Примечания: 8

Окаю — японский рецепт рисовой каши на воде, в которой рис разварен до мягкости, но форму не теряет.

Михо достает из сумки книгу «Простые рецепты лечебного питания», обрез которой пестрел десятками стикеров, его радость померкла.

Он донес покупки на кухню, лег обратно в постель и, глядя, как посерьезневшая Михо выбирает кастрюлю, с опаской произнес:

— Э-э, Михо-тян, у моей рисоварки есть программа «Окаю», так что, если хочешь…

К счастью, она правильно поняла намек и тотчас повернулась к нему со словами:

— Вот и хорошо! Я подумала, что разогреть готовую кашу из пакетика было бы неприлично, и попросила тетю научить меня варке окаю, но, увы, результат вышел ниже среднего. Надеюсь, в другой раз получится лучше, и ты тоже надейся — это в твоих интересах!

Кэйити закашлялся от смеха. Стряпню, приготовленную с такой самоотдачей, грех будет не попробовать. И как замечательно, что сегодня ему не придется есть нечто условно съедобное. Кэйити с удивлением отметил, что даже сейчас, когда у него заложен нос, а голова раскалывается от высокой температуры, он не может не любоваться Михо, чья улыбка заставляет его сердце трепетать. К тому же ему была приятна ее искренняя забота.

Выполнив все по инструкции, Михо сварила в рисоварке идеальную кашу и принесла Кэйити полную миску.

— Покормишь меня с ложечки? — тоном капризного мальчика попросил Кэйити.

Лицо Михо сделалось ярко-красным, однако она покорно принялась зачерпывать кашу чайной ложкой и подносить ее ко рту Кэйити. Так же она кормила его и консервированными персиками, которые предварительно разделила вилкой на небольшие кусочки.

— Было очень вкусно, спасибо.

— Скажи спасибо своей подруге. — Михо с застенчивой улыбкой кивнула в сторону рисоварки. — В следующий раз, когда случится что-то подобное, рис приготовлю я. Сделаю все сама — от начала до конца. Ну, по крайней мере, очень постараюсь.

От того, как тон ее монолога сменился с убежденного на неуверенный, Кэйити несказанно развеселился. Увы, беспечный смех опять быстро перешел в тяжелый грудной кашель.

— Ложись скорее. — Михо помогла Кэйити улечься в постель и спросила, достаточно ли у него лекарств.

— Осталось еще немного из того, что я недавно

покупал. — Произнося эти слова, он вдруг осознал, насколько Михо приблизилась своей щекой к его, когда поправляла одеяло.

«Э-э… У нас что, намечается первый поцелуй?»

— Михо тян, если моя болезнь заразная, ты тоже можешь ее подхватить, — предостерег Кэйити.

— Я не боюсь, — спокойно отозвалась та. — Экзамены в этом семестре закончились, до праздников мне никуда ехать не нужно. Так что, если заболею, тетя обо мне позаботится. И потом у меня крепкий иммунитет… — Умолкнув, Михо робко прикоснулась мягкими губами к губам Кэйити, сухим и шершавым из-за простуды.

На Рождество их отношения перешли на новый уровень.

Будучи студентами, Кэйити и Михо не могли позволить себе сорить деньгами и потому решили устроить небольшой пир с тортиком. Да, они назвали эту трапезу пиром, однако Михо по-прежнему толком не умела готовить, а репертуар Кэйити ограничивался самыми невзыскательными блюдами. Выбор меню был невелик: либо тэмаки-суши, либо суп набэ. Одобрили второй вариант, который лучше подходил для холодного времени года.

Подарки друг другу они уже купили: это были

парные часы «Свотч» из универмага «Лофт» в Умэде. Кэйити заплатил за часы для Михо, а Михо — для Кэйити. Поскольку для них подобное было в новинку, оба страшно смущались, когда вошли в отдел, где продавались парные комплекты украшений и аксессуаров.

В сочельник Кэйити и Михо чувствовали себя прекрасно, ни у одного не было насморка или лихорадки, и оба предполагали, что на прощание просто поцелуются.

Когда настал момент обмена подарками, Кэйити вручил Михо два пакетика.

— Погоди, почему два?

— Мужские часы дороже. Ты потратила больше, так что это, считай, компенсация.

— Ну зачем?! Я ведь живу с тетей, расходы у меня меньше, чем у тебя, мне легче отложить какую-то сумму…

— Иными словами, я беден и тебе меня жалко? Нет, не говори так, не могу этого слышать. — Сам не замечая, Кэйити перешел на диалект, к которому привык с детства. — Разверни, пожалуйста.

Поскольку они встречались больше полугода, Кэйити успел узнать вкусы Михо и был уверен, что подарок ей понравится.

Открыв плоскую коробочку, Михо обнаружила

изящное ожерелье с выдувной стеклянной подвеской в бледно-розовых и зеленых тонах.

В предрождественские недели Кэйити провел на подработке чуть больше времени, чем обычно, и покупка была ему вполне по карману. Кэйити не раз видел на Михо подобные скромные украшения и без колебаний выбрал ожерелье, тем более что продавщица в магазине заверила его, что это уникальная вещь по разумной цене.

— Материал — обыкновенное стекло, но, поскольку это украшение ручной работы, цвет и форма его неповторимы. Можно сказать, твое ожерелье — единственное в своем роде, — немного извиняющимся тоном произнес Кэйити.

Михо тотчас надела ожерелье и воскликнула:

— Обожаю бусы из стекла! Спасибо!

Только теперь он вспомнил, что префектура Кюсю, откуда родом Михо, славится стекольным делом.

— Ой, совсем забыла! — спохватилась Михо, хлопнув в ладоши. — У меня ведь тоже есть второй подарок! Подруги сегодня вручили… — Покопавшись в сумке, она вытащила прямоугольный сверточек и пояснила: — Скорее всего, там конфеты. Сейчас заварим чаю и съедим их на десерт вместе с нашим тортом!

Она уже наполовину развернула нарядную рождественскую упаковку и вдруг застыла.

— Михо-тян, это не конфеты.

Да, коробка с нарисованными на ней уморительными персонажами смотрелась вполне невинно, тем не менее содержимое явно предназначалось для взрослых: Михо была не настолько наивна, чтобы не понять этого.

Она покраснела до самых кончиков пальцев рук, которые все еще держали наполовину распакованный подарок.

— О нет. Зря я…

До этой минуты Михо явно не догадывалась, что лежит внутри. Кэйити рассмеялся от души, глядя на ее растерянное лицо.

— О-ох! Ну, девочки, удружили! С какой стати они подарили мне это?!

— Полагаю, они надеялись, что ты развернешь бумагу при них. Хотели увидеть, как ты отреагируешь! — «Однако вся потеха досталась мне!» — мысленно добавил Кэйити.

— О чем они только думали?! Я не могу принести такое в дом своей тети!

Михо практически услышала насмешливые голоса подруг, которые хором возражают: «Туда-то зачем? Оставь наш подарок у своего парня!»

— Без проблем, пусть хранится у меня. Тетя ведь время от времени заходит к тебе в комнату, верно? Ну, там, уборку делает или еще что-то.

Кэйити понимал: Михо сгорит от стыда, если тетя найдет у нее эту коробку.

— Но ведь здесь бывают твои приятели, разве нет?

— Парни не находят в этом ничего зазорного… Если у тебя есть девушка, совершенно нормально иметь дома такие вещи. Упаковка, правда, не самая удачная — слишком привлекает внимание, но это не критично.

Глаза Михо расширились, и до Кэйити дошло, что он проговорился.

— То есть… — Михо подняла руку и тихо спросила: — у тебя это… тоже есть?

Он помялся, но юлить не стал:

— Э-э… Есть, просто на всякий случай. Не то чтобы у меня не было желания использовать подобную продукцию.

— С кем именно? Со мной?

— Не беси меня!

Михо сообразила, что ее уточняющий вопрос обидел Кэйити. Извинившись, она посмотрела на него снизу вверх. Подобный взгляд — самое сокрушительное оружие в арсенале любой девушки,

если применить его против нужного человека. Кэйити был как раз таким.

— Рождество уже наступило… Может, вытащим из этой кричащей упаковки то, что там лежит, и попробуем в деле? — Совершив выстрел, после которого нет пути назад, Михо сняла ожерелье и пояснила: — Не хочу, чтобы оно порвалось.

В том, что должно было произойти дальше, ни Михо, ни Кэйити не имели никакого опыта.

Он боялся причинить ей боль или сделать что-то против ее воли. Михо зажималась и морщила лицо, хотя вслух заверяла Кэйити, что все отлично.

— Прости, я не понимаю, что делаю. Ты не против, если я включу свет?

— Только не это! Попробуем еще раз, я уверена, у нас все получится.

Шаг за шагом, ориентируясь на то, какие ощущения причиняют наименьший дискомфорт, они наконец сумели достичь желаемого. Когда это произошло, время уже перевалило далеко за полночь, и Кэйити отказывался вспоминать, сколько предметов из той коробки они потратили зря.

То ли от изнеможения, то ли от облегчения, что все это осталось позади, Михо уснула. Глядя

на ее расслабленное лицо, Кэйити мягко потряс девушку за плечо и шепнул:

— Михо-тян, тебе разве не нужно домой?

Ее ответ огорошил Кэйити.

— Нет. Я сказала тете, что пойду с подружками в караоке на всю ночь. — Михо сонно открыла глаза. — Я не знала, случится ли это сегодня, но мне хотелось провести ночь с тобой, даже если бы мы просто легли спать. Сам понимаешь, ночевать вне дома я могу только по какому-то особенному поводу.

«Просто легли спать? — ухмыльнулся Кэйити. — Вряд ли это нам удалось бы… Интересно, не выдумала ли она историю про подарок от подруг? Как бы то ни было, я рад, что мы преодолели барьер». Вскоре он тоже лег спать, пристроившись рядом с Михо. После напряженной первой ночи вместе им предстояло впервые проснуться в одной постели.

Похоже, Михо обратилась к подругам за советом, что надо делать, чтобы было не так больно. В результате девчонки какое-то время подкалывали Кэйити, которому подобное внимание было крайне неприятно.

«Михо-тян, конечно, умница, всегда старается отыскать лучший способ решения проблемы,

но я бы предпочел, чтобы в данном случае она отдавала себе отчет, насколько неловко я себя чувствую...» — сетовал Кэйити. Впрочем, судя по всему, рекомендации более взрослых подруг пошли Михо на пользу, потому что вскоре Кэйити уже не приходилось видеть на ее лице страдальческое выражение.

По-видимому, бесхитростный подход Михо все-таки был не лишен здравого смысла.

— Ладно, — кивнул Кэйити.

— Ты серьезно? — Михо не поверила своим ушам.

— Но склон слишком крутой, туда мы не полезем. — Про себя он добавил: «Даже если ты опять выяснишь лучший способ, на сей раз мы поступим, как я скажу. Всему есть предел». Видя, что Михо сникла, Кэйити продолжил: — Вместо этого предлагаю чаще устраивать походы. Сейчас весна, можно собирать все что угодно — да хоть тот же папоротник. Что скажешь? Зайдем в горы подальше — там этих съедобных трав навалом. Мы с тобой, как-никак, выросли в деревне, разберемся.

— Ура! — воскликнула Михо и по-детски захлопала в ладоши.

«Разве современные студентки так себя ведут?»

— недоуменно подумал Кэйити в очередной раз и в очередной раз поймал себя на мысли, что именно эта непосредственность делает Михо уникальной.

— Если выйдем в Нигаве, оттуда прошагаем по туристическому маршруту от Кокабуямы до Яномы, это займет около двух часов. Можем поехать туда сегодня и проверить. Пока будем идти по высохшему руслу реки, есть шанс отыскать чесночный лук или камнеломку.

— Да, поехали! — взволнованно закивала Михо. — Но, по-моему, камнеломку в пищу не употребляют — из нее делают отвар и используют как лекарство…

— В энциклопедии полезных дикоросов говорится, что из листьев камнеломки получается вкусмая темпура. И вообще, вдоль линии Ханкю, оказывается, столько туристических троп!

Михо уставилась на Кэйити немигающим взглядом.

— Ты чего?

— Хочешь сказать, ты изучил этот вопрос?

Кэйити что-то промычал в ответ, не желая признаваться, что, хотя при их первом разговоре, когда Михо упомянула заросли папоротника вблизи путей между Котоэн и Нигава, он отверг

ее предложение, позднее ему в голову пришел другой план. Кэйити не мог допустить, чтобы Михо в одиночку карабкалась вверх по опасному склону или спускалась с него, но и сопровождать ее в этой авантюре тоже не хотел. Он подозревал, что ее стремление набрать папоротника продиктовано ностальгией по семейным традициям, ведь Михо не планировала уезжать домой на весенние каникулы, а надеялась провести побольше времени с ним.

— Ну, мне тоже не помешает развлечься и побродить по горам, вот и все.

Михо прильнула к Кэйити, и он обнял ее, невольно вспомнив о том, как красиво ее обнаженное тело.

— Спасибо. Я рада, что ты меня понимаешь.

Кэйити уточнил:

— Ну, уговор? Про тот крутой склон забыли раз и навсегда? — Он протянул мизинец, дождался, когда она обхватит его своим в знак обещания, и немедленно сменил тему: — Кстати, ты выяснила что-нибудь насчет ворот тории на крыше здания? На первом свидании ты сказала, что наберешься смелости и разузнаешь, кто и для чего их там установил. Так и не сходила?

— Знаешь, я решила не ходить. Ответ меня уже

не интересует.

— Почему?

Михо рассмеялась:

— Потому что та история — память о нашем знакомстве. Каждый раз, когда я вспоминаю тот день, у меня душа замирает, и потому я хочу, чтобы загадка оставалась неразгаданной как можно дольше.

Кэйити поджал губы и, пристально взглянув на Михо, легонько постучал ей по лбу пальцем.

— Ай! За что?!

Кэйити отвел глаза от возмущенной Михо, прикрывшей лоб ладонью. «Ты мимоходом обронила фразу, от которой мне ужасно захотелось тебя поцеловать. Но вокруг люди, так что…»

Поезд прибыл в Нигаву, и они сошли. Одной рукой Михо держала Кэйити за руку, другой потирала нахмуренный лоб.

Обаяси

«Обаяси — чудесная станция».

Прошло примерно полгода с тех пор, как Сёко переехала в Обаяси, где по совету случайной попутчицы вышла прогуляться, когда возвращалась со свадьбы своего несостоявшегося жениха и коллеги-разлучницы.

К счастью, Сёко работала в весьма известной компании, так что найти новое место не составило особого труда. Офис предыдущей фирмы располагался в центре Осаки, на проспекте Мидосудзи. Чтобы не бередить раны, Сёко поискала вакансию в Кобе и успешно устроилась в отдел продаж тамошнего дизайнерского бюро вблизи станции Санномия.

Бывшие коллеги твердили, что уйти должна не Сёко, однако она отвергала их доводы, поясняя, что оставаться на прежнем месте работы ей было бы мучительно тяжело. Руководство с неохотой приняло ее заявление об увольнении по собственному желанию, и Сёко, нисколько не заботясь о том, как сложится дальнейшая судьба Н. и Т., с улыбкой победительницы покинула офис.

Уход Сёко из компании означал, что молодо-

жены добились того, чего хотели, и им больше не придется видеть ее, а также то, что даже те сотрудники, которые сейчас на стороне Сёко, вскоре забудут о случившемся, ведь, как гласит пословица, любые слухи утихают через семьдесят пять дней.

В Обаяси Сёко нравилась не только атмосфера. Она быстро обнаружила, что это очень удобный для жизни городок. Поскольку он находился посередине пути между Умэдой и Санномией, добраться до Осаки или Кобе можно было за каких-то полчаса.

Супермаркеты и магазины шаговой доступности здесь имелись в достатке, а цены на аренду радовали кошелек: когда Сёко назвала агенту по недвижимости сумму, которую готова тратить на съем жилья, ей выдали энное количество вариантов.

В конце концов она нашла очаровательную однокомнатную квартирку всего в пяти минутах ходьбы от вокзала, и стоимость аренды оказалась ниже суммы, названной Сёко. Это ли не чудо?

Новая работа приносила Сёко немало удовольствия. Вернее сказать, вдруг выяснилось, что занятость в продажах ей по нраву. График диктовал определенные условия, так что иногда

выходные выпадали на будние дни, но, поскольку Сёко ни с кем не встречалась, а ее подруги часто бывали заняты на неделе, она со спокойной душой посвящала свободные дни себе любимой.

Сегодня была суббота, и Сёко провела на работе всего полдня, а поскольку планы на вечер у нее отсутствовали, она поехала домой. «Эх, зря я так поспешила, лучше бы прошвырнулась по магазинам. Сейчас не очутилась бы в одном вагоне с этими крикухами», — ругала себя Сёко.

Случай в электричке был, спору нет, вопиющим. Не успела Сёко подойти к свободному сиденью, одна из расфуфыренных дам метнула на него сумочку. Поведение незнакомки не столько рассердило, сколько огорошило Сёко. Студентка, рядом с которой она собиралась сесть, по-видимому, испытывала аналогичные чувства. Обе были ошеломлены.

Сёко поняла, что девушка уже готова на весь вагон возмутиться поступком нарядной хамки, и решила предотвратить ссору, ибо по опыту знала, что с особами вроде этой мадам лучше не связываться. Таких людей хлебом не корми — дай с кем-нибудь поругаться и убедить всех вокруг, что они единственные знают, как надо себя вести. За секунду прокрутив в голове вероятный сценарий

скандала, Сёко знаком попросила девушку промолчать и шепнула: «Такая дорогая сумка — и такое недостойное применение. Фу-у…» Кажется, студентка уловила ее посыл и не стала комментировать случившееся, а Сёко просто перешла в следующий вагон и остановилась возле двери, которая на станции Обаяси открывалась прямо перед лестницей. Сёко переживала, что девушка все-таки устроит дамам выволочку после ее ухода, но эти тревоги выветрились из ее памяти, едва только вид за окном начал сменяться с городского на сельский. Отрезок маршрута от Котоэна и далее Сёко обожала за возможность полюбоваться идиллическими пейзажами и отдохнуть душой.

— Видишь увядший папоротник? Летом там были густые заросли, непролазные!

— Да, это определенно папоротник-орляк. И что?

Мини-диалог, подслушанный Сёко, разыгрывался между парнем и девушкой, которые сели в поезд на станции Котоэн. Судя по внешности и манере говорить, оба родом не из региона Кансай. Сёко покосилась в ту же сторону, что и они, и разглядела на склоне засохшие клубки высокой коричневой травы, предположительно когда-то очень пышной.

«Ага, значит, это и есть орляк!» — Выросшая в городе, Сёко встречала папоротник лишь в виде закуски в составе сета кайсэки или чего-то подобного. Даже заказывая лапшу соба с горными овощами, она не могла отличить в тарелке, что из этого орляк, а что королевский папоротник, и безуспешно гадала, что за трубочки лежат рядом с другими кусочками — побеги бамбука или ростки неведомо чего.

А вот ее попутчики с легкостью узнали в жухлой траве орляк, хотя сейчас был вовсе не сезон и приготовленный папоротник на тарелке имеет совсем другой вид. «Ну и ну», — только и оставалось восхититься Сёко, украдкой поглядывавшей на эту парочку.

Девушка добавила, что хочет набрать папоротника весной. Парень принялся ее отговаривать, доказывая, что на такой склон никак не взобраться. Слушая этот трогательный диалог и завидуя молодости собеседников, Сёко ощущала одновременно горечь и нежность.

Она упустила момент и не сообразила, почему посреди разговора парень щелкнул свою подружку по лбу. Та опешила и расстроилась, не понимая, с чего вдруг он позволил себе подобное. Сёко, впрочем, быстро разобралась, в чем дело,

когда посмотрела на парня: тот отвел глаза, а его щеки залились ярким румянцем. Должно быть, девушка сказала что-то такое, отчего у него потеплело на сердце, но из-за разницы в росте она не видела, что он просто пытается скрыть смущение.

Они вышли на станции Нигава, и электричка продолжила путь в сторону Обаяси. Хотя Сёко никогда не замеряла время, по ее ощущениям, перегон между Нигавой и Обаяси был самым длинным на линии Имадзу. Ландшафт переходил в гористый, что особенно радовало Сёко, прежде обитавшую исключительно в городах, где гор не видно. В целом, хотя линия могла показаться протяженной, на самом деле она была достаточно компактной: на велосипеде от Обаяси до Нигавы можно доехать буквально минут за десять, а до Нисиномия-Китагути, пожалуй, максимум за полчаса.

На подъезде к станции электричку сильно тряхнуло. Вероятно, машинистом был новичок, еще не умевший тормозить плавно. Вырванная из раздумий Сёко схватилась за поручень, чтобы не потерять равновесие.

Как она и ожидала, дверь вагона раскрылась перед лестницей. Выйдя на платформу, Сёко

услышала сверху пронзительные детские голоса. По ступенькам спускались девочки в желтых шапочках и с красными ранцами, по виду ученицы первого или второго класса.

Сперва Сёко решила, что они торопятся на электричку, однако спустя несколько мгновений заметила, как они шмыгнули за лестницу, туда, где располагался лифт, и встали там, хихикая. Несмотря на детскую беззаботность, в их смехе уже проклевывались нотки ехидства и желчности, и Сёко невольно сдвинула брови.

Девочки громко затараторили, не подозревая, что свидетелем их разговора является кто-то из взрослых. Они были очень взбудоражены.

— А.-тян, прячься здесь! Когда придет С.-сан, мы скажем, что не знаем, где ты, и она уйдет!

— Э-э, ну ладно… — растерянно отозвалась одна из девочек — по-видимому, та самая А.-тян, которой предлагали притаиться за лестницей.

Сверху раздались шаги. Сёко подняла голову и увидела спускающуюся девчушку, которая остановилась на середине лестницы как вкопанная. «Судя по рюкзаку и шапочке, это и есть та самая С.-сан…» — поняла Сёко.

Школьница с насупленным видом прошагала мимо Сёко и направилась к одноклассницам.

— Привет, С.-сан! — притворно-ласковым тоном заговорила девочка, которая, скорее всего, была заводилой. — Ты ищешь А.-тян? Похоже, она уехала без тебя! Мы ее тоже искали-искали… Наверное, укатила на предыдущем поезде.

С.-сан не стала приближаться к девичьей стайке. Ни на девочку, которая устроила это представление, ни на остальных она даже не посмотрела. Тем временем А.-тян стояла за лестницей, буквально в нескольких шагах.

Не дождавшись реакции со стороны С.-сан, девочка-лидер возобновила натиск:

— Ты слышала? А.-тян уже уехала домой!

Сёко могла видеть только спину С.-сан и потому не знала, какое выражение застыло сейчас на ее лице.

— Спасибо, что сообщили мне об этом, хоть я не спрашивала.

«Умница!» — Сёко мысленно поаплодировала девочке. Когда та проходила мимо Сёко, ее лицо все еще оставалось напряженным, хотя слез на нем не было. С.-сан отошла подальше от одноклассниц и уселась на скамейку. Девочка держала спину прямо, всем своим видом показывая: «Не дождетесь. Я не повернусь в вашу сторону, даже когда подойдет следующая электричка. И в

вагоне тоже не буду проверять, соврали вы мне насчет А.-тян или нет».

Несмотря на свое малолетство, С.-сан и ее одноклассницы уже вели себя по-женски: кто-то проявлял гордость, кто-то делал подлости, кто-то пребывал в нерешительности.

Глядя на С.-сан, которая изо всех сил старалась сохранить самообладание, Сёко не выдержала и подошла к ней.

— Ты не против, если я сяду рядом?

С.-сан подозрительно посмотрела на незнакомку. Волевые черты лица девочки напомнили Сёко саму себя в далеком детстве.

— Да, пожалуйста, — настороженно произнесла С.-сан.

— Прошу тебя, не тревожься, я не стану тебе докучать.

— Х-хорошо.

— Я лишь хотела выразить тебе свое восхищение. Ты вела себя изумительно.

Лицо С.-сан исказилось, из глаз полились слезы. Сёко вынула из сумки платок и протянула его девочке. Не так давно Сёко где-то читала, что в целях безопасности школьники теперь не носят бейджиков. Если бы Сёко не подслушала разговор одноклассниц С.-сан, ни за что не догадалась бы,

что перед ней та самая девочка, из-за которой разгорелся весь сыр-бор.

— Вот, возьми.

— Мама будет ругать…

— Просто скажи ей, что упала и добрая тетя дала тебе платок. Ты ведь не хочешь, чтобы они видели твои слезы, когда подъедет электричка? Сейчас я тебя загораживаю, спокойно приводи себя в порядок.

С.-сан поджала губы и принялась молча вытирать щеки платочком. «Поразительно гордая юная леди», — подумала Сёко, искоса посмотрев на одноклассниц С.-сан, которые не могли взять в толк, что происходит.

— Для девочек вроде тебя жизнь может оказаться весьма нелегкой. Но это не означает, что ты не встретишь людей, которые будут тебя уважать и любить. Многие по достоинству оценят твое умение держаться. Я, к примеру, уже оценила.

С.-сан ни с того ни с сего осведомилась:

— Вы счастливы?

Вопрос задел Сёко за живое, и она ответила с кривой усмешкой:

— Была уверена, что вот-вот обрету свое счастье, однако наткнулась на непреодолимое препятствие. Затем начала все с чистого ли-

ста. — Про себя Сёко добавила: «Нашла новую работу, переехала, можно сказать, в идеальное для жизни место. Но сперва отомстила тем, кто украл у меня счастье, и нисколько об этом не жалею». — Но я ни о чем не жалею, — произнесла она вслух. — Немного задержалась на старте, но я твердо знаю, что найду свое счастье.

— Значит, и я его найду, не будь я Сёко!

«Ого, у нас одинаковые имена? Вот это совпадение! — изумилась взрослая Сёко. — Интересно, какими иероглифами записывается ее имя?»

Со стороны одного переезда послышался стук колес. Приближался поезд до Нисиномия-Китагути. Он остановился у противоположной платформы, и спустя пол минуты со второго переезда донесся звуковой сигнал, возвещающий о прибытии электрички к платформе, на которой находились две Сёко.

— Ну и замечательно! Береги себя. — С этими словами взрослая Сёко поднялась со скамьи.

Девочка улыбнулась и помахала рукой, затем выпрямила спину и уставилась перед собой, не желая встречаться глазами с обидчицами.

Перед лестницей Сёко остановилась и холодно воззрилась на этих девочек. Внешне они были сущими детьми, однако по сути являлись

женщинами. Сюсюкать и относиться к ним снисходительно точно не стоило. Похоже, школьницы поняли, что красноречивым взглядом Сёко выражает им глубокое презрение, и это в некоторой степени отрезвило их: вместо того чтобы с вызовом посмотреть на нее в ответ, они пристыженно опустили головы.

Даже в этом возрасте девочки уже могли уразуметь, кто им противостоит, и вести себя соответственно, а Сёко была не из тех, кого легко одурачить или запугать. Да что там, она сама могла запугать практически кого угодно. Сёко отлично скрывала свои клыки до поры до времени, но стоило кому-то раздразнить ее, она ощеривалась и не знала пощады.

Однажды незнакомая пожилая дама выразила ей свое беспокойство: «Милочка, такой, как вы, будет сложно обрести счастье».

Вспомнив гордую и бесстрашную тезку, Сёко воспряла духом.

«Я тоже постараюсь найти свое счастье!» — пообещала она, обращаясь к девочке. Сёко мечтала, что ее счастье будет таким, как у молодой пары, сошедшей с поезда на станции Нигава: счастье, испытывая которое не ощущаешь на душе горечи, когда видишь, что другие люди тоже счастливы

в любви.

Она успела подняться примерно до середины лестницы, когда у платформы затормозила следующая электричка, двери открылись, пассажиры вышли и тоже заспешили вверх по ступенькам.

— Постойте!

Расслышав этот возглас сквозь людской гомон и перестук каблуков, Сёко замерла. «Такое чувство, будто обращаются ко мне», — удивилась она и повернула голову.

— Уф! Это и вправду вы! Мы с вами сначала были в одном вагоне, но потом…

Сёко догнала студентка, рядом с которой она хотела сесть на станции Нисиномия-Китагути, однако брендовая сумочка, метко брошенная на сиденье, этому помешала.

— Что вы тут делаете? Вы разве не на предыдущем поезде ехали?

— Я могла бы задать вам те же вопросы. Как здесь и сейчас оказались вы? Надеюсь, вы не стали объяснять той даме, что она поступила по-хамски?

— О нет. — Девушка беспечно махнула рукой. — Я всего лишь… э-э, познала несколько новых жизненных нюансов.

Ее слова прозвучали так потешно, что Сёко

расхохоталась:

— Да вы что?! Хм, а пожалуй, после того как я сошла с поезда, тоже только тем и занималась, что познавала новые жизненные нюансы.

Бок о бок они вышли в коридор к турникетам на западной стороне, и студентка рассмеялась:

— Какое совпадение!

— И не говорите!

Сёко вдруг ощутила воодушевление. Может быть, и на ее землю нынче упало первое семечко счастья?

— Послушайте, если вы никуда не торопитесь, давайте выпьем чаю или кофе И то сказать, за последнее время я познала множество жизненных нюансов и хотела бы их с кем нибудь обсудить.

— Давайте! Мне тоже есть что вам поведать на столь деликатную тему.

— Простите, это как то связано со мной?

— Ага! В смысле, вы ведь там были, так что…

«Она имеет в виду сегодняшний случай в вагоне или что-то другое?» — задумалась Секо, а вслух произнесла:

— Я совсем недавно сюда переехала и плохо знаю местные кафе, а вы?

— Идемте на Кома-но-мити, там есть итальянский семейный ресторан. Если заказать

пирожное дня, кофе дают бесплатно.

— Где-где он? На Кома-но-мити?

— Да, в направлении Накацухамы.

— А, кажется, я его видела. На перекрестке направо, там еще рядом на углу супермаркет. Правильно?

— В самую точку! Там и недорого, и вкусно.

Яснее ясного, выбор продиктован финансовыми соображениями. Она могла бы запросто пригласить новую знакомую на обед в любой ресторан, но не стала этого делать. У нее возникла надежда, что она подружится с этой девушкой, несмотря на разницу в возрасте. Если же Сёко заплатит за сегодняшнюю трапезу в каком-нибудь недешевом ресторане, в следующий раз студентка должна будет сделать ответный ход и почувствует свою ущербность, и тогда на знакомстве можно поставить крест. Чтобы этого избежать, лучше согласиться выпить кофе с пирожным там, где их предлагают по разумным ценам.

— Наверное, вы такие заведения считаете ниже своего уровня…

«Вот, что и требовалось доказать!» — огорчилась Сёко.

— Вовсе нет. Хоть я взрослая и работаю, живу я

одна и мне нужно экономить. Время от времени я позволяю себе что-нибудь этакое и не жалею потраченных денег, но скидки в супермаркете и рестораны с суши-конвейерами тоже обожаю.

— Тогда идемте!

Стороннему наблюдателю они вполне могли бы показаться сестрами. Одна только мысль об этом подарила Сёко крылья. Она улыбнулась про себя: «Мой первый шаг навстречу счастью! Мы попьем кофе, съедим по десерту, и у меня появится новая подруга. А в мои лета заводить друзей уже не так-то легко».

Сакасэгава

«Какая приятная неожиданность», — умилилась Токиэ, взглянув на парня и девушку, вставших рядом с нею и ее внучкой на платформе, к которой должна была подъехать электричка до Такарадзуки.

Чем дольше живешь, тем незаметнее пролетают дни. Шух! — и целый год промчался. А то, что произошло полгода назад, было как будто вчера.

Вместительная холщовая сумка с ярким изображением всемирно известного мышонка тотчас вызвала образ в памяти Токиэ: в предыдущий раз владелица этой сумки встретилась им с Ами на лестнице, ведущей на противоположную платформу. Молодой человек — тот самый, который сейчас был подле нее, — пригласил ее на свидание, и она с улыбкой согласилась. Волнительная завязка отношений, свидетельницей которой стала Токиэ, по-видимому, переросла в полноценный роман, поскольку молодые люди держались за руки, нежно переглядывались и загадочно шушукались.

Руки Токиэ тоже были заняты: одной она обхватывала ладошку Ами, другой — ручку клет-

ки-переноски, в которой сидела миниатюрная такса. Ами мечтала дать песику какое-нибудь изысканное имя на французский манер, например Каштан или Шоколад, но решающее слово в этом вопросе оставалось за хозяйкой, то есть за Токиэ.

Изначально она хотела купить собаку японской породы, но подходящих вариантов оказалось раз-два и обчелся. Те же сиба-ину требовали долгих ежедневных прогулок, и Токиэ передумала заводить такую собаку. Еще существовала мини-версия, мамэсиба-ину, но, несмотря на заявленную миниатюрность, многие собачки вырастали до размеров обычной сиба-ину, так что и этот вариант был сопряжен с немалыми рисками.

В результате Токиэ поддалась уговорам внучки и приобрела длинношерстную черную миниатюрную таксу, но в том, что касалось имени, проявила твердость и нарекла питомца Кэном. Так же звали пса породы каи-кэн, который когда-то жил дома у ее родителей. Пес умер, когда сын Токиэ пошел в детский сад, то есть должен был бы помнить того Кэна, однако образ стерся из его памяти, и сейчас, узнав о намерении матери, сын лишь подтрунил над ней: «Хе, поразительно

оригинальное имечко»[9].

Ами, конечно, расстроилась, потому что мечтала, чтобы песик носил более экзотическое имя, но Токиэ была непреклонна. Она не относилась к числу добреньких бабушек, которые во всем идут на поводу у внучат.

Постепенно Ами привыкла к имени Кэн. Кроме того, появление в доме собаки уже делало свое дело: теперь внучка частенько ночевала у бабушки, вот и вчера невестка с извинениями привезла Ами к Токиэ сразу из детского сада и спросила, не согласится ли та принять внучку в гости. Казалось, с тех пор как Токиэ завела песика, ее дом превратился в филиал садика, где к тому же можно остаться на ночь.

— Бабушка, дай мне подержать Кэна!

— Нет, моя хорошая. Ты вот только что не смогла спуститься по ступенькам с переноской в руках и отдала ее мне.

— Ну пожалуйста… Пока мы стоим и ждем!

Не желая, чтобы Ами устраивала шум-гам на перроне, Токиэ сдалась.

— Отойдем чуть дальше от края. Главное — не

---

[9] Примечания: 9

«Кэн» — одно из двух основных чтений иероглифа 犬, имеющего значение «собака». «Ину» — его японское чтение, «кэн» — китайское. Значения обоих чтений одинаковые.

урони клетку. Если почувствуешь, что устала держать, скажи мне сразу. — Бабушка осторожно вручила клетку внучке.

Как и ожидалось, буквально через полминуты Ами вздохнула:

— Забирай.

— А я тебя предупреждала!

Едва Токиэ снова взялась за ручку клетки, раздался гудок приближающейся электрички.

Очень скоро выяснилось, что тревога Токиэ была напрасной. Ами вела себя идеально и на перроне, и в вагоне поезда. Неприятность свалилась неожиданно.

«Мать честная! Это что за балаган?» — ужаснулась Токиэ, едва двери открылись. Из вагона слышался пронзительный смех и истошные вопли. Судя по голосам, галдели женщины средних лет. Будь на их месте школьники или студенты, Токиэ даже не подумала бы их осудить, но в данном случае пришла в полнейшее недоумение: «Почему некоторые, достигая определенного возраста, разом забывают о правилах поведения?»

Крики и хохот звучали так оглушительно, будто горластые дамы составляли не менее половины от общего числа пассажиров в вагоне, однако в действительности их оказалось человек пять или

шесть. И хотя они сидели рядком на одной скамейке, каждая пыталась завладеть вниманием остальных, так что гам стоял невыносимый.

Становилось понятным, почему желающих ехать в этом вагоне всего ничего. Те, кто остался, не скрывали раздражения и с досадой закатывали глаза, но дамочки, поглощенные беседой, не замечали никого вокруг.

Кэн испугался шума и затявкал. Одна из болтливых дам, взглянув на переноску в руках Токиэ, слегка нахмурила брови. Стремясь отойти подальше от визгливой компании, Токиэ кивнула Ами, и они перешли к противоположным дверям. Девочка с любопытством разглядывала женщин, чем-то напомнивших ей тропических птиц с их ярким оперением и громким гомоном. Поделать тут ничего было нельзя: дети всегда живо реагируют на цвет и звук, это заложено в них природой. Да что там дети, игнорировать говорливых тетушек не могли даже взрослые.

Будучи в том возрасте, когда ребенку непременно нужно узнать ответы на все интересующие его вопросы, причем как можно скорее, Ами приподнялась на цыпочки и, мотнув подбородком в сторону дам, осведомилась:

— Бабушка, а почему эти большие тети шумят,

как малыши на площадке?

Боясь, что Токиэ не расслышит, Ами специально повысила голос. К сожалению, ее вопрос расслышала не одна Токиэ, но и пассажиры по соседству. На их лицах тотчас замелькали улыбки.

— Нашу группу недавно возили на экскурсию, и в поезде воспитательница велела нам вести себя тихо-тихо. А взрослым, значит, шуметь разрешено?

Попутчики не без труда сдерживали смех.

Токиэ посмотрела на внучку и пожала плечами, удивившись про себя: «Вот те на, Ами нравится привлекать всеобщее внимание к тому, о чем тактичнее было бы промолчать. И в кого это она такая?»

Тем временем словоохотливые дамы закрыли рты и во все глаза уставились на Ами и Токиэ.

— Неслыханно! Чему это вы учите ребенка?! — возмутилась женщина, занимавшая центральное место на скамейке, самая нарядная и самая громкоголосая.

Токиэ обвела дамочек пристальным взглядом.

— С вашего позволения, я учу свою внучку правилам поведения в общественном транспорте.

Находчивый ответ Токиэ только подстегнул оживление в вагоне, а лица дам побагровели.

— Чему-чему? И это говорит та, которая едет в поезде с собакой! Если вы считаете, что это культурно и законно, могу себе представить, какое будущее уготовано вашей внучке!

«Так-так-так, кое-кто нарывается на скандал… Единственные, чьей заботой является будущее Ами, — это мой сын, его жена и я».

Держа ручку переноски в одной руке и ладошку Ами в другой, Токиэ приблизилась к бесцеремонным дамам. Те, казалось, были удивлены ее энергичной, совершенно не старушечьей поступью. По-видимому, они не предполагали, что она примет вызов.

Повысив голос, точь-в-точь как в те времена, когда преподавала в старшей школе, Токиэ отчеканила:

— Разрешите вам напомнить, что при условии внесения установленной платы за провоз собаки или кошки пассажир имеет законное право ехать с ними в поезде. Мы с внучкой соблюдаем все правила компании-перевозчика «Ханкю»: плата внесена, собака находится в клетке-переноске. Вот документ. — Вытащив из сумки квитанцию, Токиэ помахала ей перед оторопевшими дамочками. — Таким образом, ваше утверждение, будто мы ведем себя некультурно и нарушаем закон,

голословно. Если же у вас имеются возражения, обратитесь в главный офис «Ханкю» — там вам подтвердят нашу правоту.

Тут диалог принял абсолютно другой оборот.

— Да от нее же воняет! — вскричала та дама, которая нахмурилась при виде клетки, когда Токиэ и Ами вошли в вагон. Взгляд дамы был устремлен почему-то не на бабушку, а на внучку, и та, как загипнотизированная, смотрела на нее в ответ. — От вашей псины исходит мерзкий запах! Мне от него дурно, отойдите отсюда сейчас же!

Лицо Ами стало пунцовым от возмущения.

— Вовсе нет! Я мыла Кэна вчера! Мы его регулярно купаем, ничем от него не воняет!

— Да как вы вообще смогли понять, что от собаки чем-то пахнет? — вклинился вдруг звонкий женский голос.

Токиэ недоуменно обернулась. В их перебранку включилась девушка с холщовой сумкой, на которой был изображен всемирно известный мышонок.

— Вы так надушились, что в вагоне дышать нечем! У меня в носу из-за вас зудит, я вот-вот расчихаюсь!

— Буквально не продохнуть, — подхватил ее спутник.

Девушка лучезарно улыбнулась дамам и вкрадчиво продолжила:

— Судя по ароматам, вы пользуетесь весьма недешевыми духами, однако, по-моему, не умеете их правильно наносить. Нужно просто слегка мазнуть за ушами и на запястья — больше не надо. И уж точно не следует поливать себя духами сверху донизу. Если вы набрызгались как в последний раз, окружающим рядом с вами находиться противно. А еще от этого ваше собственное обоняние притупляется, да-да.

После такой отповеди дамы мгновенно покраснели, не зная, что и возразить.

— И кстати, этот шампунь для собак пахнет приятно. — Девушка улыбнулась Ами, и та радостно закивала.

— Он с цветочным ароматом!

Посерьезнев, незнакомка вновь обратилась к дамам:

— У людей есть преимущество. Даже если они шумят громче собак, никто и никогда не посадит их за это в клетку.

«Прямо с языка сняла», — подумала Токиэ, гадая, как разрядить обстановку.

— А хорошие манеры в билетном автомате не купить, — подхватил молодой человек.

— Следующая остановка — Такарадзука-Минамигути. Такарадзука-Минамигути, — сообщили в динамик.

Зачинщица скандала внезапно поднялась с сиденья и протараторила:

— Дамы, выходим.

— Здесь? Почему? Нам же на следующей…

— По милости кое-кого у меня больше нет настроения туда ехать. Пообедаем сегодня в ресторане при отеле «Такарадзука».

Поезд замедлил ход, и пристыженные дамочки поспешили к дверям. Лишь только двери отворились, шумная компания вывалилась на перрон, оставив тяжелый шлейф из смеси духов, от которых свербело в носу.

— Мои соболезнования официантам, — хохотнул парень. — Непростые клиентки!

— Я не переусердствовала? — с тревогой спросила его спутница.

Токиэ почувствовала, что обязана вмешаться, и успокоила ее:

— Не волнуйтесь, это престижный отель с богатой историей и вышколенным персоналом. Даже если наши новые знакомые попытаются устроить там свистопляску, администратор непременно что-нибудь придумает, и все будут довольны.

— Надеюсь, что так и произойдет, — приободрилась девушка и, вместо того чтобы занять любое из многочисленных пустующих мест, отошла подальше, не желая больше вдыхать резкий запах духов.

— Позвольте поблагодарить вас за поддержку. Если бы не вы… — произнесла ей вслед Токиэ.

— Мне уже неловко за то, что я так себя повела, — отозвалась девушка, оборачиваясь.

— Ты на удивление быстро ввязываешься в драку, — подначил спутницу молодой человек, и она смущенно опустила голову. — О последствиях не помышляешь, а это может обернуться неприятностями.

«Экие оба критиканы», — усмехнулась Токиэ.

— Да, ты прав. И все же сегодня я не смогла не вмешаться.

«Подобающий ответ, умница!» — похвалила попутчицу Токиэ, а вслух сказала:

— Еще раз спасибо за поддержку.

— Я боялась, что вы огрызнетесь: «Не лезь не в свое дело!» — улыбнулась девушка.

Ее спутник задорно рассмеялся:

— По-моему, вы и в одиночку с ними справились бы, но вместе мы сумели как следует проучить эту шайку-лейку.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — кивнула Токиэ.

— Золотые слова, — подмигнул парень.

Его спутница наклонилась, чтобы заглянуть в глаза Ами, а потом полюбоваться Кэном.

— Какой очаровательный песик! Это миниатюрная такса, да? Твой питомец?

— Нет. Этот пес принадлежит мне и моему мужу, — с нажимом проговорила Токиэ, многозначительно посмотрев на внучку.

Девочка досадливо поджала губы.

— Я о нем тоже забочусь, бабуля…

— Совершенно верно, ты заботишься о Кэне. Однако он не твой, а мой и дедушкин.

— Но ведь дедушка уже на кладбище…

— И тем не менее. Кэн принадлежит мне и твоему деду, о чем я не устаю тебе напоминать. — В голосе Токиэ послышался металл. — Если ты хочешь завести питомца, повремени с этим до поры, когда сможешь взять на себя всю ответственность за него.

— Но я люблю Кэна…

Парень и девушка ошарашенно наблюдали за этим противостоянием. Судя по выражениям их лиц, отношения между бабушкой и внучкой показались им, мягко говоря, странноватыми.

Токиэ не разделяла мнения, что внукам следует потакать. Когда она чаевничала с подругами-соседками, те удивлялись: «Как так можно? Ты совсем не балуешь внучку! Не боишься, что родители перестанут привозить ее к тебе в гости, если продолжишь в том же духе?»

— И тем не менее. Кэн не твой, а мой и дедушкин пес. Тема закрыта.

«Предыдущего пса породы каи-кэн, который укусил за ягодицу моего будущего мужа, в результате чего он всю жизнь избегал собак, тоже звали Кэн. Я завела песика поменьше и дала ему то же самое имя в надежде, что этого Кэна мой муж точно не испугается».

— Ну, бабушка, ты и жадина!

— Как скажешь, внученька. Но я бы попросила тебя прекратить эти бессмысленные препирательства. Иначе мы не пойдем на площадку для выгула собак и не заглянем в кондитерскую на Хана-но-мити.

Бульвар Хана-но-мити пролегал от станции Такарадзука до театра Такарадзуки и всегда был украшен сезонными цветами. На бульваре находился торговый центр с магазинчиками, в одном из которых продавали любимое мороженое Ами.

— Жадина… — тихо повторила девочка.

Парень расхохотался:

— Знаете, вы перевернули мое представление о том, какой может быть бабушка! Я-то считал, что бабушки потворствуют внучатам с утра до вечера.

— Видимо, я не вполне соответствую общепринятым стандартам, — только и ответила Токиэ, и ее собеседник вновь засмеялся.

— Масаси… — отвлекла его спутница, положив руку ему на плечо. — Мне нехорошо…

Он бросил взгляд на ее побледневшее лицо и всполошился:

— Это из-за запаха духов? Пойдем в другой вагон. — Повернувшись к Токиэ, он пояснил: — Извините нас, пожалуйста. Ее и так укачивает в поезде, а тут еще и духами этими пахнет — совсем дело плохо.

От скамейки, где недавно сидели крикливые модницы, действительно продолжал исходить запах духов, пусть уже и не столь ощутимый. Однако девушке, похоже, и впрямь было дурно.

— Да-да, конечно, я все понимаю. Спасибо еще раз, что поддержали, несмотря на неважное самочувствие.

Девушка подняла голову и, с трудом улыбнувшись, ответила:

— Не за что. Честно говоря, поведение тех дам показалось мне верхом грубости. Но я жалею, что сорвалась. О чем я только думала, когда обвиняла их в том, что они не умеют пользоваться духами? Вероятно, мне просто захотелось их унизить.

— Вы смелая, — похвалила ее Токиэ. Она не стала признаваться попутчице, что та напомнила ей себя лет тридцать назад.

— Всего вам доброго, — хором произнесли молодые люди.

Парень коротко поклонился, взял свою подругу под локоть и повел в дальний конец вагона.

«Значит, его имя — Масаси. Жаль, я не спросила, как зовут ее».

Такарадзука-Минамигути

Простившись с весьма эксцентричной бабушкой и ее внучкой, Масаси и Юки направились к двери, за которой располагался последний вагон состава.

— Юки, ты как? Может, выйдем в Такарадзуке, немного переведешь дух?

Опираясь на его руку, она покачала головой.

— Тут нет этого тошнотворного запаха, так что все нормально. Спасибо.

— Хочешь присесть?

В вагоне оставались свободные места, но устроиться рядом было бы негде.

— Да ладно, ехать-то всего ничего. Постоим вместе.

Между ними действовало неглавное правило: когда поезд проезжал по металлическому мосту через реку Мукогава, Масаси и Юки обязательно смотрели на ту сторону, откуда было видно песчаный островок близ берега.

С некоторых пор он уменьшился в размерах и выглядел совершенно непримечательно. Зато в день знакомства Масаси и Юки сложенный на острове из камней иероглиф был еще цел и

невредим и производил сильное впечатление. Из них двоих первой на него обратила внимание Юки, и увиденное пробудило в ней охоту выпить пива. Ранее Масаси знал Юки в лицо, но и только. Он воспринимал ее как соперницу в борьбе за популярные книги в библиотеке, что усиливало его досаду, поскольку Юки была в его вкусе.

В ту памятную субботу, выходя из поезда на станции Сакасэгава, Юки предложила: «В следующий раз, когда встретимся, давайте выпьем пива вместе. Желательно из стеклянных кружек, а не из жестяных банок… Вы ведь часто бываете в Центральной библиотеке Такарадзуки, не так ли? Вот я и говорю: в следующий раз».

Так Масаси узнал, что их интерес был взаимным. И это изменило все в один миг.

Выскочив на перрон, он погнался за ней и, задыхаясь, предложил не дожидаться новой встречи, а выпить пива незамедлительно. На его удачу, Юки была свободна и охотно приняла приглашение. Кроме того, они обменялись номерами телефонов. Все складывалось так естественно и гладко, что Масаси сам не верил в подобное везение.

По субботам они встречались на станции Сакасэгава и шли в библиотеку, словом, вели себя куда более целомудренно и прилично, чем боль-

шинство современных старшеклассников и студентов. Впрочем, по пути домой они периодически ужинали вместе и пили за едой спиртное, а школьники и студенты, пожалуй, такого себе не позволяют.

Каждый раз, когда ездили в библиотеку, оба смотрели вниз, на инсталляцию в виде иероглифа.

— Он все еще здесь.

— Да, вон он, на прежнем месте.

Казалось, кто-то заботится об иероглифе: летом, когда он зарастал сорняками, их аккуратно выпалывали, а в тех случаях, когда камни расползались и контуры иероглифа становились размытыми, их складывали обратно и выравнивали. Инсталляция находилась на этом месте уже немалое время.

Однако после тайфуна и продолжительного сезона дождей, а также под действием сильных потоков паводковых вод камни унесло, и поразительное место снова стало заурядным песчаным островом.

— Ну вот, иероглифа больше нет.

— Ага, ни следа.

— Но он долго продержался.

— Так долго, как только смог.

Примерно на том этапе, когда состоялся этот разговор, Масаси и Юки начали бывать в гостях друг у друга.

В ходе совместных трапез Масаси выяснил, что Юки любит выпить. Тут не было ничего удивительного, ведь уже при первой беседе она сообщила, что из всех чтений иероглифа, выложенного на песчаном островке, ей пришло в голову «нама», а параллельно этой мысли ее посетило желание выпить разливного пива. И когда Масаси набрался смелости пригласить Юки на свидание, они отправились в ее любимую рюмочную-идзакая. Сам факт, что у его новой знакомой есть излюбленное питейное заведение, куда она запросто ходит пропустить стаканчик-другой по поводу и без, доказывал, что выпивка играет в ее жизни немаловажную роль.

Хотя Масаси был не из тех, кто пьянеет быстро, он всерьез опасался, что проиграет Юки, если им вздумается посоревноваться, кто больше выпьет.

Мало того, оказалось, от выпитого ее совершенно не развозит и, сколько бы она ни пила, по пути домой держалась прямо и невозмутимо, не позволяя себе ни единой вольности, а потому каждое свидание проходило так же безупречно, как и предыдущее.

Лишь в середине года, когда настал сезон подарков, дело сдвинулось с мертвой точки.

В фирме, где работал Масаси, существовала традиция: все получаемые сотрудниками презенты (если только это не живые создания) складывать в общий фонд, а в день вручения, пятнадцатого июля, устраивать лотерею. Поскольку компания была крупной, оригинальных подарков поступало много, так что лотерея получалась весьма увлекательная, а если выпавший лот не подходил по тем или иным причинам, он без проблем обменивался на что-то другое. К примеру, если непьющему сотруднику досталось пиво, а пьющему — фруктовый сок, они просто отдавали свой выигрыш друг другу.

В этом году Масаси сорвал приз, о котором мечтали все заядлые офисные ценители алкоголя: почти двухлитровая бутылка знаменитого саке «Кэйгэцу» с одной из пивоварен префектуры Коти. Подарок прислал давний клиент, который ежегодно отправлял фирме эксклюзивное саке из разных частей страны.

Вплоть до прошлого года Масаси сей же час обменял бы выигрыш на что-нибудь другое. Он слабо разбирался в саке, да и поводы отведать этого напитка в его жизни возникали редко, тем

более что Масаси жил один, а потому предпочитал пиво, которое мог спокойно пить без особых церемоний.

Масаси приходилось едва ли не ежедневно отклонять предложения руководителей отделов и даже главы компании, которые просили его отдать приз, увещевая: «Ну, вы ведь живете один, столько саке вам не выпить». Он в конце концов придумал отговорку: «Не забывайте, что я мужчина. Мне время от времени хочется глотнуть чего-нибудь покрепче. И вообще, пора развивать вкус и учиться ценить саке». В итоге Масаси благополучно увез выигранную бутыль домой.

Сказать по правде, саке он не особенно любил, да и спиртные напитки в целом не вызывали у него бурного восторга. Пить в одиночестве Масаси не нравилось, а вот в компании — другое дело, тем более теперь, когда он встречался с девушкой, которая ценила элитный алкоголь. Когда Юки пила хорошее саке, ее настроение становилось чудесным, а улыбка по-настоящему безмятежной.

Поскольку уже на первом свидании Юки предложила делить счет пополам в каждом ресторане или баре (за исключением случаев, когда они отмечают дни рождения друг друга), она всякий

раз педантично уточняла у Масаси, не против ли он, если они закажут по порции дорогого саке.

И когда она выпивала это саке, весь ее облик излучал бескрайнее удовольствие. Глядя на блаженно улыбающееся лицо Юки, Масаси тут же предлагал заказать по второй, но Юки отказывалась. Когда дело касалось подобных напитков, она ограничивалась одной чашечкой, что позволяло не только в полной мере насладиться вкусом, но и гарантировать умеренность в выпивке.

Даже на корпоративных вечеринках, когда коллеги предлагали Юки гульнуть от души, она вежливо уклонялась: «Лучше меньше, да лучше». Ярко представив, как Юки потягивает изысканное саке, Масаси в предвкушении позвонил ей и сообщил, что у него есть большая бутылка «Кэйгэцу» из префектуры Коти, в ресторан или бар такую не понесешь, а потому он приглашает Юки к себе в гости на дегустацию.

— Не может быть! «Кэйгэцу»? То самое «Кэйгэцу»?! — (Масаси даже не удивился, что название бренда, далеко не самого раскрученного в стране, ей знакомо.) — Я однажды пила его на корпоративе в Осаке… Оно несравненное. — Юки мечтательно вздохнула и причмокнула, будто вновь ощутила на языке уникальный вкус. — Там

был человек из Коти — он и посоветовал мне попробовать «Кэйгэцу». Мол, в продаже такой напиток почти не встретишь.

С этим нельзя было не согласиться, единственными сортами саке из Коти, которые продавались в обычных магазинах по всей Японии, были «Тосацуру» и «Суйгэй».

— А еще он поведал мне интересную историю. По сути, сказал он, все, что требуется для отличного саке, это качественные вода и рис. Логично, да? Сложно производить саке там, где земля не подходит для выращивания риса. Вот почему большинство регионов, славящихся своим саке, также успешны в рисоводстве — к примеру, Ниигата. Тогда как Коти в эти рамки не вписывается. Местность там преимущественно сельская и потому вода достаточно чистая, однако про рис из Коти мы едва ли что-то знаем, верно?

В самом деле, Масаси никогда не слышал, чтобы в Коти выращивали рис.

— Тем удивительнее, что, хотя по производству саке префектура Коти должна была бы по всем параметрам отставать от прочих, «Тосацуру» и другие сорта регулярно получают золотые медали на ежегодных конкурсах. Они удостаивались этой награды пятнадцать или шестнадцать раз

подряд, и общее количество их побед превысило тридцать, а это ведь самый высокий показатель в стране. Как тебе кажется, почему их позиции настолько сильны?

— Ну-у… Даже не знаю. Может, действуют по какой-то хитрой технологии?

— А вот и нет. По мнению моего знакомого, исключительно ненасытность жителей Коти в отношении саке позволяет им преодолеть любые сложности.

Ничего не скажешь, про любовь жителей Коти к алкоголю ходили если не легенды, то уж слухи точно. Про женщин из Коти в шутку говорили: «Заявляет, что выпьет всего пару глоточков, а сама опрокидывает рюмку за рюмкой и нисколько не пьянеет. Вы и глазом не успеете моргнуть, а сотрапезница уже выкушала три с лишним литра»[10].

Вне зависимости оттого, насколько шутка соответствовала истине, она была по-настоящему смешной, однако Масаси совершенно не развеселился. Скорее наоборот: то, с каким удо-

---

[10] Примечания: 10

Смысл каламбура основан на омономии: «сё», записывающееся иероглифом 𠮟, означает «немножко, глоточек», а «сё», записывающееся иероглифом 升, — это уже мера жидкости, равная 1,8 л. Таким образом, «сёсё», в зависимости оттого, какие иероглифы подразумеваются, может означать и пару глотков, и две бутылки.

вольствием Юки ее рассказывала, вызвало у него мучительную ревность. Да, он отдавал себе отчет в том, что у каждого из них прежде были какие-то романы, и все же, по его ощущениям, человек из Коти запомнился Юки неспроста. Отчаянно желая узнать правду и в то же время страшась ее, Масаси промямлил:

— Этот человек из Коти — твой бывший коллега?

— Почему бывший? Мы до сих пор вместе работаем.

«Она говорит о нем так непринужденно… — размышлял Масаси. — Думаю, даже если они когда-то были парой, расставание прошло мирно — иначе ее голос звучал бы по-другому. И все равно, раз они по-прежнему видятся в офисе, никто не гарантирует, что однажды они не решат снова быть вместе».

— Он, кстати, подлинное воплощение выражения про пару глоточков, — лукаво добавила Юки.

— Могла бы и раньше сказать, — ляпнул Масаси.

— Тебя что-то беспокоит? — раздался встревоженный голос в телефонной трубке.

— Если честно, то да.

— Прости. Впрочем, я рада. — Не успел Масаси уточнить, чему она рада, как Юки оживленно предложила: — Давай я приеду к тебе, и мы отведаем этого изысканного саке. Ты живешь в Обаяси, да?

Они условились встретиться в выходные. В качестве закуски под саке остановились на тэппанъяки — у Масаси как раз имелся дома гриль. Пожелав Масаси доброй ночи, Юки завершила разговор.

В день встречи Масаси тщательно убрал квартиру и в назначенный час отправился на станцию за Юки. Вместе купив необходимые продукты в супермаркете, они зашагали к дому Масаси, дорога к которому пролегала мимо библиотеки.

— Погоди-ка, у них тут в Обаяси есть западный филиал? То есть ты ходишь сразу в две библиотеки?!

— Ну, э-э… Да.

— Это несправедливо!

— Почему? Отсюда всего одна остановка до Сакасэгавы. Ты тоже можешь наведываться в этот филиал.

— Но от Сакасэгавы мне пришлось бы ехать по линии Ниси-Кита в одну сторону, чтобы попасть в западный филиал, а потом по линии Тюо в

противоположную сторону, чтобы добраться до Центральной библиотеки! Это слишком затратно и по времени, и по деньгам. Эх, знала бы раньше, сразу искала бы жилье в Обаяси!

— И все же Сакасэгава — чрезвычайно удобное место для жизни, ты сама об этом упоминала, помнишь? Да и до большой библиотеки рукой подать.

— Это верно, и все же…

За разговорами дошли до дома. Масаси отпер дверь и с любопытством наблюдал за тем, как робко Юки, всегда такая бесстрашная, переступает его порог. Беспокойно оглядевшись, она отметила:

— Чистенько у тебя.

— Сегодня прибирался. Как правило, здесь куда грязнее.

Масаси снимал квартиру-студию. Кухонька, втиснутая в коридор, состояла из крошечной раковины и плиты с одной-единственной конфоркой. Но плитой Масаси почти не пользовался, а когда приглашал кого-нибудь в гости, доставал электрогриль или плитку. Зная об этом, Юки и предложила приготовить тэппанъяки на гриле — вкусное блюдо, не требующее особых хлопот.

— Что ты обычно ешь?

— Покупаю онигири в магазине у дома или готовую еду в супермаркете, где мы с тобой сейчас были.

— О-о, в твоем рационе почти нет овощей. Ничего, сегодня мы это исправим. — И Юки немедленно приступила к готовке.

Поскольку Масаси и Юки встретились во второй половине дня, к ужину приготовления завершились. Мясо и овощи были положены на решетку гриля, и наконец настало время для появления главной героини торжества — бутылки саке «Кэйгэцу».

— Ого! — просияла Юки. — Большая, не на один раз!

Масаси растерялся, не зная, как истолковать ее слова. Намекала ли Юки, что собирается прийти к нему в гости еще? Или что он сам сможет приехать к ней с этим саке?

Юки сосредоточилась на первой порции редкого напитка. На ее лице читался непередаваемый восторг. Масаси, который пробовал «Кэйгэцу» впервые, теперь понял, почему коллеги так просили его отдать им это саке.

— Еще по чашечке?

Юки долго отнекивалась, но в конце концов согласилась. Когда же Масаси предложил напол-

нить чашки в третий раз, Юки накрыла свою ладонью.

— Позже я выпью последнюю порцию.

Они перешли на пиво, купленное в супермаркете, обсуждали всякую ерунду и смотрели телевизор. Когда часы пробили полночь, Масаси и Юки сделали вид, будто ничего не произошло, и словно не замечали, что минутная стрелка продолжает бежать по циферблату.

Издалека, со стороны железнодорожного переезда, послышался гудок.

— Юки, твой последний поезд ушел.

— Я знаю.

— Значит, остаешься ночевать у меня.

— Если бы ты велел мне возвращаться домой, я бы разревелась.

С пустой чашечкой в руке она поднялась и прошла на кухню. Вода в кране зажурчала. Юки сполоснула чашку и ровным шагом вернулась в комнату.

— Сейчас я выпью еще порцию. А потом мне нужно в ванную.

Масаси налил ей «Кэйгэцу».

— Держи, а я пас. Боюсь, меня развезет.

Он выпил минеральной воды. Юки мелкими глоточками цедила саке и молчала.

— Мне что-то не по себе, — вздохнула она. — Печалит, что мое присутствие тебе неприятно.

— С чего ты взяла?

— Да ведь ты даже не попытался меня обнять!

— Если ты этого хочешь, дай мне шанс. Сама посуди, мы уже столько выпили, а ты трезва как стеклышко и, в отличие от меня, контролируешь свои действия — помнишь, что перед новой порцией саке чашку следует ополоснуть. И потом вплоть до этого дня наши встречи проходили на людях. А я так долго не решался пригласить тебя в гости. Словом, ты могла бы и сама проявить инициативу… Но сегодня я в любом случае не отпущу тебя домой, — закончил он невпопад.

— Ха-ха-ха! — Юки залпом допила то, что оставалось в чашечке.

— Вот видишь? Ты хлещешь саке так, будто это вода.

— Просто сейчас мне надо принять душ.

То, что в эту минуту поход в душ был для нее важнее, чем возможность посмаковать саке, являлось, пожалуй, наиболее красноречивым выражением ее чувств к Масаси.

Когда поезд проезжал по металлическому мосту, в поле зрения возникало здание музыкальной школы Такарадзуки, словно вышедшее

из сказки, — с бежевым кирпичным фасадом, ярко-оранжевой крышей и нетривиальными архитектурными формами.

На повороте перед станцией Такарадзука электричку чуть накренило. Юки не удержалась на ногах и схватила Масаси за руку.

С той ночи она больше не стеснялась прижиматься к нему.

После того как поезд остановился и двери открылись, пассажиры разом высыпали на перрон.

В толпе Масаси и Юки заметили пожилую даму и девочку с таксой в клетке-переноске. Они помахали им, бабушка и внучка приветливо помахали в ответ, а затем направились к лестнице, ведущей вниз.

Ну а Масаси и Юки пересаживались здесь на электричку до Умэды, которая стояла с противоположной стороны платформы.

И напоследок

Такарадзука

Наутро после первой ночи, проведенной вместе, Масаси и Юки долго болтали обо всем на свете и многое узнали друг о друге.

Масаси полагал, что Юки нарочно хватает с библиотечных полок книжки, которые ему хотелось прочитать, однако, как оказалось, это было не так. Юки же было любопытно, по какому принципу он их выбирает. «Хм, вот бы спросить у него, почему он взял такую книгу», — думала она тогда.

Узнав ход ее мыслей, Масаси ощутил болезненный укол совести — он-то считал Юки соперницей, с которой постоянно соревновался.

— Я каждый раз искала повод заговорить с тобой, но боялась, что ты сочтешь меня странной.

— А я расстраивался, что из-за тебя вечно вынужден уходить из библиотеки несолоно хлебавши, но другие твои книги — то есть те, что изначально меня не интересовали, — мне тоже пришлись по душе. Я сделал вывод, что твоему выбору можно доверять, несмотря ни на что.

— Несмотря ни на что? Так я тебе не нравилась?

— То, как ты тогда выхватила у меня из-под носа книгу, которую я собирался взять, ужасно меня взбесило. И взбесило вдвойне, ведь ты была как раз в моем вкусе.

— Понимаю. Ты тоже был в моем вкусе, только я не расстраивалась. Когда мы очутились в одной электричке, я решила, что шанс упускать нельзя.

— То есть после пересадки ты специально устроилась рядом со мной?

— А то! Решила показать тебе иероглиф. Я загадала желание: если, увидев инсталляцию, ты захочешь обсудить ее со мной, возможно, наше знакомство перерастет в нечто большее.

— Другими словами, ты поймала меня на крючок? Спасибо.

— За что?

— Если бы ты не сделала этого, мне ни за что не хватило бы смелости попробовать поймать на крючок тебя. Ты разочаровалась бы во мне или рассудила: ну, не судьба так не судьба.

— Однако ты сошел с поезда и помчался вдогонку за мной.

— Потому что я уже попался на крючок!

— Что ж, приятно знать, что мы оба положили глаз друг на друга практически во время первой встречи, — рассмеялась Юки.

Поезд до Умэды был почти пустым — вероятно, по той причине, что следовал по короткому пригородному маршруту. Масаси и Юки сели, хотя им предстояло проехать всего одну остановку.

Электричка еще не тронулась, и Масаси повернулся к Юки.

— Кстати, рассказать тебе, откуда взялась и что означала та инсталляция в виде иероглифа?

Хотя камни размыло и островок выглядел совершенно ординарно, для них он остался особенным. Масаси выяснил, почему там соорудили инсталляцию, — после того как Юки при первой беседе обратила его внимание на данный арт-объект, он заинтересовался, стал докапываться до истины и узнал, что инсталляцию возвели спустя несколько лет после Великого землетрясения Хансин-Авадзи в 1995 году. Она представляла собой творческое высказывание, призывающее к возрождению разрушенного региона. Иероглиф, как верно заметили Масаси и Юки, регулярно подновляли, чтобы он и далее передавал тот смысл, который в него заложили создатели.

— Не-а. — Как и в день их знакомства, Юки не желала знать правду. — Я для себя давно решила, что эта инсталляция означает.

— И что же?

— Она — наша с тобой покровительница. А именно богиня счастливой встречи. — Юки крепко прижала ладони друг к другу, произнося эти слова.

Масаси растерялся. Первая ассоциация, которую пробудил у Юки каменный иероглиф, была связана с пивом и, как он уже знал, оказалась весьма далека от авторской концепции. Впрочем, изначально Юки расценила инсталляцию как шутку, а позднее стала испытывать к ней своего рода нежность, то есть отношение Юки к инсталляции в виде иероглифа неизменно оставалось положительным.

«Час от часу не легче, — подумал Масаси. — Сперва она убеждает меня, что внезапное появление иероглифа из камней на песчаном островке не более чем чья-то причуда, а теперь возводит эту инсталляцию в ранг божества, которое нас свело? До чего же она переменчивая… Но, видимо, поэтому я от нее и без ума».

— Юки, помнишь, ты однажды назвала несправедливым то, что я могу ходить и в западный филиал библиотеки, и в Центральное отделение?

— Помню, конечно. И я по-прежнему считаю, что это несправедливо!

— В таком случае… — (Он беззвучно взмолился: «Богиня счастливой встречи, бог инсталляции, кто угодно! Помогите мне, прошу!») — Может, поищем в Обаяси жилье для нас двоих?

Глаза Юки широко распахнулись.

— То есть…

— Ну, мы с тобой уже достаточно взрослые люди, верно? Ты, кажется, не намерена всю жизнь провести в одиночестве и наверняка строишь планы на будущее. Что до меня, я всецело за то, чтобы начать жить вместе еще до свадьбы. Не ради того, чтобы понять, является ли твой избранник или избранница «тем самым» или «той самой», и не ради каких-то завуалированных целей. Просто люди вырастают в разных условиях, привыкают к разным семейным укладам. Улавливаешь нить? Пожив вместе, мы сможем выяснить, насколько мы со своими индивидуальными различиями подходим друг другу. — Масаси мысленно простонал: «Юки, прекрати так на меня смотреть, ты у меня на лбу дыру прожжешь». Он почесал голову и выпалил: — А потом, если поймем, что подходим друг другу, может быть, мы поженимся?

Юки опустила взгляд и крепко сжала ладонь Масаси.

— Надеюсь, нам удастся найти хорошее жилье.

В то же мгновение поезд тронулся в путь. Масаси сжал руку Юки в ответ.

Выходные данные

Хиро Арикава

ЭЛЕКТРИЧКА ХАНКЮ

Литературно-художественное издание

Издатель *Дарина Якунина*
Генеральный директор *Олег Филиппов*
Ответственный редактор *Юлия Надпорожская*
Литературный редактор *Андрей Басов*
Художественный редактор *Ольга Явич*
Дизайнер *Елена Подушка*
Корректор *Ксения Казак*
Верстка *Елены Падалки*

Подписано в печать 07.08.2025.
Формат издания 84×108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Заказ № 2444/26.

ООО «Поляндрия Ноу Эйдж».
197342, Санкт-Петербург, ул. Белоостровская, д. 6, лит. А, офис 422.
www.polyandria.ru, e-mail: noage@polyandria.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,

www.pareto-print.ru